

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1972

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Костюшко.</i> Советско-польский договор от 8 апреля 1965 года	3
<i>А. И. Недорезов.</i> Клемент Готвальд и утверждение ленинских принципов в деятельности КПЧ	8
<i>В. С. Парсаданова.</i> Помощь Советского Союза в развитии партизанского движения в Польше (1944 г.)	15
<i>Б. Флоря.</i> Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны	25
<i>Н. Н. Пономарева.</i> Драматургия Димитра Димова	36
<i>Г. Островский.</i> О творческих связях художников Закарпатья с изобразительным искусством чешского и словацкого народов	46
<i>И. И. Свирида.</i> Раннее творчество Валентия Ваньковича	52
<i>Г. С. Белякова.</i> Проблемы экранизации произведений Болеслава Пруса	64
<i>М. А. Михайлов.</i> Депревербация и семантика приставки	72

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Б. Л. Фонкич.</i> О судьбе киевских глаголических листков	82
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>А. И. Рогов.</i> Польские описания Москвы XVII века	84
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Д. Ф. Поплыко.</i> В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.)	92
<i>В. Д. Королюк.</i> Ст. С. Шиклев. Екслибрис в България	94
<i>И. Миллер.</i> Juliusz Bardach. Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współczesni	96

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Ю. Смирнов. Песни болгарских антифашистов	96
И. К. Бунина. В. Станков. Българските глаголни времена	98
А. С. Аксамитов, В. В. Мартынов. R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic Languages	101

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1971 г. (продолжение)	104
Содержание иностранных журналов	108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Казимеж Хрустиньский (ПНР). Полонистика в Гданьске	111
М. Л. Бершадская, И. К. Бунина, И. Потапова, Р. Смирнова, В. В. Зеленин, Р. Юрьев. Защита диссертаций	115
В. В. Зеленин, В. Г. Карасев. <u>Академик Фердо Чулинович</u>	119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРНОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

И. И. КОСТЮШКО

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР ОТ 8 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

В ходе совместной борьбы советского и польского народов против фашистских захватчиков, за свою свободу и независимость, произошел коренной перелом в отношениях между Советским Союзом и Польшей.

Советский Союз, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, решительно осуждал порабощение Польши гитлеровской Германией, безоговорочно признавал право польского народа на восстановление национального государства, высказывался за возрождение независимой и сильной демократической Польши, оказывал всемерную помощь польскому народу в его освободительной войне, был глубоко заинтересован в установлении добрососедских, дружественных отношений с польским государством. Это создавало условия для тесного советско-польского сотрудничества во время войны и в послевоенный период.

Польское эмигрантское правительство, однако, исходя из узкоклассовых интересов буржуазии и помещиков, не желало сотрудничать с Советским правительством в войне против общего врага, уклонялось от выполнения принятых на себя обязательств, занимало враждебную позицию в отношении Советского Союза. Антисоветская политика польского эмигрантского правительства осложняла и отношения Польши и СССР с другими участниками антигитлеровской коалиции.

Демократические силы польской нации отвергли эту политику. Интересы польского народа требовали объединения его усилий с усилиями советского народа в войне против фашистской Германии, всестороннего сотрудничества и дружбы между Польшей и Советским Союзом. Глубоко понимая значение польско-советского сотрудничества для изгнания немецких оккупантов с польской земли и возрождения демократической Польши, Польская рабочая партия провозгласила политику союза и дружбы Польши с СССР и последовательно боролась за установление и упрочение союзных и дружественных отношений между польским и советским народами. Политика польско-советской дружбы получила поддержку со стороны широких масс польского народа. В борьбе с фашистскими захватчиками складывалось и укреплялось боевое содружество польского и советского народов.

Этот коренной поворот в советско-польских отношениях был закреплен в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой, подписанном 21 апреля 1945 г.¹ Договаривающиеся стороны выражали решимость

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947. стр. 197—201.

совместно довести войну против фашистских захватчиков до полной и окончательной победы и констатировали, что дальнейшее укрепление отношений доброго соседства и дружбы между Советским Союзом и Польской Республикой отвечает жизненным интересам советского и польского народов. Они обязывались: продолжать войну против гитлеровской Германии до окончательного ее разгрома и оказывать друг другу военную и другую помощь в этой войне; не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с гитлеровским правительством или другой властью в Германии, которая посягала бы на независимость, территориальную целостность или безопасность другой стороны; принимать меры для устранения угрозы повторения агрессии со стороны Германии или другого государства, которое объединилось бы с нею, а в случае их нападения — оказывать помощь стороне, подвергшейся нападению; не заключать союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой стороны; после войны сотрудничать в духе дружбы и помогать друг другу в восстановлении хозяйства.

Договор был заключен сроком на 20 лет, при этом предусматривалось, что если за 12 месяцев до его истечения не последует заявления одной из сторон о ее желании отказаться от договора, то он оставался в силе на следующие 5 лет.

Основанный на общности интересов советского и польского народов, договор от 21 апреля 1945 г. не только закреплял установившиеся отношения между Советским Союзом и Польшей, но и имел большое значение для дальнейшего развития дружественного сотрудничества обеих стран.

За 20 лет, прошедших со времени подписания советско-польского договора, был накоплен большой опыт советско-польских отношений и существенно изменилась обстановка в мире. В связи с этим возникла необходимость обновления договора от 21 апреля 1945 г. Во время официального визита партийно-правительственной делегации СССР в Польшу, 8 апреля 1965 г., был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой².

В договоре констатируется общность интересов и принципов внешней политики Советского Союза и Польши. Договаривающиеся стороны подтверждают верность целям и принципам советско-польского договора от 21 апреля 1945 г., выражают желание упрочить коренной перелом в отношениях между народами СССР и Польши, происшедший в ходе их совместной борьбы с фашистскими захватчиками, и заявляют о постоянном стремлении укреплять дружбу и сотрудничество между обоими государствами. Дальнейшее развитие советско-польских отношений на этой основе, по убеждению обеих сторон, отвечает жизненным интересам Советского Союза и Польши, а также всего социалистического сотрудничества и должно содействовать их всестороннему развитию и осуществлению исторических задач, стоящих перед ними. Последовательно проводя политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем, Советский Союз и Польская Народная Республика выражают общее стремление неуклонно добиваться укрепления мира в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. Обе стороны отмечают, что Германская Демократическая Республика, осуществив Потсдамские соглашения, эффективно способствует обеспечению безопасности в Европе и упрочению мира между народами, а западногерманские реваншисты угрожают европейской безопасности. Имея в виду важное

² «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения». Сборник документов. 1964—1965 годы. М., 1966, стр. 161—164.

значение Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 г., Советский Союз и Польша считают своим непременным долгом соблюдение обязательств, вытекающих из этого договора. Обе стороны высоко оценили роль договора от 21 апреля в развитии советско-польских отношений и признали необходимым его обновление с учетом происшедших перемен.

Исходя из общих интересов советского и польского народов, договаривающиеся стороны согласились сотрудничать между собой в деле укрепления братских советско-польских отношений, защиты своей безопасности и обеспечения мира в Европе и во всем мире. Обе стороны, говорится в статье 1-й, «в соответствии с принципами социалистического интернационализма, будут укреплять вечную и нерушимую дружбу, развивать всестороннее сотрудничество и оказывать друг другу взаимную помощь на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела другой стороны». Здесь указывается, что Советский Союз и Польская Народная Республика в своих взаимоотношениях руководствуются принципами социалистического интернационализма. Эти принципы характеризуют новый тип международных отношений, определяют отношения между социалистическими странами. Социалистический интернационализм означает равноправие народов, уважение их суверенитета, невмешательство в их внутренние дела, он предполагает единство социалистических стран, всестороннее сотрудничество между ними, взаимную помощь, совместную защиту завоеваний социализма и безопасности братских стран. Базирующиеся на принципах социалистического интернационализма отношения между СССР и ПНР обеспечивают вечную и нерушимую дружбу советского и польского народов, успешное построение ими социализма и коммунизма.

В статье 2-й договора определяются обязательства сторон в области экономического и научно-технического сотрудничества и условия этого сотрудничества. Обе стороны согласились «развивать и углублять экономическое и научно-техническое сотрудничество, основывающееся на принципе взаимной выгоды и дружеской помощи, а также участвовать в осуществлении многостороннего сотрудничества в рамках Совета Экономической Взаимопомощи». Двухстороннее и тесно связанное с ним многостороннее экономическое сотрудничество является одним из важнейших условий быстрого развития СССР и ПНР и всех стран социалистического содружества.

Важное место в советско-польских отношениях занимают культурные и научные связи. Поэтому договаривающиеся стороны решили «укреплять культурные связи и в особенности развивать взаимные отношения и сотрудничество в области образования, науки, искусства, печати, радио, телевидения, кино, а также физической культуры» (статья 3-я). Развитие культурного и научного сотрудничества между СССР и ПНР способствует взаимному обогащению научными и культурными достижениями, сближению братских народов и укреплению их дружбы.

Советский Союз и ПНР заинтересованы в сохранении мира во всем мире и ликвидации всяких форм колониального угнетения, они решительно выступают против попыток империалистических сил обострить посредством гонки вооружений международную обстановку, сохранить или установить колониальное господство над народами. Статья 4-я договора обязывает обе стороны «продолжать свои усилия с целью обеспечения международного мира и безопасности, достижения всеобщего и полного разоружения и окончательной ликвидации колониализма». В ней предусматривается также сотрудничество Советского Союза и ПНР с другими государствами в осуществлении указанных целей.

Договаривающиеся стороны придают особое значение сохранению мира в Европе. Мирная обстановка в Европе не только обеспечивает безопасность народов этого континента, но и является важным условием поддержания всеобщего мира. В статье 5-й договора выражается неизменное стремление Советского Союза и ПНР к мирному развитию отношений в Европе. При этом обе стороны подчеркивают, что неприкосновенность государственной границы ПНР по Одеру — Нейссе Лужицкой является одним из основных факторов европейской безопасности. Любое посягательство на эту границу угрожает миру в Европе. Ее неприкосновенность надежно гарантируется мощью Советского Союза и Польши, всех стран — участниц Варшавского договора.

В договоре предусматривается совместное применение всех доступных сторонам средств с целью устранения в отношении них угрозы агрессии. В случае нападения на одну из договаривающихся сторон, другая сторона, «осуществляя право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, немедленно предоставит ей всяческую помощь, в том числе и военную, а также окажет поддержку всеми находящимися в ее распоряжении средствами». О принятых мерах для отпора агрессору обе стороны информируют Совет Безопасности и «будут действовать в духе соответствующих постановлений Устава Организации Объединенных Наций».

В этой статье ярко выражен оборонительный характер договора. Он исходит из права каждого народа на защиту своей свободы и независимости, из принципа поддержки справедливой борьбы народа против посягательств со стороны агрессора. Ее постановления находятся в полном соответствии с нормами международного права, с принципами Устава Организации Объединенных Наций. В статье четко фиксируются обязательства по взаимной помощи. Эта помощь должна быть оказана немедленно и всеми имеющимися средствами. Соглашение СССР и ПНР о взаимной помощи в случае агрессии против них имеет важное значение для безопасности обеих стран, является серьезным предостережением для агрессивных, реваншистских сил.

Советский Союз и ПНР активно участвуют в международной жизни. Разумеется, что многие события в мире представляют общий для них интерес. В связи с этим стороны решили «договариваться и консультироваться по всем касающимся их важнейшим международным проблемам» (статья 8-я). Согласование действий и консультации по вопросам международного положения, затрагивающим обе стороны, осуществляемые на основе дружественных, союзных отношений между странами, способствуют определению общей позиции, проведению единой политики и обеспечивают эффективность предпринимаемых ими мер.

Рассматриваемый договор заключен сроком на 20 лет. Он автоматически продлевается каждый раз на следующие пять лет, если ни одна из договаривающихся сторон за 12 месяцев до истечения соответствующего срока не денонсирует его. Договор был ратифицирован Государственным Советом ПНР 14 апреля 1965 г. и Президиумом Верховного Совета СССР 16 апреля того же года. Обмен ратификационными грамотами произведен 21 апреля 1965 г. в Москве, и с этого дня договор вступил в силу.

Договор от 8 апреля является соглашением двух суверенных, равноправных, дружественных социалистических стран. Он основывается на принципах социалистического интернационализма, на общности интересов братских народов. В нем выражаются замечательные достижения в области развития советско-польских отношений. Закрепляя эти достижения, договор, как указывается в телеграмме руководителей КПСС и Советского правительства от 20 апреля 1965 г., является «монолитной основой

дальнейшего упрочения дружбы между советским и польским народами и их плодотворного сотрудничества на благо общего дела социализма и коммунизма»³.

Советско-польский договор имеет и более широкое значение. Он служит делу развития и укрепления социалистического содружества, сохранения мира и установления взаимовыгодного сотрудничества между народами, является конструктивным фактором мира и безопасности в Европе.

Заключение договора было воспринято советским и польским народами с большим удовлетворением. Обе стороны добросовестно выполняют обязательства, вытекающие из этого договора. В соответствии с ним укрепляется дружба между советским и польским народами, осуществляются совместные акции на международной арене. Сотрудничество между Советским Союзом и Польской Народной Республикой на основе взаимной выгоды и дружеской помощи играет важную роль в развитии их экономики и культуры, в повышении благосостояния братских народов. Обе страны поддерживают тесные связи с другими социалистическими государствами и всемерно содействуют развитию и укреплению социалистического содружества. Они вместе борются за ослабление международного напряжения, отстаивают дело мира и безопасности всех народов. Советско-польская дружба стала образцом подлинно братских взаимоотношений народов социалистического содружества.

³ Там же, стр. 189.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

КЛЕМЕНТ ГОТВАЛЬД И УТВЕРЖДЕНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КПЧ

Деятельность Клемента Готвальда — революционера-ленинца, одного из выдающихся руководителей чехословацкого и международного коммунистического движения, имела разносторонний характер. Четверть столетия, вплоть до своей скоростной кончины, Клемент Готвальд, занимая пост Генерального секретаря, а затем Председателя Коммунистической партии Чехословакии, руководил партией. Это были годы решительной борьбы с оппортунизмом, завершения большевизации партии, напряженных классовых битв, трагических потрясений, достигших народы Чехословакии в 1938—1939 гг. Это были годы героического освободительного движения, революционных общественных перемен после освобождения страны и начала социалистического строительства. Большой интерес представляет деятельность Готвальда в 1928—1929 гг., которая ярко характеризует его как последовательного марксиста-ленинца, смелого революционного борца за дело рабочего класса.

О борьбе Готвальда за большевистскую линию в развитии партии, о значении V съезда КПЧ, который предопределил направление дальнейшей работы партии, было немало написано, особенно в Чехословакии. Однако эта тема не потеряла актуальности. Спустя 40 лет, после напряженной борьбы с оппортунизмом в КПЧ и его разгрома в условиях буржуазного строя, снова пришлось встретиться с оппортунизмом в компартии Чехословакии в его видоизмененной форме в условиях социалистического общества. В чехословацкой историографии в 60-е годы, задолго до событий 1968 г., началось систематическое искажение истории партии, нападки на левую большевистскую оппозицию, возглавляемую Готвальдом, осуждалось вмешательство Коминтерна в решение порожденного оппортунизмом глубокого кризиса в партии. Так, в одной из статей, опубликованной в 1964 г., исключение оппортунистов из партии изображалось как массовое избивание честных партийных кадров: «Тогда в 1928—1929 гг. механически проводились инструкции и директивы, которые только в грубых чертах могли отвечать конкретным специфическим чехословацким условиям и были привнесены из Коммунистического Интернационала»¹. Эта статья была своеобразным пробным камнем. Затем идея о навязывании Коминтерном своей воли КПЧ стала высказываться во многих статьях, публиковавшихся в научной и политической прессе. Подоплека этих попыток ревизии и искажения истории КПЧ была совершенно ясной. В основе их лежало стремление современных оппортунистов

¹ «Ceskoslovenský časopis historický», 1964, № 2, s. 214—215.

подорвать интернациональные связи компартии Чехословакии с братскими партиями и вырвать страну из социалистического содружества.

Выступление Готвальда и его соратников против оппортунизма в Коммунистической партии Чехословакии было продиктовано назревшей необходимостью преодоления глубокого политического кризиса, в который ввергли партию оппортунистические элементы. С чем было связано то обстоятельство, что партию, возникшую в мае 1921 г., единодушно принявшую 21 ленинское условие вступления в III Интернационал, на протяжении восьми последующих лет систематически лихорадило? За это время она испытала два глубоких политических кризиса: один в 1925 г. в связи с действиями правых во главе с Бубником, и другой, еще более серьезный, в 1928—1929 гг. в результате засилия оппортунистов в центральных органах партии.

В первую очередь такое положение в партии было вызвано тем, что она несла на себе тяжкий груз ошибок и грехов прежней социал-демократии, так как 70 % членов КПЧ были в прошлом социал-демократами. При необычайно быстром росте рабочего движения после Октябрьской социалистической революции и международного коммунистического движения в годы послевоенного революционного подъема выявилась тенденция, которую Ленин считал наиболее опасной, когда часть вождей партий II Интернационала, заявив о своем условном или даже безусловном присоединении к Коминтерну, оставалась, как говорил Ленин, «на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала»². Ленин подчеркивал недопустимость такого положения, которое ведет к деморализации масс, дискредитации III Интернационала, а следовательно и компартий, создает угрозу измены этих вождей делу рабочего класса. Поэтому он так настойчиво требовал усиления борьбы против реформистских и центристских тенденций, разоблачения их конкретных выразителей. В первые годы деятельности Коммунистической партии Чехословакии в руководстве партии оказались такие люди, которые сначала выдавали себя за последовательных революционеров, а затем все более скатывались в гнилое болото оппортунизма, троцкизма, перебежали в старую социал-демократию и т. д. Имена Бубника, Илека, Болена, Муны, Гайса, Нейрата и им подобных из руководства КПЧ могут быть наглядной иллюстрацией тезиса о закономерной эволюции оппортунистов.

Этот оппортунизм и ренегатство являлись продуктами влияния на рабочий класс окружающего буржуазного общества и мелкобуржуазной стихии. Многочисленность мелкой буржуазии, характерная для Чехословакии, была одной из причин острых форм борьбы между революционной и мелкобуржуазной линиями развития рабочего движения, борьбы как между КПЧ и реформистскими партиями, так и внутри самой партии.

В период частичной стабилизации капитализма, когда спала революционная волна, и в капиталистическом мире складывалась благоприятная конъюнктура, влияние окружающего буржуазного общества, буржуазной идеологии на пролетариат еще более усилилось. Оно проявилось в появлении у части рабочего класса, особенно в чешских районах, иллюзий о прогрессивности буржуазной демократии, взглядов на относительную стабилизацию как на длительную. Отсюда делался вывод о необходимости соглашения с некоторыми из буржуазных партий с целью создания в рамках парламентской коалиции на основе буржуазного строя рабоче-крестьянского правительства.

Часть тогдашнего партийного руководства во главе с Илеком, выступавшая прежде с ультралевых позиций, оказалась теперь в плену имен-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 183.

но у таких мелкобуржуазных настроений идеологически незрелой массы коммунистов. В практике партийной работы это проявилось в том, что распространялись идеи о пассивности масс, насаждалось неверие в революционные возможности рабочего класса и крестьянства и по существу проводилась линия на свертывание классовой борьбы. Дальнейшее усиление оппортунизма в партии угрожало полной изоляцией коммунистов от масс и вырождением КПЧ в ординарную мелкобуржуазную, реформистскую партию социал-демократического типа, т. е. ликвидацией революционной партии рабочего класса. Именно это и является, как говорил Ленин, главной целью буржуазии, ибо позволяет ей добиться ликвидации политической самостоятельности пролетариата и его полной деморализации буржуазными идеями.

Как далеко зашла дезорганизация и политическая деморализация компартии и рабочего класса Чехословакии оппортунистами, показывает провал ряда выступлений рабочего класса в 1928 г. Так, борьбу рабочего класса против ухудшения социального обеспечения оппортунисты из КПЧ свели к закулисным парламентским комбинациям, к попыткам соглашения с реформистами. В результате бой был проигран. Из-за подобной тактики окончились поражением выступления горняков и металлургов.

Враги КПЧ и рабочего класса использовали недостатки в работе и идеологическую слабость партии, в частности, недооценку значения крестьянского и национального вопросов, для того, чтобы настроить крестьянство против пролетариата. Так, реакционная аграрная партия 16 мая 1928 г. провела в Праге антирабочую демонстрацию в поддержку правительства так называемой панской коалиции. Вместе с помещичьей кулацкой верхушкой деревни в этой явно провокационной демонстрации участвовали десятки тысяч средних и мелких крестьян. Как отмечалось потом в Открытом письме Исполкома Коминтерна членам КПЧ, «этой демонстрацией правительство буржуазного блока восстановило против рабочего класса все крестьянство»³. Руководство КПЧ, однако, отнеслось и к этому очень серьезному факту совершенно безразлично, пассивно, не предприняв никаких контрмер.

Особенно же характерным был провал так называемого Красного дня 6 июля 1928 г. В этот день шесть тысяч рабочих Праги и окрестностей собрались, чтобы протестовать против террора и антинародной политики правительства, но были дезорганизованы разноречивыми указаниями и нерешительностью руководства КПЧ. Они пассивно стояли на улицах Праги, как войско, покинутое своими полководцами. Так позорно была провалена эта важная массовая демонстрация, что, естественно, вызвало в рядах рабочих серьезное разочарование и возмущение. Политика оппортунистического руководства завела партию в серьезный политический кризис. Однако в партии нашлись силы, оказавшиеся способными разорвать пути оппортунизма и преодолеть этот кризис. В рядах Коммунистической партии шел в это время параллельный процесс формирования кадров революционного действия, кадров коммунистов-ленинцев. В ходе большевизации партии, овладевая ленинским учением, изучая практику революционной борьбы большевиков России и участь на опыте классовых битв своего пролетариата, эти кадры выросли до понимания существа процессов, происходивших в капиталистическом обществе, и задач партии в классовой борьбе. Они верили в силы народа, в первую очередь, в револю-

³ «Za bolševickou orientaci KSČ». Sbornik dokumentů k I. svazku spisů Klementa Gottwalda. Praha, 1953, s. 128.

ционные возможности рабочего класса, трудового крестьянства, угнетенных народов буржуазной Чехословакии.

Особая заслуга в возрождении ленинских принципов в деятельности компартии принадлежит Клементу Готвальду. Своей активной работой, выступлениями в прессе Клемент Готвальд завоевал большой авторитет в партии. На III съезде в сентябре 1925 г. он был избран в состав ЦК КПЧ, а после съезда стал членом Политбюро. Уже в феврале 1927 г. Клемент Готвальд в статье «О тактике единого фронта» подчеркивал, что создание единого фронта возможно только на основе классовой борьбы, мобилизации широких масс пролетариата и решительного развенчания всякого рода реформистских иллюзий, искоренения влияния лидеров оппортунизма⁴. Он подверг резкой критике как антирабочую политику реформистских лидеров, так и оппортунистические взгляды отдельных руководящих работников КПЧ, препятствовавшие поведению революционной тактики единого фронта. С подобной же критикой оппортунизма выступали в коммунистической печати Ян Шверма, Йозеф Гакен, С. К. Нейман и другие⁵. В особенности сильной критике оппортунизм подвергался в партийных организациях Словакии и Закарпатья.

Вокруг Готвальда стала постепенно сплачиваться так называемая левая большевистская оппозиция оппортунистическому руководству. Ее представители развернули принципиальную критику оппортунистической линии руководства на пленуме ЦК КПЧ, состоявшемся в июле 1928 г. после провала Красного дня. Однако левые силы в ЦК оказались тогда в меньшинстве. Их предложения, в том числе об усилении руководства партии политически зрелыми рабочими, были отвергнуты оппортунистами. В сообщении об итогах пленума акцент делался лишь на неудачу Красного дня. Здесь ничего не говорилось о долговременной оппортунистической практике руководства партии. Однако левым удалось добиться того, чтобы в партийных организациях была немедленно начата дискуссия об уроках, вытекающих из неудачи Красного дня⁶. Создалась возможность проанализировать работу партии в целом и разоблачить оппортунистов на партийных собраниях перед широкими массами членов партии.

В августе того же года Готвальд приехал в Москву в качестве делегата VI конгресса Коминтерна. На конгрессе в одном из рефератов была подвергнута критике оппортунистическая пассивность руководства КПЧ⁷. Исполком Коминтерна создал для рассмотрения положения в КПЧ специальную комиссию, в состав которой вошли такие выдающиеся деятели международного коммунистического движения, как Тельман, Ульбрихт, Куусинен, Коплениг и др.

В то время как выступивший в комиссии Илек и другие правые сводили все исключительно к неудаче Красного дня, которую они объясняли пассивностью масс, Готвальд подготовил для комиссии глубокий марксистский анализ социальной структуры и существа классовых противоречий чехословацкого буржуазного общества, детально рассмотрел политику партии и ее руководства, и на основе такого анализа определил перспективы революционного движения в стране⁸.

Отмечая в целом полевение масс и в особенности рабочего класса, Готвальд подчеркивал необходимость усиления влияния партии среди рабочего класса, чтобы повысить его политическую активность.

⁴ Klement Gottwald. Spisy, sv. I, s. 29 и далее.

⁵ См. «Cesta k leninismu». Prameny k dějinám KSČ v letech 1921—1929. Sestavil V. Král. Praha, 1971.

⁶ «Cesta k leninismu», s. 301—302.

⁷ Ibid., s. 302.

⁸ Klement Gottwald. Spisy, sv. I, s. 101.

Особое внимание Готвальд обращал на необходимость сплочения всех антибуржуазных сил, на усиление работы среди крестьянства и угнетенных национальностей.

Политический курс руководства КПЧ Готвальд характеризовал как неверный, порочный, приведший партию к изоляции от масс. Признавая основные принципы тактической линии Коминтерна на словах, «руководство КПЧ,— говорил Готвальд,— в конкретизировании и применении линии Коминтерна в условиях Чехословакии допустило, однако, целый ряд тяжелых ошибок, большей частью оппортунистического характера, составляющих целую оппортунистическую систему, означающую правый уклон в линии партии»⁹.

Готвальд констатировал, что в результате такой практики партия оказалась в состоянии кризиса, выход из которого он видел в усилении борьбы против оппортунистической опасности, в систематическом политическом и идеологическом воспитании членов партии, их активизации, воспитании в духе интернационализма. Он подчеркнул необходимость ускорения процесса большевизации партии и консолидации на этой основе ее сил¹⁰. Предложения Готвальда предусматривали также существенные изменения всего стиля работы центральных органов и аппарата партии, пополнение их молодыми большевистскими силами с целью ослабления политического влияния правых.

Положение Готвальда и его сторонников было весьма сложным. Они составляли меньшинство чехословацкой делегации на VI конгрессе Коминтерна. Однако комиссия, состоящая из опытных деятелей международного коммунистического движения, смогла объективно разобраться в ситуации, сложившейся в КПЧ. Помогло этому то, что в ходе обсуждения вопроса о положении в КПЧ в комиссии на сторону Готвальда стали такие видные деятели КПЧ, как Богумир Шмераль, Антонин Запотоцкий, Карел Крейбих и другие делегаты, в особенности из рабочих. Большую роль сыграло также и то обстоятельство, что в развернувшейся в это время в самой партии дискуссии, Готвальда и всю большевистскую оппозицию поддерживали областные организации партии в Либереце, в Усти-над-Лабой, Карловых Варах, а также большинство областных организаций Словакии и Закарпатской Украины. Готвальда также поддержало руководство комсомола Чехословакии.

В пражской организации в это время разгорелась острейшая борьба. На собраниях партийного актива Большой Праги большинство решительно встало на сторону большевистской оппозиции. Был принят так называемый Пражский меморандум, в котором осуждался оппортунизм руководства партии и Пражского областного комитета. С этим меморандумом в Москву была направлена делегация, которая передала его в комиссию. В это же время Пражский обком по указанию Илека сочинил свой так называемый антимеморандум, в котором говорилось о пассивности масс и одобрялась илековская линия руководства партией.

После обсуждения положения в КПЧ комиссией Исполком Коминтерна обратился к членам КПЧ с Открытым письмом¹¹. В его основу были положены тезисы выступления Клемента Готвальда в комиссии. Тщательное изучение Открытого письма показывает, что его положения принципиально не отличаются от тезисов выступления Готвальда в комиссии Исполкома Коминтерна. Следовательно, ни о каком механическом навязывании КПЧ линии Коминтерна без знания местных условий, как об этом говорили некоторые из чехословацких историков, не могло быть и речи.

⁹ Ibid., s. 111.

¹⁰ Ibid., s. 134.

¹¹ «Za bolševickou orientaci KSČ», s. 124—133.

Несомненно и другое: Открытое письмо ИККИ помогло большевистской оппозиции в ее борьбе против оппортунистического руководства в ходе дискуссии, развернувшейся в партии задолго до опубликования Открытого письма в «Руде право» (30 сентября 1928 г.).

В Открытом письме констатировалось, что главной опасностью в партии является правый оппортунизм, пережитки традиций социал-демократии. Здесь вскрывались ошибки руководства КПЧ в крестьянском и национальном вопросах, в руководстве классовой борьбой. Оппортунистическая пассивность руководства, подчеркивалось в письме, привела к полной изоляции партии от масс при проведении Красного дня.

Все честные чехословацкие коммунисты восприняли Открытое письмо ИККИ как интернациональную помощь со стороны международного рабочего движения. Надо отметить, что Илек и его сторонники на словах согласились с выводами ИККИ. Более того, после возвращения в ЧСР они заявили, что эти выводы отражают правоту их взглядов. Но вскоре Илек мобилизовал своих приверженцев и единомышленников в некоторых краевых комитетах партии. Стал формироваться беспринципный блок оппортунистов-ликвидаторов, троцкистов и других ренегатов, которые использовали свои руководящие позиции в партии, чтобы сорвать дискуссию или по крайней мере направить ее в выгодное для себя русло.

Однако большевистская оппозиция была идеологически сильнее оппортунистов. Ясность ее взглядов, базирующихся на принципах марксизма-ленинизма, энергия, которую проявил Готвальд и его соратники в их пропаганде, завоевывали ей симпатии все большего числа членов партии. Победе большевистской линии помогло и то, что после своего поражения на заседании ЦК КПЧ, состоявшемся 28—30 сентября 1928 г., Илек отказался от руководства Центральным секретариатом партии, которое перешло в руки представителей левой оппозиции во главе с Готвальдом. После этого, опираясь в своей работе на рабочее ядро партии, прежде всего на рабочих заводов, ленинцы развернули разъяснительную работу среди рядовых членов. О сложности обстановки свидетельствует тот факт, что на собраниях часто выступали два докладчика — один от большевистского направления, другой — от оппортунистов.

Успеху левых в борьбе способствовало сокрушительное поражение в это время правой группировки Бухарина в ВКП(б), с одной стороны, и нараставшее рабочее движение в Чехословакии, с другой. Тем не менее борьба была исключительно острой и продолжительной. Она велась затем на областных и районных конференциях, где все яснее вырисовывалась победа большевистского направления.

Наконец, 18 февраля в Праге полулегально открылся V съезд КПЧ, на котором 90% делегатов с решающим голосом составляли рабочие. На съезде проявилось полное политическое банкротство оппортунистов. Илек отказался сделать порученный ему доклад, и его сделал Клемент Готвальд.

В докладе Готвальд дал глубокий марксистско-ленинский анализ международного и внутреннего положения Чехословакии. Подчеркнув временный, непрочный характер капиталистической стабилизации, он предсказал наступление нового экономического кризиса и обострение классовых противоречий. Как в докладе, так и в решениях съезда обращалось внимание на необходимость усиления борьбы против лидеров оппортунизма и их идеологии, за освобождение рядовых рабочих из-под влияния реформистов в непролетарских партиях, на необходимость повышения революционной активности КПЧ и ее ведущей роли в массовой борьбе. «Мы идем в Чехословакии, — говорил К. Готвальд в докладе на V съезде, — навстречу большим социальным боям, навстречу большим социальным

сражениям. Необходимо, чтобы партия была способна вести эти бои. Роль партии, Коммунистической партии в этой обстановке чрезвычайно важна. Партия должна быть вождем масс, должна быть организатором их борьбы, должна быть организатором социальной революции. Роль партии возрастает вместе с ростом напряженности классовых отношений»¹².

Разгромив идейно и организационно оппортунистов, V съезд наметил новую подлинно революционную линию борьбы рабочего класса и широких слоев беднейшего крестьянства против буржуазии и помещиков, за экспроприацию буржуазной собственности, за осуществление права угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения за свержение существующего капиталистического строя¹³.

Решения V съезда были победой принципов марксизма-ленинизма в КПЧ, хотя борьба с оппортунизмом на этом не закончилась. Оценивая историческое значение V съезда для развития партии, Клемент Готвальд сказал: «V съезд Коммунистической партии Чехословакии является не завершением, а наоборот, началом борьбы, началом больших и трудных боев, еще ожидающих нас. Партия, товарищи, идет навстречу тяжелым временам, навстречу тяжелым боям. Партия, товарищи, идет навстречу тяжелым боям особенно в своих собственных рядах — к боям против ликвидаторов, против оппортунизма, против агентуры буржуазии в нашем собственном лагере»¹⁴.

И действительно, партии пришлось в последующие годы выдержать острую борьбу против оппортунистов типа Гайса, Илека, Гутмана и других. В конечном итоге ленинцы нанесли сокрушительное поражение оппортунистам, были ликвидированы многочисленные фракции, течения и группы в КПЧ, которые являлись постоянной угрозой прорыва оппортунистов к руководству партией, угрозой ликвидации революционной партии пролетариата. Партия превратилась в боевого руководителя классовых битв рабочих. Надо отметить и тот факт, что с помощью Коминтерна партия более успешно и безболезненно преодолела трудности первоначального развития, и тот глубокий кризис, в который ее ввергли оппортунисты. Бесспорно и то, что лишь окончательная победа ленинизма, в достижении которой такую выдающуюся роль сыграл Клемент Готвальд, позволила чехословацкому пролетариату проводить собственную классовую линию в антифашистском освободительном движении в годы войны, завоевать гегемонию в национально-демократической революции. А это стало решающей предпосылкой прихода рабочего класса к власти после освобождения страны. Только такая боевая ленинская партия могла выдержать все те испытания, которые выпали на ее долю в годы страшного фашистского террора, и осуществить историческое дело национального и социального освобождения трудящихся страны.

¹² Klement Gottwald. Spisy, sv. I, s. 205.

¹³ «Za bolševickou orientaci KSC», s. 180—181.

¹⁴ Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 116.

В. С. ПАРСАДАНОВА

ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РАЗВИТИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ (1944 г.)

Национально-освободительное движение в Польше с лета 1943 г. стало массовым. Этому способствовало коренное изменение военно-политической обстановки в мире под влиянием побед Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, приближение советских войск к польским землям, а также организационная, политическая, идеологическая и военная деятельность Польской рабочей партии (ППР). Авангард польского рабочего класса все более становился ведущей силой освободительной борьбы. ППР сплотила передовые демократические и революционные силы народа в Национальный демократический фронт. Его верховным органом стала созданная 31 декабря 1943 — 1 января 1944 г. Крайова рада народов. Она обратилась к союзным державам — правительствам СССР, США и Англии с воззванием «во имя общей борьбы с общим врагом о помощи в виде доставки оружия и средств борьбы для Армии Людовой», ибо в результате гитлеровского террора «проблема оружия становится вопросом жизни или смерти для миллионов поляков»¹.

12 января 1944 г. ЦК ППР обратился к Центральному бюро польских коммунистов (ЦБПК) в СССР² с письмом, в котором просил организовать помощь АЛ кадрами, вооружением и военным снаряжением³.

18 февраля 1944 г. Председатель ЦБПК А. Завадский обратился к Советскому правительству с письмом, в котором просил разрешения на организацию польского партизанского штаба. Основной целью штаба была бы помощь АЛ вооружением, техническими средствами, радиостанциями и обмундированием. В письме выдвигалось предложение использовать в работах штаба поляков, действовавших в советских партизанских отрядах, в отрядах, непосредственно связанных с Союзом польских патриотов, а также об ускорении обучения будущих партизанских кадров в Специальном батальоне, созданном при 1-ом польском корпусе в СССР в октября 1943 г.

В марте вопрос о создании партизанского штаба вновь рассматривался на заседании ЦБПК. Была принята специальная резолюция «по вопросу о развитии широкого партизанского движения в стране». В ней говорилось: «... созрели условия для широкого партизанского движения. Растет партизанское движение, руководимое ППР... ЦБПК считает оказание все-

¹ «W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej. Materiały i dokumenty». Warszawa, 1952, s. 285.

² Центральное бюро польских коммунистов в СССР было создано в январе 1944 г. для руководства работой польских коммунистов, оказавшихся в годы войны на территории СССР, их деятельностью в Союзе польских патриотов и в сформировавшихся польских регулярных частях, координации их усилий, объединения их организационно и идейно. В состав Бюро входили: А. Завадский (председатель), В. Василевская, С. Радкевич, К. Сверчевский, Я. Берман (члены), Х. Минц и С. Вербловский (уполномоченные). В работе Бюро участвовали также С. Ендриховский и Э. Охаб.

³ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1959, s. 218.

сторонней помощи партизанскому движению в стране главной задачей Бюро, для чего еще раз подчеркивает необходимость создания руководящего центра для оказания всесторонней помощи партизанскому движению в стране»⁴.

Центральное бюро выдвинуло также предложение о подчинении Специального батальона будущему партизанскому штабу.

Советское правительство удовлетворило просьбу польских коммунистов. 8 апреля 1944 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление (за № 5563) о создании Польского партизанского штаба, об обеспечении его кадрами, о его материально-техническом снабжении и обеспечении. Органы Советской власти, осуществляя это постановление, приняли необходимые меры по оказанию помощи в создании Польского партизанского штаба. На основании постановления ГКО 21 апреля 1944 г. Генеральный Штаб Красной Армии издал директиву о сформировании к 5 мая 1944 г. Штаба партизанского движения Польши и учреждений для его обслуживания с дислокацией в г. Ровно⁵. Начальники главных управлений Народного Комиссариата Обороны СССР должны были по заявкам Штаба обеспечить все указанные формирования необходимым имуществом. По приказу начальника тыла Красной Армии от 14 июня с 1 июля 1944 г. Штаб и Специальный батальон были приняты на централизованное снабжение.

По решению ЦБПК Штаб возглавил Александр Завадский, его заместителем, а потом начальником Штаба стал Сергей Притыцкий. Штаб числился при Военном Совете 1-го Белорусского фронта и начал свою деятельность 5 мая 1944 г. в Шпанове около Ровно⁶.

Задачей Штаба было: 1) установление связи с отрядами и бригадами АЛ и обеспечение их оружием, боеприпасами, медикаментами, кадрами; 2) направление в тыл врага групп организаторов и создание новых баз в северной, средней и южной частях Польши для охвата партизанским движением всей территории страны, увеличение численного состава партизанских формирований. Намечалось довести численность отрядов, подчинявшихся Штабу, до 15—20 тыс. человек; 3) координация и руководство боевыми действиями партизанских отрядов и бригад, активизация их деятельности особенно на коммуникациях врага и линиях связи; 4) сбор данных о немецко-фашистских войсках и передача их командованию Красной Армии или Войска Польского⁷.

В Штабе польских партизан⁸ было 14 отделов. В них работало 139 военнослужащих и 37 человек вольнонаемного персонала. Кроме того, Штабу была придана база снабжения и автотранспорта (57 человек) и радиоузел, переданный 29 апреля по указанию ЦК КП(б) Украины в составе 4 радиостанций и 10 раций, действовавших в партизанских отрядах⁹.

⁴ «*Sesja poświęcona XX-leciu Ludowego Wojska Polskiego*». Warszawa, 1965, s. 236.

⁵ Архив Министерства Обороны СССР (АМО), д. 58, оп. 12178, ф. 71, л. 131—136.

⁶ О деятельности Штаба автору известна лишь статья: J. Świerczyński. *Polski Sztab Partyzancki. Zarys organizacji i działalności*. «*Wojskowy Przegląd Historyczny*» (Далее — WPH), 1963, № 1, s. 65—96 и публикация «*Dwa dokumenty o działalności Polskiego Sztabu Partyzanckiego*», *Ibid.*, 1962, № 22 spec., s. 390—412.

⁷ «*Sesja...*», s. 174.

⁸ «Отчет Штаба партизанского движения Польши за май — сентябрь 1944 г.», стр. 7—9. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. С сокращениями документ опубликован в WPH, 1962, № 22, стр. 391—401. В документах и литературе употребляются следующие названия Штаба: Польский партизанский штаб, Штаб польского партизанского движения, Штаб польских партизан. Надпись на оттиске печати, приложенной к «Отчету» на двух языках (польском и русском) гласит «Штаб польских партизан» — «*Polski Sztab Partyzancki*», в документах НКО СССР употребляется наименование «Штаб партизанского движения Польши».

⁹ «*Dzieje Najnowsze*», 1969, № 4, s. 78.

До середины июня радиоузел обслуживали главным образом радисты, ранее работавшие в Украинском и Белорусском штабах партизанского движения. Однако для оперативной связи с Польшей мощность узла была недостаточной. Поэтому в сентябре Штаб располагал уже 7 стационарными радиостанциями, полученными от Главного управления связи Красной Армии. Для подготовки радистов была создана школа, где обучалось 314 человек, но к августу ее закончило лишь 48 человек. По приказу маршала войск связи Пересыпкина для радиоузла Польского партизанского штаба Главное управление связи Красной Армии направило 66 квалифицированных специалистов-радиотелеграфистов. В сентябре в радиоузле работало 134 человека. «Поэтому Штаб партизанского движения Польши, — говорится в „Отчете“, — на протяжении периода своей работы был обеспечен радистами, умеющими работать в качестве операторов в партизанских отрядах, группах и на спецзаданиях», «сумел полностью обеспечить устойчивую регулярную связь с партизанскими формированиями, находящимися в тылу противника»¹⁰. Работа раций, переброшенных в Польшу, их связь с СССР находилась под контролем ЦК ППР, руководили ею первые секретари ЦК ППР¹¹.

Командование Польского корпуса в СССР передало в подчинение Штаба отдельный польский батальон особого назначения, так называемый Специальный батальон (1563 человека). Это была партизанская школа для подготовки к действиям в тылу врага политработников, организаторов, минеров, диверсантов, разведчиков, радистов.

Кроме того, Штаб имел свое представительство в Москве (5 человек) и при Военном Совете Белорусского фронта (29 человек), т. е. всего со школой радистов, базой обеспечения и радиоузелом Штаб польского партизанского движения насчитывал 436 человек¹².

Советское командование выделило в распоряжение Штаба опытные кадры, знакомые с проблемой партизанских действий в тылу врага. 154 человека было откомандировано из Красной Армии. 93 человека передало командование Польской армии в СССР, 163 человека пришло в Штаб из состава партизанских (в основном польских по национальности) отрядов, оказавшихся на уже освобожденных территориях. Таковы были три основных источника пополнения кадров Штаба. 219 работников Штаба были участниками Отечественной войны, 23 из них были награждены орденами и медалями СССР. В Штабе было 58 членов и кандидатов ВКП(б)¹³, 21 комсомолец, 3 члена ППС, 1 член бывшей компартии Западной Украины и 4 члена бывшего Коммунистического союза молодежи Польши.

Весной 1944 г. в целях оказания помощи освободительной борьбе польского народа против немецко-фашистских захватчиков, дальнейшего развития партизанского движения в Польше Украинском штабом партизанского движения были переданы в полном составе с вооружением и средствами связи в постоянное оперативное подчинение польскому Штабу партизанского движения организованные и действующие на территории Польши и Украинской ССР польские отряды: бригаду им. Костюшко — 690 чел., под командованием Сатановского; бригаду „Грюнвальд“ — 500 чел., под командованием Собесяка; бригаду им. Ванды Василевской — 320 чел.,

¹⁰ «Отчет Штаба...», стр. 27 и 25.

¹¹ «Dzieje Najnowsze», 1969, № 4, s. 73, 82.

¹² Национальный состав Штаба: 321 поляк, 69 русских, 16 украинцев, 14 белорусов, 12 евреев и 4 представителя других национальностей; социальный состав: 162 рабочих, 154 крестьянина, 120 представителей интеллигенции. «Отчет Штаба...».

¹³ В Штабе и Спецбатальоне было более 40 человек, до 1939 г. участвовавших в польском коммунистическом движении. J. Świerczyński. Ibid., s. 68.

под командованием Шелеста; отряд — 500 человек, под командованием Лукашевича¹⁴.

Приказом Штаба партизанского движения Польши от 15 мая 1944 г. указанные соединения были подчинены Штабу¹⁵. К этому моменту в тылу врага на территории Польши действовало только два формирования — часть соединения «Еще Польша не згинела» под командованием Р. Сатановского (командир В. Рожковский) и бригада им. В. Василевской. Поляки, борющиеся против общего врага в рядах белорусских партизан, также должны были пополнить ряды групп и отрядов, поступивших в распоряжение Штаба партизанского движения Польши.

В середине мая 1944 г. после тяжелого пути по тылам противника и перехода линии фронта в Москву прибыла полномочная делегация КРН во главе с Э. Осубка-Моравским. В ее составе был представитель ЦК ППР, один из руководителей партизанского движения М. Спыхальский¹⁶.

На первом же приеме в Кремле было заявлено, что одна из целей приезда делегации «... установить отношения с союзными правительствами и получить от них помощь оружием и займами». Советская сторона этот вопрос решила уже на первом заседании; было согласовано также взаимодействие Армии Людовой и частей Красной Армии. «Все количество оружия, предусмотрительно увеличенное нами по сравнению с запроектированным в стране, не только было одобрено, но по крайней мере удвоено. Далее мы подняли вопрос о лекарствах, медикаментах и обмундировании. И эти наши предложения были полностью приняты»¹⁷.

Одним из главных центров переброски оружия и снаряжения в Польшу оставался польский партизанский штаб.

Период до конца первой декады июня 1944 г. в работе Штаба партизанского движения Я. Сверчинский считает организационным¹⁸. В этот период налаживалась работа Штаба, вырабатывались планы развития партизанского движения в Польше, согласовывались с ЦК ВКП(б) и Ставкой Верховного Главнокомандующего, обучались кадры, создавалась учебная и материально-техническая база. Первоначально Штаб располагал лишь оружием, полученным от Украинского и Белорусского штабов партизанского движения. «К концу июня (1944 г.) благодаря исключительной заботе ЦК ВКП(б) и Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии»¹⁹ Штаб польских партизан получил 4270 автоматов, 8600 винтовок, 254 пулемета, 52 миномета, 137 противотанковых ружей (ПТР), 66 пистолетов, 14 400 финских ножей, 3500 гранат, 176 тыс. патронов для автоматов, 52 тыс. патронов для винтовок, 20 тыс. патронов для ПТР, 1500 мин для минометов, 17 343 различные мины для диверсионных целей, 15 тыс. кг тола, других взрывателей 105 451 кг, а также необходимое количество парашютов, в т. ч. грузовых, обмундирования польской формы, продовольствия, медикаментов, автомашин²⁰. «Запасы материально-технических

¹⁴ Институт истории партии ЦК КП Украины, Партийный архив. (Далее — ИИП ЦК КПУ, ПА.) Особая папка. В литературе встречается иное имя командира — Леонард Луцевич. J. Swierczyński. Ibid., s. 68.

¹⁵ См. «Справка на партизанскую бригаду, командир Шелест, комиссар Кременецкий» от 30 V 1944 г. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹⁶ Спыхальский 11 VII 1944 г. был кооптирован в состав Центрального бюро польских коммунистов в СССР.

¹⁷ J. S. H a n e m a n. U progu Polski Ludowej. «Z pola walki», 1962, № 2, s. 142.. 143.

¹⁸ J. Swierczyński. Ibid., s. 74.

¹⁹ «Отчет Штаба...», стр. 23.

²⁰ «Dwa dokumenty...», Ibid., s. 399.

средств, — говорится в „Отчете“, — были созданы таковы, что полностью обеспечивали нормальную работу Штаба, штабных подразделений и частей по выполнению летнего плана развития партизанского движения на территории Польши²¹. Необходимое оружие и материалы продолжали поступать и в дальнейшем.

Штаб располагал необходимыми финансовыми средствами, в том числе в валюте, имевшей хождение на территории оккупированной гитлеровцами Польши. В частности, финансовое управление Красной Армии выдало первый аванс на организацию Штаба в размере 6500 тыс. рублей, 50 тыс. злотых, 250 тыс. немецких марок, а на III квартал 1944 г. на нужды Штаба по статьям: содержание военнослужащих²², продовольствие и фураж, хозяйственные расходы, квартирно-эксплуатационные, денежное содержание курсантов медшкол, расходы на комплектование учебных органов, политико-просветительные, медико-санитарные и иные расходы выделило 4 666 000 рублей²³. Создание прочной материальной базы и обеспечение кадрами позволило Штабу не только организовать, установить связь с отрядами, действовавшими в тылу врага, но подготовить и выбросить в тыл противника новые организаторские группы, установить связь с отрядами АЛ и оказать им материально-техническую помощь.

Основными источниками формирования групп организаторов партизанских отрядов и групп связи с отрядами АЛ были: Специальный батальон, школа радистов, партизаны, вышедшие из тыла врага, работники Штаба польских партизан.

Как уже говорилось, к моменту организации Штаба в его распоряжении оказалось два отряда, паходившиеся на территории Польши. Отряды под командованием Р. Сатановского выросли из первого на территории СССР чисто польского партизанского формирования при Соединении ген. Сабурова. В своем письме к нему от 7 февраля 1943 г. Сатановский и Рожковский писали, что целью создания польского отряда является «поднятие польских масс к активному действию и активной борьбе с оккупантами рука об руку с красными советскими партизанскими отрядами», проведение агитационной и пропагандистской работы, «создание организованной вооруженной силы, имеющей социалистическую идеологию, задачей которой была бы организация массы польского народа для борьбы за социалистическую Польшу»²⁴. Уже к маю 1943 г. в отряде насчитывалось 130 человек. Весной 1944 г. это крупнейшее на территории СССР польское формирование, получившее название «Еще Польшка не згинела», насчитывало 9 отрядов численностью в 866 человек. Стремительно наступая, Советская Армия освободила районы Вольни, где они действовали. Вышедшие в советский тыл отряды были по указанию Штаба партизанского движения Польши переформированы. В Польскую армию было передано 826 человек. Кроме того, было отобрано 40 лучших бойцов, в основном офицеров, подофицеров и специалистов, к ним присоединили 15 человек из Спецбатальона²⁵. После тщательной и длительной подготовки²⁶ создан-

²¹ «Отчет Штаба...», стр. 24.

²² См. «Инструкция Штаба польских партизан о размерах денежного содержания и о порядке выплаты и производстве расчетов с партизанами, командно-начальствующим составом партизанских отрядов и соединений, а также о назначении и выдаче единовременного пособия», от 8 VII 1944 г. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

²³ Финансовая смета Штаба польских партизан на предполагаемые расходы в III квартале 1944 г. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

²⁴ ИИП ЦК КПУ, ПА, ф. I, оп. 9а, ед. хр. 203, л. 42.

²⁵ См. «Справка (ШПДП) на соединение партизанских отрядов командира Сатановского». Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

²⁶ См. «Стенограмма беседы с командиром соединения партизанских отрядов под командованием тов. Сатановского» от 29 апреля 1944 г. в ЦК КПУ. ИИП ЦК КПУ, ПА, ф. 166, оп. 2, ед. хр. 87, л. 1—29.

ная таким образом организаторская группа двумя партиями (последняя в ночь на 23 июня 1944 г.) была переброшена в Люблинское воеводство, на запад от Влодавы. На следующую ночь группе дополнительно были сброшены контейнеры с оружием для 300 человек²⁷. Задачей группы было проведение диверсий на коммуникациях с последующим выходом в Прикарпатье для создания там партизанского центра. Два отряда соединения «Еще Польша не згинела» под командованием Рожковского и Брачинского уже находились за Бугом на Люблинщине. Соединению Рожковского были поручены самостоятельные действия в районе Люблин — Хелм — Влодава — Луков.

Переданная Польскому штабу по решению ЦК КП(б)У 2-я польская бригада «Грюнвальд» также была реформирована. В отрядах оставили 150 чел., главным образом офицеров, которые прошли специальное обучение для исполнения обязанностей командиров рот, взводов, а также минеров, связистов и т. д. Переброска их была завершена в ночь с 30 июня на 1 июля 1944 г. Группа, которая была прекрасно вооружена (с запасом на дальнейший рост отрядов)²⁸, должна была действовать как бригада АЛ и создать партизанскую базу на запад от Вислы в районе Опочно — Радом — Кельце. Столь же тщательно была подобрана и обучена группа Ч. Клима (93 человека), ранее действовавшая в составе белорусских партизан. Всего за лето 1944 г. в тыл врага было сброшено 12 групп, насчитывавших 296 человек²⁹.

Часть отрядов переправилась с помощью белорусских партизан. Так, группа капрала Голдиса, сформированная из бойцов батальона специального назначения была обеспечена Белорусским штабом партизанского движения (БШПД) боеприпасами, продовольствием и обмундированием, ей был выделен радист с радиостанцией, 17 мая группа была десантирована самолетами в расположение соединения Чернышева в Барановичской области. Задачей Голдиса было создать отряд из партизан — поляков, выделенных БШПД, и северным маршрутом перейти через августовские леса в район Острова Мазовецкого — Цеханова — Остроленки для наблюдения за передвижением войск противника, его гарнизонов. Группа должна была «развернуть организационно-политическую работу по вовлечению польского народа в борьбу по изгнанию немецких оккупантов, за создание сильного польского демократического государства»³⁰. В снабжении, экипировке и переброске группы хорунжего Т. Коршля, как и некоторых других, также помогал Белорусский партизанский штаб.

Переброска кадров для партизанского движения в Польшу и оружия происходила и по другим каналам, например, через штаб Белорусского фронта. Есть сведения, что с мая по июль 1944 г. только в Люблинское воеводство было переброшено 514 человек, из них 164 самолетами³¹. По заданию Украинского Штаба партизанского движения с 1 VI 1942 по 1 I 1945 г. в тыл противника для оказания практической помощи поль-

²⁷ «Оперативная сводка Штаба польского партизанского движения от 8 июля 1944 г.». Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

²⁸ J. S o b i e s i a k. Partyzancka brygada «Grunwald». «Wspomnienia żołnierzy GL i AL», Warszawa, 1962, s. 318—323.

²⁹ «Dwa dokumenty...», Ibid., s. 395.

³⁰ «Справка на Организаторскую группу. Командир капрал Голдис Михаил». Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР.

³¹ Их перебросил Штаб польских партизан. См. W. W o ł c z e w. Stosunek ruchu oporu na Lubelszczyźnie do ZSRR i radzieckich sił zbrojnych w ostatnim okresie okupacji (styczeń—lipiec 1944). «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. VI. Warszawa, 1970, s. 160.

скому партизанскому движению сброшено 16 минометов, 14 ПТР, 11 пулеметов, 180 автоматов, 207 винтовок, 1300 мин минометных, 1020 патронов для ПТР, 23 тыс. немецких трофейных патронов, 92 160 патронов для ППШ, тола 115 148 кг, 1700 гранат, для чего было направлено 6 самолетов с грузами и 3 с людьми³².

Благодаря хорошо налаженной связи с АЛ (в 1944 г. прямая радиосвязь с советскими друзьями действовала в любую пору дня и ночи³³), обычно на местах десант Штаба встречали ее представители. Группы немедленно устанавливали связь с местным и центральным командованием АЛ и действовали в тесной согласованности с ними.

Группы Янчака, Долецкого, «Антка» (Лойки) и Крыницкого имели специальное задание создать базы снабжения АЛ. Польский партизанский штаб в мае — сентябре 1944 г. сбросил в тыл противника для обеспечения АЛ: 3179 автоматов, 1297 карабинов, 167 пулеметов, 50 противотанковых ружей, 31 миномет, 1,61 млн патронов для автоматов, около 477 тыс. патронов для карабинов, 4413 мин для минометов, 7912 гранат, 5560 патронов ПТР, 12 960 кг взрывчатки, обмундирование, медикаменты, агитационно-политическую литературу (165 600 экз. воззваний и листовок, 50 995 экз. брошюр, газет, журналов)³⁴.

В мае 1944 г. сброшено 12, в июне — 147, а в июле 110 контейнеров (тюков) с оружием, боеприпасами и другим снаряжением (всего 269 контейнеров). В документах Штаба имеется подтверждение о получении 219 контейнеров (по-видимому, часть контейнеров не попала к АЛ). Передача оружия через Штаб польских партизан, через советские партизанские отряды, перешедшие в Польшу по приказу Украинского и Белорусского штабов партизанского движения, через штабы фронтов, подходивших к Польше, и т. д. позволила значительно усилить военный потенциал АЛ, а частично и Батальонов хлопских (БХ). На это неоднократно указывают польские исследователи: «... в принципе все партизанские отряды АЛ накануне освобождения имели достаточное количество оружия, в том числе значительное количество автоматического оружия»³⁵. «Советская помощь военным снаряжением и оружием имела важнейшее значение для поднятия боеспособности польских партизанских отрядов и явилась существенным вкладом в укрепление советско-польской дружбы»³⁶.

Исследуя летне-осеннюю партизанскую кампанию 1944 г., польские военные историки пишут: «При помощи польского партизанского штаба (базы материально-технического обеспечения) было получено несколько тысяч штук автоматического оружия, значительное количество боеприпасов, взрывчатых веществ и средств связи. Установилась систематическая в принципе связь между партизанским командованием и главным командованием Войска Польского.

Народные партизанские силы летом 1944 г. стали важным военным фактором. Они были хорошо вооружены и обеспечены, имели крепкое руководство. Это создало хорошие условия для реализации задач, поставленных Главным командованием Войска Польского»³⁷.

³² ИИП ЦК КПУ, ПА, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 3, л. 214.

³³ Об оперативности и содержании этой связи свидетельствуют документы: например, шифропереписка командования Люблинского округа АЛ с Завадским и Притыцким, опубликованная в «Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie 1942—1944». Lublin, 1960, s. 357.

³⁴ J. Świerczyński. Ibid., s. 81.

³⁵ W. Wołczew. Ibid., s. 161. В журнале «Za wolność i lud», 1952, № 8, s. 6 говорится, что 70% бойцов АЛ были вооружены автоматами и пулеметами.

³⁶ «Боевое содружество польских и советских партизан». М., 1959, стр. 66.

³⁷ «Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Węzłowe problemy». Warszawa, 1963, s. 526—527.

Для более успешной и действенной борьбы с концентрировавшимися в Польше германскими войсками командование АЛ решило создать на базе существовавших отрядов более крупные соединения — бригады. В первую очередь это касалось Люблинского округа АЛ, который стал непосредственным тылом гитлеровской армии. Организация больших соединений (так, 1-я бригада Люблинской земли насчитывала в своих рядах 1200—1500 чел.) стала возможной в связи с ростом рядов АЛ. Только с 25 мая по 7 июня 1944 г. в гарнизонные отряды Красноставского повята влилось 311 чел., Красникского — 322. Гарнизоны Ченстоховско-Петковского округа составляли в начале мая 1944 г. 213 чел., в начале июня — 859, в середине августа — 2020, кроме того, в АЛ вошли гарнизоны БХ — 1900 чел., гарнизоны милиции ППС — 700 чел.³⁸ Только в Люблинском воеводстве в июле 1944 г. АЛ насчитывала 9622 чел., в Келецком — в октябре 1944 г. — около 7 тыс., в Силезии в январе 1945 — более 1600 чел., на западе от Вислы — 5 тыс. бойцов. Всего же по неполным данным численность АЛ в 1944 г. составляла 60 тыс. солдат и офицеров. Все это, а главное — гигантский подъем национально-освободительного движения всего польского народа в связи с приближением Красной Армии — освободительницы, привело к широкому размаху партизанского движения, охватившего всю страну и вылившегося в подлинно второй фронт в тылу гитлеровской армии. Представитель ЦК ППР в Люблинском воеводстве Х. Хелховский говорил, что не было ночи, чтобы на территории Люблинщины и других воеводств не велось каких-либо крупных партизанских операций. Вся восточная Польша была объята борьбой в таких масштабах, что эту борьбу без преувеличения можно назвать всеобщим восстанием³⁹.

Активно действовали отряды, высланные Штабом партизанского движения Польши. Они значительно выросли. Вот их численность к концу боевых действий, когда они оказались в районах, освобожденных Красной Армией⁴⁰:

Отряд	Численность	
	начальная	к моменту отчета
С. Шелеста	200	500 ⁴¹
В. Рожковского	150	400
Р. Сатановского	56	457
Ю. Собесняка	70	500
Конар и Криницкого	13	400
Голдуса	6	120
Т. Корпя	11	13

Основными формами борьбы партизан с немецко-фашистскими захватчиками были диверсии на железных дорогах, взрывы мостов на дорогах и шоссе; нападения на мелкие гарнизоны противника; разрушение линий связи; проведение разведывательной работы в тылу врага и, наконец, активная политико-просветительная работа в отрядах и среди населения. По неполным данным до октября 1944 г. одиннадцать отрядов, с которыми Штаб поддерживал связь, взорвали 138 транспортов, при этом было раз-

³⁸ R. N a z a r e w i c z. Zarys działalności Gwardii Ludowej i Armii Ludowej w okręgu częstochowsko-piotrkowskim w latach 1942—1945. WPH, 1959, № 1, s. 97.

³⁹ С. А. Л е с н е в с к и й, В. И. С о к о л о в с к и й. Братская дружба советских и польских воинов. М., 1958, стр. 47.

⁴⁰ «Dwa dokumenty...», Ibid., s. 396.

⁴¹ На одном из заседаний «Правительства генерал-губернаторства» особо говорилось о действиях «отряда Федорова» (т. е. бригады им. В. Василевской, ранее действовавшей в составе партизанского соединения под командованием ген.-майора Федорова), наносившего большой урон захватчикам. Оккупантам даже казалось, что численность бригады в 10 раз больше действительной. ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1707, л. 15.

бито 112 паровозов, 980 вагонов; уничтожили 25 мостов, 17 танков и 120 автомашин, убили и ранили 8096 солдат и офицеров гитлеровской армии; сообщили Штабу сведения о 25 гарнизонах противника, о 20 складах, 10 аэродромах, о 10 оборонительных линиях; 25 радиogramм было послано о переброске неприятельских войск, военных материалов и оружия и 30 радиogramм общего характера.

Полученные материалы были обработаны и переданы командованию Польской армии, Штабу 1-го Белорусского фронта и Ставке Верховного Главнокомандования, что оказало существенную помощь наступавшим советским войскам, в составе которых к польским землям приближалась стотысячная Польская армия.

18 июля 1944 г. советские войска форсировали Западный Буг и вступили на польскую землю.

В освобождении Польши участвовало 5 фронтов, 29 общевойсковых, 5 танковых, 6 воздушных армий, 6 артиллерийских корпусов прорыва из резерва Верховного Главнокомандования⁴².

В результате летнего наступления 1944 г. Советская Армия освободила всю правобережную Польшу, приблизительно третью часть страны с населением около 5,6 млн человек.

Опираясь на подъем революционной борьбы масс, на развертывавшуюся революцию, КРН декретом от 21 июля 1944 г. создала временный исполнительный орган революционной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Первый акт нового правительства, его Манифест, являвшийся программой строительства нового государства, в качестве одной из первоочередных задач выдвигал доведение до конца борьбы за освобождение страны и воссоединение польских земель в едином государстве, призывал к укреплению сотрудничества с международным демократическим лагерем и, в первую очередь, с Советским Союзом в борьбе против германского фашизма.

Созданные в ходе борьбы против оккупантов Армия Людова и Польская армия в СССР боролись за осуществление одних и тех же идеалов. Они составляли единое целое, независимо от места и форм борьбы. Это позволило КРН сразу же после вступления 1-й польской армии на территорию Польши официально объединить вооруженные силы в единое Войско Польское. Вместе с частями Польской армии в СССР в состав Войска Польского перешел Польский партизанский штаб и все отряды, ему подчинявшиеся⁴³. Он вошел в состав Генерального Штаба Войска Польского и перебазировался в Люблин — временную столицу государства. По приказу командования Войска Польского Штаб был реорганизован в «Базу материально-технического снабжения при главном командовании Войска Польского для отрядов в тылу врага». Несколько изменилась ее структура: осталось восемь отделов и рота охраны, всего 154 военнослужащих и 13 вольнонаемных. Вместе со всеми службами и представительством в Москве База насчитывала 291 человека⁴⁴.

Задачей Базы была помощь и активизация действий партизан в Келецком округе АЛ, который стал ближайшим тылом гитлеровцев, установление связей с новыми отрядами АЛ, руководство их деятельностью и обеспечение оружием, боеприпасами, военным снаряжением, необходимым для ведения активных наступательных операций против немецко-фашистских войск.

⁴² И. С. К о н е в. Польша обретает свободу. «Великий освободительный поход», М., 1970.

⁴³ «Organizacja i działania bojowe ludowego Wojska Polskiego w latach 1943—1945». Warszawa, 1958, s. 107.

⁴⁴ «Dwa dokumenty...». Ibid., s. 403.

От расформированного Штаба польских партизан База получила значительное количество оружия⁴⁵. «Указанных запасов оружия, патронов, взрывчатки, — говорится в отчете Базы, — полностью хватило бы не только для отрядов, действовавших в тылу врага: их было бы достаточно, если бы партизанское движение значительно усилилось»⁴⁶. База имела достаточное количество автомашин и пять самолетов, с помощью которых по первому требованию партизаны во-время получали оружие, боеприпасы, медикаменты. Иногда запасы партизан пополнялись непосредственно в ходе боев с немецко-фашистскими оккупантами. Всего за август — январь с Базы было сброшено 398 контейнеров. Я. Сверчинский приводит следующие обобщающие данные о переброске оружия и других материалов отрядам АЛ: автоматов 4653, патронов к ним 2 357 046, карабинов 1417, патронов к ним 480 720, пулеметов легких 246, противотанковых ружей 82, минометов 49, гранат 7912, взрывчатки 16 660 кг, мин со взрывателями 11 комплектов, раций 65, комплектов батарей к ним 279, лекарств 8 тюков⁴⁷.

Хорошо организованная связь, наличие радиостанции в каждой бригаде и партизанском отряде позволяло командованию Войска Польского руководить действиями всех крупных партизанских отрядов. Мощность радиоузла Базы давала возможность использовать ее правительству Польши и Генеральному Штабу Войска Польского.

За время своей деятельности Штаб и База, используя советскую материально-техническую помощь, создали собственные партизанские отряды, вооружили и перебросили их в Польшу, установили тесную связь и взаимодействие с главным командованием АЛ и командованием отдельных округов АЛ, снабдили АЛ кадрами и вооружением, затем организационно вошли в состав Войска Польского. Посылка кадров и вооружения позволила значительно увеличить ряды АЛ на Люблинщине, в Келецком округе и в Мазовии, что способствовало усилению национально-освободительного движения в Польше, способствовало победе революционных сил страны.

Командование Войска Польского высоко оценило итоги деятельности Штаба польских партизан. 6 февраля 1945 г. командующий Войском Польским М. Роля-Жимерский издал приказ, в котором говорилось: «...в героической борьбе за освобождение родины немалую роль сыграли партизаны, действующие под руководством Штаба Польских партизан... Штаб провел огромную работу по обеспечению оружием, боеприпасами, боевой техникой и радиоаппаратурой 3-го и 4-го округа Армии Людовой... Работники Штаба великолепно справились со своими обязанностями. Принимая во внимание заслуги Штаба в области расширения партизанского движения в Польше, организацию партизанских отрядов, систематическое обеспечение их оружием, боеприпасами и иным военным снаряжением, выражаю благодарность начальнику Штаба полк. Притыцкому и всем работникам Штаба...»⁴⁸.

12 января 1945 г. Советская Армия и вместе с ней части Войска Польского перешли в наступление. За несколько недель вся польская земля стала свободной.

В марте 1945 г. База материально-технического снабжения при Главном Командовании Войска Польского для отрядов в тылу врага была расформирована.

⁴⁵ Ibid., s. 410.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ J. S w i e r c z y Ń s k i. Ibid., s. 89.

⁴⁸ «Dwa dokumenty...», Ibid., s. 412.

РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И КОНЕЦ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Последние годы Ливонской войны были для России тяжелым временем военно-политических неудач. Оказавшаяся во внешнеполитической изоляции, страдающая от страшного «разорения», страна не смогла выдержать наступления войск польско-литовского короля Стефана Батория. В военных кампаниях 1579—1580 гг. армия Речи Посполитой глубоко вторглась в русские земли, захватив ряд западных русских крепостей. Осенью 1581 г. Баторий осадил Псков — крупнейший городской центр северо-запада России. Тяжелое положение России усугублялось тем, что для борьбы с вторгшимся противником русское правительство оказалось вынуждено вывести большую часть войск из Ливонии, и этим воспользовался другой противник Русского государства — Швеция. Не встречая сопротивления полевых русских войск, армия шведского полководца Понтуса Делагарди оккупировала один за другим занятые русскими гарнизонами города в Северной Эстонии. В мае 1581 г. войска Делагарди взяли Нарву, лишив Россию ее единственного порта на Балтийском море, а затем вторглись на русскую территорию, захватив новгородские пригороды — Ивангород, Ям, Копорье и Корелу.

В этих условиях 22 октября 1581 г. в Александровской Слободе состоялось совещание, на котором были определены основные внешнеполитические цели, осуществление которых позволило бы найти приемлемый для России выход из создавшегося положения. Здесь было принято решение заключить мир со Стефаном Баторием, уступив ему русские владения в Ливонии в обмен на занятые польско-литовскими войсками русские города. «А помиряся б с Литовским с Стефаном королем, — указывалось далее в решениях совещания, — стати на Свейского и Свейского бы не замиривати»¹.

Мотивы, которыми руководствовалось русское правительство, станут понятны, если учесть, какое значение имела для Русского государства Нарва. На протяжении 20 лет через этот русский порт шла главная торговая магистраль, связывавшая Россию с государствами Запада. Его потеря означала утрату одного из главных завоеваний Ливонской войны — выхода к Балтийскому морю и самостоятельных экономических сношений со странами Западной Европы. Чтобы вернуть Нарву, русское государство должно было добиваться сепаратного мира с Речью Посполитой, поскольку победить Швецию было невозможно, пока главные силы русской армии были заняты тяжелой борьбой с войсками Батория. Разумеется,

¹ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. X, СПб., 1874, стб. 257.

при заключении русско-польского мира Россия хотела сохранить за собой полную свободу действий по отношению к Швеции.

Решения, принятые в Александровой Слободе, определили направление политической линии русского правительства — продолжать борьбу за выход к Балтийскому морю.

В соответствии с принятыми решениями, послам, направленным в ноябре 1581 г. в Ям-Запольский на переговоры с польско-литовскими представителями, предписывалось «Свейского и тех городов, что за Свейским, однолично не замиривать»². Это же требование царь повторял затем неоднократно в своих грамотах, направлявшихся послам уже после начала переговоров³.

Царь и его советники понимали, что осуществление их плана может натолкнуться при переговорах на определенные трудности. С одной стороны, учитывая дружественные отношения между Речью Посполитой и Швецией и родственные связи между польской и шведской королевскими семьями, можно было ожидать, что польско-литовские дипломаты станут добиваться заключения общего мирного договора между тремя воюющими государствами. С другой стороны — поскольку в Москве хорошо знали, что Речь Посполитая претендует на все наследие Ливонского Ордена — представлялось более вероятным, что послы Речи Посполитой потребуют признать ливонские земли, занятые шведами, частью своего государства⁴.

Однако царь и его советники рассчитывали, что их дипломатам удастся отклонить подобные требования и добиться заключения мира на условиях, выработанных в Слободе.

Определенную роль при этом сыграла, по-видимому, деятельность посредника на переговорах посла папы Григория XIII Антонио Поссевино. Его сообщения о том, что польский король «по приговору наивысшего папы» должен присоединиться к антитурецкой коалиции⁵, создали, по-видимому, у русских политиков впечатление, что Речь Посполитая определенным образом заинтересована в войне против Турции. Отсюда — расчеты на то, что в обмен на обещание союза против Турции удастся добиться смягчения условий польско-литовской стороны⁶.

Задача, поставленная перед русскими дипломатами на Ям-Запольском мирном конгрессе, оказалась трудной. Правда, выдвинув в начале переговоров требование заключить мир не только с Речью Посполитой, но и со Швецией⁷, польско-литовские представители в дальнейшем не стали на нем настаивать, но это не означало, что они вообще склонны на уступки русскому правительству.

Представители польско-литовской стороны в Яме-Запольском и руководивший их действиями из лагеря под Псковом коронный канцлер Ян Замоиский ясно представляли себе, какие мотивы определяли поведение русской стороны, когда она пыталась исключить из мирного догово-

² Ф. И. Успенский. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885, стр. 23.

³ Ф. И. Успенский. Переговоры о мире между Россией и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887, стр. 36—37, 75.

⁴ Ф. И. Успенский. Наказ царя ..., стр. 22—23.

⁵ «Памятники дипломатических сношений...», стб. 100, 150.

⁶ Русские послы уполномочивались, если Баторий согласится сохранить за Иваном IV часть его ливонских владений, ввести в мирный договор обязательство «стоять за один против бесерменских государей». (Ф. И. Успенский. Наказ царя..., стр. 24).

⁷ Ф. И. Успенский. Переговоры о мире..., стр. 54; М. К о я л о в и ч. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени. СПб., 1877, стр. 413—414.

ра какие-либо упоминания о шведской Эстонии⁸. Однако перспектива возможного в этом случае возвращения балтийского побережья в состав России никак не устраивала польско-литовских политиков. Поэтому польско-литовская делегация выставила как одно из главных условий мирного соглашения признание Россией прав Речи Посполитой на «всю Ливонию», в том числе и на те земли, которые были заняты шведами. Однако русские послы, следуя полученным инструкциям, твердо отклонили это условие, заявив, что их государь не может уступить того, чем он не владеет⁹. Тогда в начале января польско-литовская делегация обратилась к коронному канцлеру за дополнительными указаниями, следует ли им снять свои требования или прервать переговоры¹⁰.

Между тем, пока шли русско-польские переговоры, шведская армия продолжала наступление в Ливонии. К концу зимы под угрозой шведского нападения оказались Пярну, Вильянди и Тарту — главные центры русских владений в Прибалтике¹¹. Успехи шведов вызвали беспокойство государственных деятелей Речи Посполитой¹². Они считали, что необходимо опередить шведов, заняв указанные города своими войсками. Между тем, королевская армия завязла под Псковом, где она испытывала серьезные трудности, страдая от недостатка продовольствия и нападений защитников города. Если здесь Замойскому еще удавалось поддерживать дисциплину, то в других пунктах, где располагались польско-литовские войска, положение было гораздо хуже. 3 января послы в Яме-Запольском получили письма от старост пограничных городов, которые сообщали, что «если бы покой не стался, люди все с замков крайних поднялись прочь пойти»¹³. В таких условиях разрыв мирных переговоров с Россией противоречил интересам Речи Посполитой. Поэтому Замойский рекомендовал уступить по спорному вопросу и согласиться на то, чтобы в мирном договоре занятые шведами ливонские города были вообще обойдены молчанием¹⁴. После этого переговоры быстро пошли к концу, и 15 января текст соглашения о 10-летнем перемирии между Россией и Речью Посполитой был парафирован представителями сторон¹⁵.

Но, пойдя в этом отношении навстречу требованиям русских, Замойский одновременно предпринял попытку ограничить значение сделанной уступки. 6 января по его указаниям польско-литовские представители сделали публичное заявление — «протестацию» о том, что польский король считает города Северной Эстонии своей собственностью и будет продолжать их «доставать», кому бы они ни принадлежали¹⁶. Тем самым правительство Речи Посполитой ясно давало понять, что если в данный момент оно не сумело добиться желательного для себя решения вопроса о шведской Прибалтике, то оно тем не менее намерено продолжать борьбу за эти терри-

⁸ См., например, заявление польско-литовских представителей, цитируемое в отписке русских послов царю: «то, деи, мы знаем, что государь ваш со государем нашим помирился да и станет свейского воевать» (Ф. И. Успенский. Переговоры о мире..., стр. 59).

⁹ «Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория». М., 1843, № 81, стр. 222.

¹⁰ М. К о я л о в и ч. Там же, стр. 495.

¹¹ О планах и действиях шведов зимой 1581—1582 гг. см. A. A t t m a n. Den ryska marknaden i 1500—talets baltiska politik. Lund, 1944, s. 291—293.

¹² См. Запись в дневнике королевского секретаря Яна Пиотровского: «... если Швед будет так быстро брать в Инфлянтах, то нам ничего не достанется; нужно бы и нам тоже хватать побыстрей (что возможно)». (М. К о я л о в и ч. Там же, стр. 172).

¹³ «Книга посольская...», стр. 223.

¹⁴ См. письма Я. Замойского от 2 и 4 января. М. К о я л о в и ч. Там же, стр. 499, 500, 508, 509.

¹⁵ Текст договора см. «Книга посольская...», № 83, 85.

¹⁶ См. «Книга посольская...», № 84.

тории и не собирается предоставлять русскому правительству свободу действий в этом районе.

«Протестация» польско-литовских послов не привела, однако, к отказу русского правительства от своих планов, поскольку по окончании русско-польских переговоров снова начал оживленно обсуждаться вопрос о присоединении России к антитурецкому союзу. А. Поссевино предложил царю от имени Батория заключить военный союз против Крыма и просил его уже «сего лета» выслать свои войска против хана¹⁷. В связи с этим отправленному в начале марта в Литву гонцу М. Протопопову было дано поручение «проведывать», «как Стефану королю на крымского стоять ... и как хочет вместе с государем с одного на крымского стоять», а также узнать подробнее, как идет организация антитурецкого союза европейских государств¹⁸.

Кроме того, мирный договор не накладывал никаких формальных ограничений на русскую политику по отношению к Швеции, и русское правительство могло рассчитывать, что, в случае быстрого военного успеха, Речи Посполитой, оказавшейся перед лицом уже совершившихся фактов, ничего не останется, как эти факты признать.

Еще до завершения переговоров в Яме-Запольском русское правительство развернуло подготовку к военному походу против шведов.

В первой половине декабря в Новгороде начался сбор войск, которые царь и его советники в случае удачного оборота событий, рассчитывали направить на шведский фронт¹⁹. Сбор войск продолжался на протяжении всей второй половины декабря²⁰ и на рубеже 1581—1582 гг., когда уже были урегулированы основные спорные вопросы между Россией и Речью Посполитой и принято окончательное решение об организации «зимнего похода» «на свейские немцы»²¹. Во главе армии, состоявшей из пяти полков, должны были встать бояре кн. Ф. И. и В. И. Мстиславские и В. Ю. Голицын. Высокое служебное положение этих лиц говорит о том, что для похода были мобилизованы довольно значительные силы.

7 февраля воеводам был послан приказ начать военные действия²², и корпус во главе с М. П. Катыревым-Ростовским выступил в поход «к Ругодеву ... да в Свицкую землю за Неву реку». Шведские войска, пытавшиеся остановить продвижение русской армии, были разбиты в сражении при Лялицах²³.

Ситуация в Прибалтике стала заметно изменяться в пользу России, что не осталось незамеченным политиками Речи Посполитой. Уже в марте старосты пограничных замков информировали находившегося в Риге короля об успехах русских авангардов, за которыми, как они сообщали, должны были выступить в поход «добывать ... Нарву» главные силы русской армии²⁴. Перспектива возвращения Россией потерянного выхода

¹⁷ См. «Книга посольская...», № 84.

¹⁸ «Памятники...», т. X, стб. 269—271.

¹⁹ М. К о я л о в и ч. Там же, стр. 397.

²⁰ Там же, стр. 412, 423—424 и др.

²¹ В различных редакциях «Разрядных книг» приводятся разные даты этого решения: 31 декабря — в редакции, составленной в начале правления Бориса («Разрядная книга 1475—1598 гг.». М., 1966, стр. 324), и 6 января — в Пространной редакции (Государственный исторический музей. Отдел рукописей, далее — ГИМ). Собр. П. И. Щукина. № 496, л. 753.

²² Сообщение о парафировании русско-польского договора пришло в Москву 2 февраля («Памятники дипломатических сношений», стб. 258).

²³ ГИМ, там же, л. 753—754 об. Ср. «Разрядная книга 1475—1598 гг.», стр. 324—325.

²⁴ См., например, донесение дерптского старосты Розена («Archiwum Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana wielkiego koronnego», t. III. Warszawa, 1913, № 767, s. 77—78). Ср. письмо Я. Пиотровского Андрею Опалинскому от 14 апреля 1582 г. («Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, t. XI, Cracoviae, 1887, p. 351).

к Балтийскому морю вызывала большое беспокойство у короля и его окружения. Возможность такого поворота событий учитывалась политиками Речи Посполитой с момента заключения Ям-Запольского договора. Пытаясь исключить подобную возможность, Ян Замойский уже в конце января направил своих представителей к Делагарди с требованием передать Нарву полякам²⁵, но Делагарди эти требования отклонил. В новой ситуации, создавшейся с началом русского наступления, оставался лишь один способ предотвратить такой исход — путем прямого давления на русское правительство заставить его отказаться от своих планов.

18 марта в Москву выехал гонец Петр Визгерд с грамотами от короля и сенаторов. Баторий требовал, чтобы до приезда «великих послов» Речи Посполитой для ратификации Ям-Запольского договора Иван IV запретил своим войскам «входить» «под замки наши Нарву и иные, которые колвек в границах земли Ифлянское суть». В противном случае король будет вынужден защищать эти замки от русских войск, «а в том бы се ... зостановенье покою межи нас заслабити могло». Еще более определенно угроза войны была сформулирована в грамоте сенаторов²⁶. В королевской инструкции «великому посольству», которое во главе с князем Янушем Збаражским отправилось в путь в конце марта, послам было предписано добиваться, чтобы условие — «абы» царь «под тые замки, што Король Швецкий у границы земли Ифлянское держить, людей своих не посылал» — было внесено в текст перемирного договора²⁷.

Этими мерами деятельность польско-литовских дипломатов весной 1582 г. не ограничивалась. Королю и его советникам было ясно, что после заключения польско-русского мира и начала русского наступления, международное положение Швеции резко ухудшилось, и соответственно заинтересованность шведского правительства во внешней поддержке должна была также резко возрасти. Такая ситуация открывала перед польско-литовскими политиками новые возможности для достижения основных целей, которые Речь Посполитая преследовала в Прибалтике. Реализовать эти возможности должен был королевский «кухмистр» Доменико Аламани, выехавший в Стокгольм почти одновременно с отъездом П. Визгерда в Россию.

Д. Аламани должен был требовать передачи польскому королю занятых шведами замков в Эстонии и, прежде всего, Нарвы. В обмен за это ему обещалась известная денежная компенсация и посредничество при переговорах с Россией, а также военная помощь в случае продолжения войны. Если бы Юхан III не захотел принять польские условия, Аламани был уполномочен заявить, что король Стефан будет добиваться своих целей другими способами²⁸.

Очевидно, Баторий и его советники рассчитывали на то, что Швеция не решится вступить в конфликт с двумя государствами одновременно и согласится пожертвовать частью своих прибалтийских владений, чтобы при поддержке Речи Посполитой защитить от России все остальное.

Чтобы придать шведским уступкам менее унижительный характер, Аламани должен был предложить передать города шведской Эстонии

²⁵ K. L. K a r t t u n e n. Jean III et Stefan Batory. (Etude sur les relations politiques entre la Suede et la Pologne de 1576 a 1583.) Geneve, 1911, s. 133—134.

²⁶ «Книга посольская...», № 87 и 89, стр. 246—247.

²⁷ См. «Книга посольская...», № 91, стр. 249.

²⁸ Краткое изложение инструкций, данных Аламани, см. в письме Я. Пиотровского от 15 мая («Acta historica...», s. 356); В. Н о в о д в о р с к и й. Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория. «Журнал министерства народного просвещения», 1910, ноябрь, стр. 37—38.

в лен племяннику короля Стефана Балтазару, который получил бы их, как член шведской королевской семьи, женившись на дочери Юхана III. Эта часть королевских предложений, по-видимому, не была одобрена сенатом и соответствовала прежде всего династическим интересам семьи Баториев, поскольку в случае их осуществления сильно повышались шансы избрания Балтазара на польский трон после смерти бездетного дяди²⁹.

Сопоставление приведенных выше фактов показывает, что целью принятых весной 1582 г. дипломатических шагов было закрепить неудачные для России итоги Ливонской войны и одновременно передать в руки Речи Посполитой ключевые позиции в Прибалтике. Итоги деятельности миссий, отправленных в Москву и Стокгольм, оказались неодинаковыми.

П. Визгерд добился полного успеха. В грамоте, врученной гонцу 30 апреля, царь, подчеркивая права России на Нарву и другие города шведской Эстонии, в то же время сообщал, что «к тем городом к Неметцким ... рати и войны посылати не велели, докудова твои послы у нас будут»³⁰.

Одновременно, весной 1582 г., прекратилось русское наступление в Прибалтике. На первый взгляд, связь событий здесь очевидна: дипломатическая интервенция Речи Посполитой заставила русское правительство отвести назад свои войска.

Сопоставление соответствующих дат вызывает, однако, сомнение в правильности такого объяснения. П. Визгерд был принят царем 26 апреля³¹, и только после этого русское правительство смогло ознакомиться с содержанием привезенного им документа. Между тем, за неделю до этого, как видно из записей в разрядах, состоялся «приговор» царя и боярской думы о сборе войск на Оке против крымского хана. В числе воевод, которые в соответствии с этим «приговором» должны были направиться на южную границу, указаны главнокомандующий русской армией, направленной против шведов, Ф. И. Мстиславский и командир корпуса, уже в марте начавшего воевать со шведами, М. П. Катырев—Ростовский³². Это означало фактическое прекращение «зимнего похода» в Прибалтику. Таким образом, соответствующее решение было принято еще до приезда П. Визгерда, и этим, без сомнения, и следует объяснять успех его миссии.

Объяснение такого шага следует искать, по-видимому, в обстановке, сложившейся на южной и восточной границах государства. В Поволжье во второй половине 1581 г. началось восстание черемисы (марийцев)³³. Первоначально волнения рассчитывали подавить сравнительно небольшими средствами. Зимой 1581—1582 гг. из Чебоксар на восставших ходила трехполковая рать³⁴. Однако действия воевод оказались, судя по всему, мало удачными, и восстание продолжало разрастаться³⁵. В это время обострились отношения с Ногайской Ордой. Большая часть ногайских улусов откочевала от Астрахани и предпринимала набеги на пограничные

²⁹ Об этом предложении см. К. J. K a r t t u n e n., Ibid. p. 139, а также статейный список посольства Д. Елецкого в Варшаву (вторая половина 1582 г.): «как, деи, король приишол с подо Пскова и говорил паном радам и всеи земле, чтоб ему посадити на Лифлянской земле на всеи племянника своего Балтазара, а, как помиритца со свейским, и ему б племянника женить на свейсково дочери». (ЦГАДА, там же, л. 539 об.). О планах элекции Балтазара «vivente rege» см. там же, л. 538.

³⁰ ЦГАДА, там же, л. 92 и сл.

³¹ Там же, л. 83 об.

³² «Разрядная книга...», стр. 325.

³³ В декабре 1581 г. А. Поссевино уже сообщал о восстании кардиналу Комо. P. P i e r l i n g. Bathory et Possevino. Documents inedits sur les rapports du Saint-Siege avec les slaves. Paris, 1887, p. 126.

³⁴ ГИМ, там же, л. 753.

³⁵ Описание восстания, присланное Яну Замойскому летом 1583 г. («Archiwum Jana Zamoyskiego ...», №862).

русские области ³⁶. Отряды нагайских мурз пытались, по-видимому, также соединиться с восставшими марийцами ³⁷. В этих условиях прорыв Крымской Орды через южный рубеж русской обороны мог привести к очень опасным для России последствиям. Очевидно, желая избежать такой опасности, русское правительство и приняло решение перебросить войска на южную и восточную границы государства, временно отказавшись от наступления на Швецию.

Все это, разумеется, не означает, что дипломатическая интервенция Речи Посполитой не оказала влияния на ход событий. Уже появление П. Визгерда в Москве явилось первым сигналом того, что, возобновляя военные действия против Швеции, русское правительство не вполне верно оценило внешнеполитический курс Речи Посполитой. Это стало вполне очевидным, когда в конце мая М. Протопопов привез в русскую столицу обстоятельную информацию о внешнеполитических планах Батория.

Прежде всего выяснилось, что за рассуждениями А. Поссевино об антитурецком союзе не стоит никакой политической реальности. Никто из лиц, встречавшихся с гонцом, ничего не слышал о подобных планах ³⁸. Напротив, отношения короля Стефана с Турцией продолжали носить дружественный характер ³⁹. По сведениям М. Протопопова Баторий требовал у шведского короля ливонские города, «а будет-де Свийский король городов не отдаст, и Стефану королю с ним воеватца». Он уже выслал на шведскую границу 18-тысячный корпус ⁴⁰.

По получении этих сведений царю и его советникам должно было стать окончательно ясным, что их расчеты на нейтралитет по отношению к русско-шведскому спору Речи Посполитой, заинтересованной в поддержке Россией ее антитурецких планов, оказались неверными. Напротив, выяснилось, что Речь Посполитая глубоко заинтересована в судьбе шведской Эстонии и намерена вести за нее активную борьбу. В происходившей военно-дипломатической игре все преимущества оказывались на стороне Речи Посполитой. В том положении, в каком находилась Россия в начале 80-х годов, нельзя было рисковать возобновлением русско-польской войны.

Как пессимистически оценивали международную обстановку при русском дворе летом 1581 г., показывает указание царя своим представителям на переговорах с приехавшими в июне «великими послами» Речи Посполитой: если польско-литовские послы признают его «царем всея Руси», то за это «городов Лифлянских, что за Свейским, и титла Лифлянского учнут просити, ино поступитца» ⁴¹. Русское правительство, таким образом, уже к этому моменту фактически отказалось от продолжения борьбы за Прибалтику. Зато продолжала активизироваться балтийская политика Речи Посполитой.

То, что способствовало успеху миссии П. Визгерда, одновременно закономерно привело к неудаче миссии Аламанни.

Когда в конце апреля в Стокгольме начались польско-шведские переговоры, русское наступление в Эстонии, сильно встревожившее шведское правительство, уже прекратилось, и в Стокгольм стали приходить сообще-

³⁶ См. А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 31—34.

³⁷ См. запись в разрядах под 7090 г. «Тово же году по нагайским вестям ходили воеводы ис Казани на Каму реку». ГИМ, там же, л. 763.

³⁸ См., например, отзыв «королевского дохтура» Станислава Сабинки: «о том... у них по ся места совета не бывало ... и послы и посланники и гонцы о том между их не хаживали». ЦГАДА, там же, л. 109 об.

³⁹ Там же, л. 108.

⁴⁰ Там же, л. 112 об.—113.

⁴¹ Там же, л. 172 об.

ния о каких-то внутренних переворотах и волнениях в России⁴². Угрозы с русской стороны больше не было, и, более того, открывалась возможность территориальных приобретений за счет России, занятой внутренними неурядицами. В этих условиях в значительной мере отпадали мотивы, которые могли бы заставить шведского короля и его советников считаться с польской позицией. Неудивительно поэтому, что Юхан III в резкой форме отверг предложенные ему условия⁴³.

Позиция шведского правительства повела естественно к дальнейшему обострению отношений между Речью Посполитой и Швецией. На совещании сенаторов в Гродно 2 июля было решено вынести обсуждение вопроса об отношениях со Швецией на повестку дня будущего сейма, срок созыва которого был назначен на октябрь⁴⁴. Однако не дожидаясь решений этого совещания, король Стефан 25 июня⁴⁵ отправил в Москву гонца Иеронима Василевского с предложением военного союза против Швеции.

Тем временем в русской столице «великое» посольство Збаражского обсуждало с русскими дипломатами вопрос о будущем положении шведской Эстонии. «Великие послы» Речи Посполитой добивались того, чтобы по мирному договору города шведской Прибалтики были признаны владению Речи Посполитой или чтобы, по крайней мере, русская сторона взяла на себя обязательство не нападать на эти земли в течение всего срока действия перемирия. Поскольку эти предложения русские представители отвергли, переговоры по данному вопросу зашли в тупик⁴⁶.

В этот момент, 10 июля в Москву прибыл И. Василевский⁴⁷. Ознакомившись с новыми указаниями Батория, послы Речи Посполитой на ближайшем приеме у царя 12 июля обратились к Ивану IV с предложением, чтобы он «со государем нашим Стефаном королем был на свейского заодин». Король Стефан отобрал бы у него Эстонию, а царь мог бы вернуть «свою вотчину Ноугородцкую Ивангород и иные города». «И ныне, — заявляли послы, — только государь ваш с нашим государем станет на Свейского заодин, и Свейского во всей своей воле учинят, как ему государи наши укажут, так ему и делати». В заключение они просили, если эти предложения окажутся для царя приемлемыми, выслать послов с надлежащими полномочиями на ближайший сейм⁴⁸.

После этого заявления в позиции русского правительства произошел интересный перелом. На заседании 15 июля, когда выяснилось, что послы Речи Посполитой намерены сделать заявление (типа «протестации» их предшественников в Яме-Запольском) о правах их страны на шведскую Эстонию, русские представители предложили им подписать особое соглашение, по которому царь обязывался в течение всего срока перемирия «ничем не вступаться» в города шведской Прибалтики, а польско-литовская сторона взяла бы на себя аналогичные обязательства по отношению к оккупированным шведами новгородским пригородам⁴⁹.

⁴² В Стокгольме говорили, что царь умер или арестован боярами, а в Москве — восстание (см. «Acta historica...», p. 371).

⁴³ См.: H. A l m q u i s t. Johan III och Stefan Batory ar 1582. Historiskt tidskrift. 1909; K. J. K a r t t u n e n. La legation de Domenico Almanni en Suede l'an 1582. Helsinki, 1911.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГАДА, там же, л. 203.

⁴⁶ Листы посольской книги, на которых помещено описание переговоров с посольством Збаражского, сильно перепутаны и часть из них утрачена. Вопрос о шведской Эстонии рассматривался на заседаниях 26 (Там же, л. 181 и сл.) и 28 июня (Там же, л. 171 и сл.). См. также записи заседания от 12 июля (л. 215—217).

⁴⁷ Там же, л. 198 об.

⁴⁸ Там же, л. 210—211.

⁴⁹ Там же, л. 242 об., 243.

Предложение было принято, и подписанием соответствующего соглашения⁵⁰ переговоры в Москве закончились. Это соглашение означало формальный отказ русского правительства от продолжения борьбы за Прибалтику в течение всего 10-летнего срока русско-польского перемирия. Кроме того, запрещая русским войскам вступать на территорию Эстонии, оно ставило Россию в очень невыгодное положение по отношению к Швеции, война с которой еще не была закончена.

Что же побудило русское правительство пойти на заключение такого невыгодного для России соглашения, когда польско-литовские дипломаты уже дали понять, что они на этом не настаивают и готовы удовлетвориться «протестацией»?

При оценке возможных мотивов русского решения следует, на наш взгляд, исходить из того, что после заявления от 12 июля царю и его советникам стало совершенно ясно, что дело идет в близком будущем к польско-шведской войне.

При тех представлениях о политическом весе и возможностях обоих государств, которые были типичными для XVI в., исход подобного столкновения вряд ли мог восприниматься иначе, как победа Речи Посполитой. Таким образом, в ближайшем будущем города шведской Эстонии должны были перейти под власть польского короля, а возобновление войны с Речью Посполитой для русского правительства в сложившейся ситуации было совершенно нежелательным⁵¹. В связи с этим вопрос о правовом статусе шведской Эстонии явно утрачивал свою остроту.

Наоборот, резко обострялся вопрос о судьбе оккупированных шведами русских городов — Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. На эти города, как на территории, не находившиеся в реальном обладании русского правительства, действие заключенного в Яме-Запольском договора не распространялось, и с началом польско-шведской войны они могли быть захвачены польско-литовскими войсками. Между тем, поскольку из посольского заявления от 12 июля было ясно, что Речь Посполитая готова признать эти города сферой русского влияния, открывалась возможность, приняв основное требование польско-литовской делегации, оградить новгородские пригороды от такой перспективы.

По этому пути русское правительство и пошло. Заключенное соглашение сделало новгородские пригороды недоступными для польско-литовских войск; тем самым, у русского правительства сохранялась возможность вернуть их в состав России, когда в ходе войны шведские власти утратят реальный контроль над данной территорией.

Подписание соглашения не означало, однако, что Россия готова выступить против Швеции вместе с Речью Посполитой. Направляя в августе в Польшу для ратификации договора «великое посольство» во главе с Д. М. Елецким, царь не дал послам никаких полномочий для переговоров об антишведском союзе⁵², то есть, по существу, отверг сделанные ему предложения. И это понятно: русское правительство никак не могло быть заинтересовано в том, чтобы северная Прибалтика перешла из рук слабой Швеции под власть гораздо более сильной и могущественной державы.

⁵⁰ Его текст см. «Книга посольская...», № 99, стр. 268—269.

⁵¹ Трудности, с которыми русское правительство сталкивалось в Поволжье, к лету 1582 г. еще более возросли. Так, 17 июля «по казанским вестям» было принято решение о досрочном роспуске войск, стоявших на Оке, с тем, чтобы дети боярские могли подготовиться к «зимнему походу» на марийцев. Походы на восставших происходили вплоть до 1584 г. «Разрядная книга...», стр. 327.

⁵² См. «Наказ» посольству Елецкого. ЦГАДА, там же, л. 304 об. и сл.

Русским интересам в данной ситуации гораздо более соответствовала ликвидация русско-шведского конфликта, что дало бы возможность Швеции более успешно противостоять притязаниям Речи Посполитой. Думается, что выступление польско-литовских послов с предложением антишведского союза определенно подтолкнуло русское правительство к поискам мира со Швецией.

В Стокгольме обострение отношений с Речью Посполитой также усилило стремление к заключению мира на востоке. На необходимость мира обращали внимание короля его брат, герцог Карл ⁵³ и члены государственного совета ⁵⁴.

Однако Юхан III, поверив упоминавшимся выше слухам о начавшемся в России внутривластном кризисе, не хотел упустить возможности воспользоваться предполагаемым распадом Русского государства. В инструкции, данной им 28 июля П. Делагарди — главнокомандующему шведской армией в Эстонии, предписывалось прежде всего занять Новгород, население которого он должен был «убедить» перейти под власть шведской короны ⁵⁵, а затем Псков, Гдов, Ладогу и Порхов ⁵⁶. Одна военная кампания, таким образом, должна была отдать под власть Юхана III весь Северо-Запад России.

Действительность быстро показала нереальность подобных расчетов. Войска Делагарди в октябре 1582 г. завязли под стенами Орешка и Ладоги и в начале ноября оказались вынужденными снять осаду, так и не овладев этими городами. Шведская армия оказалась полностью деморализованной: офицеры обратились с письмом к самому королю, заявляя, что они не в состоянии выполнять приказы командующего и требовали мира ⁵⁷.

Убедившись в неосуществимости своих планов, Юхан III оказался вынужденным пойти по пути, который ранее уже рекомендовали ему более осторожные политики. В конце осени 1582 г. начались первые русско-шведские контакты, завершившиеся в начале августа 1583 г. подписанием двухлетнего русско-шведского перемирия на основе *status quo* ⁵⁸.

Так, в очень сложной и неблагоприятной для Русского государства международной ситуации в 1582—1583 гг. русское правительство было вынуждено отказаться от продолжения борьбы за выход к Балтийскому морю и надолго примириться с невыгодными для России условиями.

Заключая договор со Швецией на столь краткий, двухлетний срок, русские политики рассчитывали, по-видимому, что с началом польско-шведской войны им удастся все же вернуть себе захваченные шведами новгородские пригороды, и не хотели связывать себе руки. Однако их расчеты оказались ошибочными, поскольку ожидаемый польско-шведский конфликт так и не наступил.

Осенью 1582 г. вопрос об отношениях со Швецией был действительно вынесен на обсуждение сейма, и Баторий приложил немало усилий, чтобы настроить шляхту против шведского короля. В инструкции, разосланной сеймикам, он обвинял шведского короля в посягательстве на ливонские владения Речи Посполитой ⁵⁹. Одновременно перед шляхтой зачитывали письма Юхана III, содержавшие оскорбительные выпады по адресу Речи

⁵³ См. K. J. Karttunen. Jean III et Stefan Batory..., p. 155, 156.

⁵⁴ A. Attman. Den ryska marknaden..., s. 295.

⁵⁵ Вместе с инструкцией П. Делагарди были отправлены соответствующие письма короля наместнику Новгорода и новгородскому архиепископу.

⁵⁶ См. A. Attman. Den ryska marknaden..., s. 294.

⁵⁷ B. C. Barkman. Kungl. Svea livgardes historia, Bd. II. Stockholm, 1938—1939, s. 312—313.

⁵⁸ W. Tawaststjerna. Pohjojsmaiden viisi kolmattavuotinen sota. Helsinki, 1919—1920, s. 382.

⁵⁹ См. «Zródła dziejowe», t. 11. Warszawa, 1882, s. 228.

Посполитой и польского народа⁶⁰. В письмах сенаторам король также указывал, что соседство Швеции с еще не вполне усмирённой провинцией может быть вредным для Республики⁶¹. Наконец, на самом сейме выступавший с тронной речью Ян Замоиский убеждал послов, что «ни один благоразумный народ не пускал соседа в новую провинцию, в особенности людей одного и того же происхождения и языка с туземцами» (явный намек на этническую близость шведов и прибалтийских немцев)⁶².

Однако обстановка на сейме сложилась неблагоприятно для замыслов Батория. Шляхта была встревожена ходившими по стране слухами о намерении Батория назначить себе при жизни наследника, нарушив конституцию Речи Посполитой. Шляхтичи требовали расформирования армии, не распущенной после окончания войны с Россией, так как опасались, что она может быть использована королем для насильственного осуществления его планов⁶³. В этих условиях шляхта отнеслась очень сдержанно к планам войны со Швецией, явно связанным с династической политикой Баториев, тем более, что уже в момент заседаний сейма стало ясным отрицательное отношение России к этим планам⁶⁴.

В итоге сейм разошелся, не вотировав необходимых субсидий, и Баторий был вынужден отказаться от своих замыслов, передав спорные вопросы на третейское разбирательство датского короля, который в этот момент энергично предлагал свое посредничество, опасаясь чрезмерного усиления Речи Посполитой в Прибалтике⁶⁵.

Некоторое время отношения между Речью Посполитой и Швецией продолжали носить напряженный характер, но до военного столкновения дело так и не дошло. Используя противоречия между королем Речи Посполитой и его подданными, шведские правители сумели сохранить северную Эстонию в составе Шведского королевства.

Думается, что неудача на сейме 1582 г. оказала значительное влияние на направление последующей внешней политики Стефана Батория, которая с конца 1583 г. все более стала поворачиваться своим острием в сторону России. В условиях нарастающей угрозы со стороны Речи Посполитой об активных действиях русского правительства против Швеции не могло быть и речи, и в 1585 г., когда истек срок Плюсского договора, русские дипломаты приложили большие усилия к тому, чтобы это соглашение было продлено до 1590 г.

⁶⁰ В. Новодворский. Там же, стр. 50.

⁶¹ «Zródła dziejowe», s. 221.

⁶² Р. Гейденштейн. Записки о Московитской войне. СПб., 1889, стр. 289—290.

⁶³ Р. Гейденштейн (там же, стр. 285—286) говорит очень осторожно и неопределенно о причинах недовольства шляхты. Его намеки, однако, легко расшифровываются при сопоставлении с сообщениями побывавших в этот момент в Варшаве русских послов (см. ЦГАДА, там же, л. 538—539).

⁶⁴ Русских послов, находившихся в Варшаве во второй половине октября 1583 г., сенаторы расспрашивали, есть ли у них инструкции для переговоров об антишведском союзе (там же, л. 486). Очевидно, позиция России интересовала польско-литовских политиков.

⁶⁵ В. Новодворский. Там же, стр. 51—52; К. J. Karttunen. Ibid., s. 154. О позиции Дании см. A. Attnan. Den ryska marknaden....

Н. Н. ПОНОМАРЕВА

ДРАМАТУРГИЯ ДИМИТРА ДИМОВА

Конец 50-х и начало 60-х годов нашего века составляют важный период в истории болгарской культуры и литературы, в частности драматургии. Именно тогда болгарская драма вступила в полосу качественно новых достижений, к числу которых относятся интенсивные художественные поиски, разработка остро современных общественно-политических и морально-философских вопросов, тяготение к стилевому и жанровому разнообразию. Одной из характерных особенностей данного процесса было обращение к драматургии многих писателей — поэтов и прозаиков, ранее не проявлявших заметного интереса к этому виду литературного творчества. Создавая драматургические произведения, овладевая законами нового для них литературного творчества, писатели невольно вносят в него свою манеру, свой стиль художественного воплощения, иногда даже вступающая в противоречие, в борьбу с установившимися традициями, даже ломая рамки традиционной формы. Например, некоторые поэты, обратившись к жанру драмы, внесли в нее лирическую интонацию, полемичность, подчеркнутый интерес к внутреннему миру человека, известный авторский субъективизм, эксперименты в области формы. Они создали так называемое «поэтическое» направление в болгарской драматургии. Наряду с ним и другими новыми стилевыми направлениями продолжала развиваться и совершенствоваться и традиционная, условно выражаясь, «классическая» драма.

Существенно обогатили стилевое и жанровое разнообразие болгарской драмы и культуру болгарского театра вообще пьесы Димитра Димова, одного из известнейших писателей Болгарии, автора ряда романов и в том числе романа «Табак», далеко перешагнувшего национальные границы литературы.

Направление, созданное Димовым в драматургии, вытекает из его общей художественной концепции, из интеллектуально-аналитического подхода к явлениям жизни, свойственного ему в прозе. В сатирических пьесах «Женщины с прошлым» (1959 г.), «Винный» (1960 г.) и драме «Отдых в Арко Ирисе» (1963 г.) отразились характерные черты его творчества в целом, разумеется, трансформированные применительно к новому роду литературы. Глубоко гуманистическая нравственная и социальная проблематика насыщает сатирические пьесы Димова, в центре которых стоит современный человек. Это не идеальный герой и не враг, это наш современник, несущий в себе черты нового общества, но и не рассчитавшийся еще с грузом прошлого, проявляющим себя подчас в самых неожиданных формах. Димов не спешит осудить своих героев. Ему важно по возможности тщательнее проследить их судьбу, вскрыть внутренние побуждения их поступков, объяснить причины ошибок. Димова привлекает сложность и противоречивость характеров и ситуаций. Его пьесы дискуссионны. Враг прямолинейности и примитивизма, Димов подводит

героев к тем или иным решениям в результате долгих размышлений, обсуждений, споров. Диалог во всех пьесах писателя занимает доминирующее место, перенося центр внимания с внешней фабулы на идеи пьесы, логику развития мысли, характеров, на внутренний мир человека. Полемичность, однако, не мешает Димову четко и ясно выражать позиции писателя-коммуниста. Внимание к человеку, борьба за человека — вот одна из важнейших миссий коммуниста, как ее понимает Димов и художественно воплощает в своих драматургических произведениях.

Пьесы Димова «Женщины с прошлым» и «Виновный» существенно обогатили проблематику болгарской драматургии и внесли много нового в ее жанровую разработку. Автора преимущественно интересуют вопросы морально-этического плана в современном нам обществе. Предпринятое им детальное исследование всех скрытых и нескрытых пружин поступков героев напоминает работу ученого, настойчиво и последовательно добывающегося истины. Это камерные пьесы, с ограниченным числом действующих лиц, с постоянным местом действия. События происходят за небольшой отрезок времени и показывают лишь одну из сторон человеческих взаимоотношений — нравственную. Пьесы небогаты внешним действием и чрезвычайно насыщены в смысловом отношении. Нравственный облик каждого из героев — это своеобразная жизненная концепция, сложившаяся в результате личного опыта и под влиянием многих обстоятельств. Димов безжалостно, сатирически остро разоблачает проявление зла (недаром свои пьесы он назвал сатирическими) и в то же время старается нащупать его корни, причины человеческих ошибок и пути их исправления.

В центре обеих пьес стоит чисто семейный конфликт. В первой («Женщины с прошлым») рушится одна семья, а во второй («Виновный») катастрофа разражается в трех семьях. Однако замысел автора включает в себя не только защиту моральных устоев семьи. В пьесах поднимается ряд важных и сложных вопросов нравственно-этического характера.

Почти все герои рассматриваемых пьес Димова несут на себе груз прошлого — последствия ошибок, совершенных в молодости под влиянием тяжелых обстоятельств, или неизжитые черты морали и философии буржуазного общества. Высвобождение из-под этого груза — медленный, мучительный процесс для каждого героя.

Напомним в самых общих чертах сюжет пьесы «Женщины с прошлым». Внешне благополучная и, казалось бы, прочная семья — начальник отдела одного из министерств Борис Петров и его жена, актриса Нина — оказывается перед трудным испытанием. Нину начинает шантажировать ее бывшая подруга, «человек из прошлого», авантюристка Мэри (она же — бывшая любовница Бориса), знающая об одном давнем эпизоде из жизни Нины — о ее связи с американским офицером в годы войны. С помощью Нины и ее ближайшего окружения (коммунистка Катя, писатель Крестанов) Мэри получает работу в министерстве, становится секретарем Бориса, тот возобновляет свою связь с ней и требует у Нины развода. Таким образом прошлое возвращается в жизнь героев. От него можно освободиться, но только по пути честности и бескомпромиссности, на котором нет места трусости и недостойным сделкам. В финале пьесы Нина, наконец, решается встать на этот путь — она рассказывает о своем прошлом, чтобы не быть больше от него зависимой. Мэри разоблачена, ее блестящая карьера кончается крахом.

В пьесе все герои, хотя и в разной степени, виноваты в назначении Мэри на пост, которого она не заслуживает. Однако мотивы у них были различными, и в соответствии с этим неодинакова мера авторского осуждения каждого персонажа. Если Катя хотела помочь Мэри найти свое место в новой жизни, а Нина стала жертвой шантажа, то Борис и Крестанов,

преследовавший Нину своими любовными домогательствами, руководствовались корыстными целями.

В пьесе «Женщины с прошлым» Димов проявил большое умение в построении композиции, интриги, в типизации образов. Завязка действия, основной конфликт происходят стремительно, в первом же действии. Появление прошлого (в лице Мэри) сразу же дает толчок развитию событий, с одной стороны, и раскрытию характеров — с другой. Сами события, правда, происходят за сценой. На сцене же мы видим последовательно их результаты и слушаем комментарии героев, которые рассказывают о случившемся, обсуждают и больше всего спорят, каждый защищая свою позицию. Такая, условно говоря, «повествовательность» пьесы идет от прозы. С одной стороны, она иногда мешает динамике действия, а с другой, придает пьесе полемический интеллектуальный оттенок, обогащает психологическую характеристику образов.

Димов — блестящий и признанный мастер диалога. Драматургия предоставила ему широкое поле деятельности в реализации этой яркой черты его таланта. Действие пьесы «Женщины с прошлым» целиком построено на диалоге — остроумном, легком, динамичном, полным афоризмов и парадоксов, отлично организующем и выражающем идеи пьесы. В процессе словесных «дуэлей» герои Димова по существу сами разоблачают себя или утверждают свою правоту, раскрывают тайники своей души, импульсы поступков, внутренние колебания... Все это мы узнаем не только и не столько из фактических сведений, сообщаемых героями, а из самого характера диалога. Никакие ловкие, часто умные тирады писателя Крестанова не способны скрыть его моральную неустойчивость, цинизм. Многие в его рассуждениях верно, справедливы некоторые замечания, наблюдения, однако и в них проявляется истинная сущность героя, его позиции. Все, что говорит Крестанов, звучит иронично, насмешливо, как-то не по-настоящему. С издевкой и явным презрением он относится к Борису и Мэри. Здесь он, может быть, прав, но и это отношение не выражается серьезно, искренно. С подчеркнутой иронией говорит он о поступке Кати, которая после исключения его из партии позаботилась о том, чтобы он имел условия для работы. Даже его признание в любви к Нине тонет в потоке софизмов, парадоксов, шуток. И вот перед зрителем и читателем вырисовывается образ умного человека, достойно проявившего себя в прошлом, но в настоящем потерявшего какую-то опору, веру в людей и превратившегося в циника, способного на нечестоплотные поступки ради удовольствий, которые, по его мнению, он заслужил.

Очень богатую и точную речевую характеристику дал Димов и Мэри. По своему циничному и потребительскому отношению к жизни она близка Крестанову, но идет гораздо дальше, последовательнее проводит свою линию. Мэри — воплощение прошлого мира. Если у Крестанова его позиция — это лишь отступление, заблуждение, то у Мэри — концепция человека, потерявшего состояние, положение в обществе и не принявшего новую жизнь, а старающегося приспособиться, используя старые средства, старые нормы нравственности. Она не пренебрегает ничем для достижения своей цели: играет в искренность, разговаривая с Катей, шантажирует Нину, становится любовницей Крестанова, чтобы добиться от него письменной рекомендации для назначения на работу, а затем — Бориса, чтобы удержаться в министерстве. Она умело кокетничает в разговоре с Катей откровенностью, пониманием своего положения и тем самым использует стремление Кати помогать людям найти свое место в жизни. Умная, образованная и находчивая, Мэри, достойный партнер Крестанова в словесных поединках, не уступает ему в остроумии и превосходит в решительности. Она точно знает, чего хочет добиться, и идет к своей цели

напролом, без колебаний. Именно эта отчаянная решительность и помогает ей на первых порах выиграть начатое дело. Мэри наступают столь стремительно, что не дает возможности пристальнее разглядеть себя. Своим успехом она обязана не только личным качествам, но и отсутствию твердых позиций у окружающих. Близорукость Кати, колебания Нины, шаткие моральные устои Бориса и, наконец, нравственный кризис Крестанова оказываются очень подходящим трамплином для блестящей, хотя и временной карьеры Мэри. Эта карьера не случайна, как не случаен и ее крах. Можно воспользоваться слабостями, сохранившимися у людей от старого общества, но нельзя на их основе прочно утвердиться в новом обществе. Мэри разоблачают, но вместе с тем становится ясно, что и остальным героям необходимо изжить в себе все те черты, которые делают возможным существование таких людей, как Мэри.

Итак, пьеса кончается поражением всех героев. Сатирическое жало автора не пощадило никого. Однако финал пьесы не звучит пессимистично. Напротив, справедливый жизненный урок, который получили герои, заставляет одних задуматься, на верном ли пути они стоят (Крестанов), других — решительно порвать со старым и начать новую жизнь (Нина). И пусть героям еще предстоит многое переломить, переделать в себе, пусть они совершат еще много ошибок, главное они поняли — новая жизнь строится чистыми руками, с чистой совестью, по пути, где нет места компромиссам, лжи, страху, приспособленчеству.

Во второй своей пьесе «Виновный» Димов продолжает разговор о людях «с прошлым». Автор устанавливает прямую зависимость формирования характеров и судеб героев от их прошлого, как это было и в первой пьесе. Однако здесь он пытается раскрыть проблему в разных ее аспектах, подробнее исследовать взаимообусловленность жизненных явлений и еще яснее показать неизбежность краха старых моральных норм в новом обществе.

В пьесе «Виновный» под угрозой распада оказываются сразу три семьи: известного профессора-хирурга Петринского и его жены Марии, тоже врача, но по настоянию мужа принужденной довольствоваться положением домашней хозяйки; поэта Велизара Апостолова и его жены — художницы Глафиры; Теодосия Миронова и Анны, связавших свои судьбы 30 лет тому назад и вместе прошедших тяжелый и героический путь активной подпольной борьбы против фашизма.

Разрыв в семьях наступает будто бы внезапно, но имеет серьезные основания, уходящие своими корнями далеко в прошлое. В центре драматического конфликта стоят Петринский и Глафира, в наибольшей степени сохранившие в себе черты старого мира и поэтому являющиеся основным объектом сатирического разоблачения. Судьба Петринского сложилась наредкость удачно. Сын состоятельных родителей, он получил в буржуазной Болгарии медицинское образование и занялся частной практикой, обеспечив себе более чем безбедное существование. Однако это не помешало его дружбе с Теодосием, его симпатиям к коммунистам и их борьбе — в трудные годы он не раз прятал Теодосия и Анну от полиции в своей квартире. Благодаря таланту Петринский стал крупным ученым в новой Болгарии. После нескольких неудачных браков он, наконец, устроил и личную жизнь — нашел себе молодую, красивую и преданную жену Марию. Таковы внешние факты жизни Петринского. Сущность же его характера раскрывается в процессе действия пьесы. Перед нами предстает умный и талантливый человек, но руководствующийся во всем эгоистическими побуждениями, циник и деспот в личной жизни, пытающийся превратить жену в послушную только его воле служанку. Жестоко, но справедливо и точно оценивает его Анна в конце

пьесы: «... Ты любил науку, — говорит она, — но только как удовольствие для своего ума! Ты стал превосходным хирургом, но в больных видел только клиентов или подопытных животных! Ты симпатизировал коммунистам, но отказался бороться вместе с ними! Женился на Марии, но не сделал ни малейшего усилия, чтобы ее понять! Ты жил только собой и для себя! ...» Раскрывая образ Петринского, Димов хочет сказать: недостаточно быть только большим ученым — в новом обществе каждый должен быть прежде всего человеком, должен нести моральную ответственность за свои поступки и в личной жизни.

Именно этого не хватает Петринскому. Много лет тому назад, будучи преуспевающим врачом с частной практикой, он воспользовался неопытностью, нищетой и безвыходным положением молодой девушки Глафиры и сделал ее своей любовницей. Его потребительская философия пагубно отразилась на формировании ее как человека. Талант, живой ум, обаяние и артистичность сочетаются у нее часто с корыстью и расчетом. Глафира способна понять свои недостатки, даже проанализировать их, но пока еще не в силах от них освободиться. Собственно, она становится причиной распада трех семей — ее новая любовь к Теодосию, которой сочувствует и помогает Мария. Глафира ненавидит прошлое, но нередко поступает в соответствии со старыми моральными нормами, она талантлива и самостоятельна, но каждое свое новое даже искреннее чувство связывает с выгодой для себя, она бунтует против зависимого положения женщины, а на деле это оборачивается тайной связью с давним другом и товарищем мужа, она уважает Велизара, искренне благодарна ему за все, что он ей дал в жизни, но быстро охладевает к нему. Многое в ее жизни можно объяснить особым эмоциональным строем ее внутреннего мира, мира человека искусства, однако на всем лежит печать прошлого, которое она еще не в состоянии в себе преодолеть.

Старый мир дает о себе знать не только в такой прямой форме, как у Петринского и Глафиры. Его разрушительная сила проявляется и в поступках людей, которые всю свою сознательную жизнь посвятили борьбе с ним. Так страстная мечта о красоте и любви у Теодосия смогла исполниться лишь на склоне жизни, в 50 лет. Молодость его прошла в лишениях. Он сам должен был заботиться и о куске хлеба, и об образовании. С ранних лет Теодосий стал активным борцом, сначала — комсомольцем, затем — коммунистом. Вместе с тем в глубине его души жило стремление к любви, красоте, и он поклялся биться за то, чтобы эта красота стала доступной всем. В годы Сопротивления он, правда, встретил девушку, Анну, которая стала ему верным товарищем в борьбе и любящей женой. Но была ли это истинная любовь или только солидарность двух людей, преследующих единую цель в жизни?! И Теодосий утверждает свое право и право каждого на настоящую любовь, на познание красоты и гармонии в личной жизни. Однако женщина, которую он полюбил, оказывается женой его друга и соратника в борьбе. С другой стороны, свое счастье Теодосий может построить только на несчастье Анны, верно и искренне любившей его все долгие годы, прожитые вместе. Имеет ли он право сделать это?! Автор пытается разрешить «вечную» проблему человеческих взаимоотношений — любви и долга. Каждый из героев пьесы старается доказать свою точку зрения. Они спорят и в процессе споров нередко меняют свое отношение к проблеме. Теодосий в результате долгих раздумий и мучительной борьбы с самим собой приходит к выводу, что он не может поставить личное счастье выше долга; более того: в таком решении проблемы долга он видит «сущность души коммунистов» своего поколения. Рассуждения Теодосия искренни и логичны, но несколько тезисны. Автор использовал его как рупор своих идей и тем самым лишил драматургической действенности.

Пьеса в основном построена на диалоге и внутреннем действии. Но если остальные персонажи все же выполняют известные функции в развитии фабулы, то Теодосий появляется во втором и третьем действии пьесы лишь для разрешения авторской идеи. Конкретные выводы, к которым он приходит, линия поведения, которую он выбирает, никак не влияют на интригу, не меняют драматическую ситуацию. Крах трех семей, видимо, неизбежен, несмотря на то, что отпадает повод (связь Глафиры и Теодосия), послуживший толчком к развитию драматических событий.

В пьесе «Виновный» Димов стремился отразить еще больший, чем в предыдущей пьесе, круг идей, как можно дальше отойти от схемы, одноплановости в построении образов и характеров. Остро сатирически разоблачая Петринского и Глафиру, он объясняет, под влиянием каких обстоятельств могли сформироваться такие характеры, и в то же время подчеркивает в них то положительное, ценное, что делает их все же людьми, полезными новому обществу. Пьеса Димова в известном смысле учит. Однако легкая авторская ирония по отношению ко всем героям, к их запутанным семейным конфликтам не допускает скучной дидактики. Вместе с тем автор заставляет и зрителя относиться с юмором или насмешкой ко многим ситуациям на сцене, не воспринимать всерьез умную болтовню Петринского и с сочувствием наблюдать за слишком поздней любовью Теодосия, помогает, смеясь, отвергать, осуждать многое в героях и, улыбаясь, иногда прощать или хотя бы понимать. Пьесы «Виновный» и «Женщины с прошлым» включают в себя элементы и психологической драмы и комедии. Однако в целом эти пьесы следует отнести к жанру сатиры, используемому автором в соответствии со своеобразием его таланта.

Основным объектом сатирического разоблачения у Димова являются не ситуации, в которые попадают герои, и даже не столько поступки героев, сколько их мысли, нравственная позиция, выражаемые в пьесе посредством диалогов и монологов. Таким образом идейная, интеллектуальная нагрузка почти целиком ложится на диалог.

В пьесе «Виновный», как и в первой пьесе Димова, диалог превалирует над всеми другими компонентами драмы. Здесь особенно чувствуется и склонность автора к рассказу, а не показу, к «повествовательности». Зритель или читатель очень много узнает о героях — не только об их прошлом, но и настоящем, об их взаимоотношениях — из «рассказа». Такое исключительное предпочтение внутреннего действия приводит к излишней статичности, растянутости некоторых сцен, обесцениванию интриги. Композиционно пьеса во многом проигрывает от такого непропорционального усиления в ней «повествовательного» начала за счет действительности. По существу завязка, кульминация и довольно ясные перспективы развязки конфликта происходят еще в первом действии. Профессор Петринский отбирает у жены и читает любовное письмо Теодосия к Глафире. Возмущенный «сводничеством» Марии, согласившейся передавать письма влюбленных, он решает в «воспитательных» целях подать на развод. Таким образом, тайна связи Теодосия и Глафиры оказывается под угрозой раскрытия, а семьи — под угрозой распада. В двух последующих действиях в общем больше ничего не происходит. Тайна действительно перестает быть тайной, и герои в бесконечной дискуссии скрупулезно анализируют причины происшедшего, раскрывают свои души и пытаются проникнуть в скрытые импульсы поступков других, рассказывают о своем прошлом, декларируют свои взгляды, нередко меняя позиции под влиянием собственных раздумий и доводов других.

Однако такой «избыточный диалогизм» пьесы имеет (опять-таки как и в первой пьесе) свои бесспорные достоинства. Характер, внутренний мир, нравственные позиции каждого героя раскрываются посредством этого

диалога очень ярко. Зритель с интересом следит за изощренной, местами парадоксальной мыслью Петринского, беспощадно-откровенным монологом Глафиры, за исповедью Теодосия. В этом сказались наиболее привлекательные черты таланта Димова, хотя и здесь местами чувствуется какая-то самоцельность реплик, излишняя увлеченность автора игрой парадоксами, остроумием; с другой стороны, некоторые важные для идейной концепции пьесы монологи звучат тезисно, как-то преднамеренно. Особенно осязаемо это в монологах Теодосия.

Отсутствие сценического действия пагубно отразилось и на художественной достоверности, на убедительности некоторых образов. Бледен, не выразителен поэт Велизар. Невероятно благородна и, в конечном счете, скучна Анна. Как правило, образы, наименее подверженные сатирическому осмеянию, у Димова и наименее удачны, естественны. Этот вывод относится к обоим рассмотренным пьесам (в «Женщинах с прошлым» образ Кати, хоть и «обогащенный» рассказанным ею эпизодом о любви к командиру партизанского отряда, погибшему в бою, тоже не отличается особой сложностью).

Гораздо больше повезло положительному герою (носителю авторского нравственного идеала) в третьей пьесе Димова «Отдых в Арко Ирисе». В какой-то мере здесь сыграл свою роль удачный выбор жанра. Димов, не отказываясь от склонности к сатирической линии, к иронически-парадоксальному диалогу, точной и эффективной фразе, внутреннему действию через слово, обращается здесь к изображению драматических событий, к драматическим характерам и ситуациям, к психологической героикоромантической драме. Если в первых двух пьесах, несмотря на серьезность нравственно-этических проблем, конфликты по своей масштабности напоминали все же, по выражению самого автора, «бурю в стакане воды», то пьесе «Отдых в Арко Ирисе» свойствен истинный драматизм и даже трагедийность.

События, изображаемые в пьесе, относятся к последнему периоду гражданской войны в Испании, кануну гибели Республики. Истощенный в боях батальон республиканцев отводится на кратковременный отдых в Арко Ирис. Здесь, в старом аристократическом поместье, и разворачиваются события пьесы, сталкиваются в острых конфликтных ситуациях ее герои — командир батальона республиканцев, болгарский коммунист, сражающийся в Испании под именем Эстанислао Браво, и аристократка, бывшая собственница поместья, а теперь анархистка Инес Монтеро, лейтенант батальона Альварес и танцовщица-фалангистка Пилар, политкомиссар батальона Беналкасар и католический священник отец Сантьяго, бойцы-республиканцы, анархисты, фалангисты и др.

Сложное и трагическое положение, в котором оказываются все герои, способствует особенно яркому и глубокому раскрытию их характеров, мыслей. Драматическая интрига, созданная автором, изобилует неожиданностями, острыми поворотами и держит внимание зрителей в постоянном напряжении. Однако не она является стимулом в разрешении конфликтов — параллельно с внешним действием в пьесе развивается внутреннее: борьба идей, нравственных позиций, философских взглядов, жизненных концепций. Именно это и составляет существо пьесы, которое в конечном счете независимо от подробностей сюжета. Найдут или не найдут труп Морено, главаря анархистов, застреленного Инес, защищавшей свою честь, сумеет ли Инес убедить капитана Браво поехать с ней на прогулку в горы, будет ли вовремя раскрыт заговор фалангистов — все эти и многие другие события, разумеется, имеют значение для развития сюжета, раскрытия характеров, но на идейное содержание пьесы прямого влияния не оказывают. Иногда сюжетный и смысловой планы произведения вступают в

противоречие. Так, например, в идейном споре Bravo и Беналкасара о сознательной партийной дисциплине и ответственности коммуниста сочувствие зрителя и читателя целиком на стороне Bravo. Однако впоследствии оказывается, что практически прав Беналкасар — именно он раскрывает заговор фалангистов, воспользовавшихся недостаточной бдительностью капитана Bravo.

Драма «Отдых в Арко Ирисе» — о революции. Ей присуща большая масштабность, чем предыдущим пьесам Димова. Однако в ней нет особого стремления автора к эпике, несмотря на довольно широкий круг действующих лиц, охват событий, значительность самой темы. Автор выбирает частный эпизод из испанской гражданской войны — судьбу одного из республиканских батальонов, последние два дня отдыха перед решительным смертельным боем. «Отдых» оборачивается борьбой, идейной схваткой разных политических и социальных сил, нравственных, партийных, жизненных концепций. Именно эта схватка и стоит в центре драмы.

Капитан Эстанислао Bravo — болгарский коммунист, решивший до конца разделить участь испанских патриотов-республиканцев, как бы трагична она ни была. Трезво оценивая обстановку, он ясно понимает, что его батальон обречен, и готов вместе со своими товарищами принять последний неравный бой. Тем не менее в его рассуждениях нет пессимизма, его действия не продиктованы отчаянием. Он думает о будущем Испании и других поработанных народов. Именно поэтому он стремится сохранить жизнь восставшей против своего класса аристократке Инес, объяснить бывшей крестьянке, а теперь танцовщице Пилар, что ее место — в рядах ее товарищей по классу — республиканцев. Поражение в гражданской войне временное, прогрессивные силы Испании продолжают борьбу в новых условиях, и тогда им очень полезны будут такие союзники, как Инес и Пилар. Нужно использовать всю силу убеждения своих идей, прежде чем объявить человека врагом. И за человека надо вести бой. Так поступает капитан Bravo, принципиальный, честный и преданный человек, живущий не одним сегодняшним днем, способный своей мыслью проникнуть в будущее. Для себя же и подобных ему борцов по призванию и убеждениям он видит лишь один путь — на вопрос Инес, что он будет делать, если сумеет выбраться из Испании живым, Bravo отвечает: «Буду биться за свободу другого народа».

Личность капитана Bravo внушает всем, кто с ним сталкивается, уважение и доверие. Творческая раскрепощенная мысль, широта взглядов, богатый душевный мир и убежденность в правоте дела, в котором он участвует, завоевывают сердца многих и очень разных людей. Даже анархисты, отрицающие всякую власть, подчиняются капитану и идут на фронт.

Актуальное звучание приобретает спор Эстанислао Bravo с политкомиссаром батальона Беналкасаром. Беспредельно и даже фанатично преданный партии, но несколько прямолинейный, догматичный, комиссар не может принять взгляды капитана. Ограниченное понимание дисциплины, долга мешает ему разобраться в запутанной и противоречивой обстановке, делает его равнодушным и даже жестоким к людям. Прошлого Bravo, не побоявшегося в свое время выступить против необоснованных доносов и клеветы на честных коммунистов, кажется Беналкасару темным, достойным осуждения, отсутствие уости в понимании дисциплины, личной ответственности за свои поступки каждого коммуниста — опасным, гуманное отношение к людям — подозрительным. Сталкиваются две жизненные концепции. В остром, полном драматического напряжения споре побеждает Bravo. Беналкасар отступает, соглашается с доводами капитана, пытается объяснить себе разницу в их позициях. Bravo завоевывает доверие политкомиссара откровенностью и смелостью рассуждений, четкой логикой в

споре, самоотверженной преданностью революционному идеалу. Несомненно и личное обаяние героя. Если Беналкасар — это суровый воин, не позволяющий себе никаких отклонений от борьбы, во многом сектантски понимающий роль и поведение революционера, то Эстанислао Браво — человек богатого душевного мира, обладающий острым аналитическим умом, отлично понимающий юмор, способный на серьезное личное чувство и в самой запутанной и тяжелой обстановке накануне гибели старающийся помочь людям найти себя, верный путь в жизни, проявить то хорошее, что в них есть. Этой сложной и безусловно одаренной натуре свойственно стремление к полнокровной жизни, лишенной искусственных ограничений, узких канонов, закостенелых традиций. Поэтому-то капитан Браво не подавляет в себе чувство любви к Инес. Его не пугает то, что Пилар связана с фалангистами, так как он видит реальную возможность перехода ее в лагерь республиканцев. И вместе с тем капитан Браво — это человек, сознательно посвятивший свою жизнь служению коммунистическим идеям, без колебаний и страха готовый умереть за них.

Димов создал социально-политическую и философскую драму. Больше всего его интересуют душевные коллизии героев, которые проявляются не только и не столько под влиянием внешних событий, сколько как результат воздействия главного героя, его идей и личности как таковой. Это воздействие в драме осуществляется посредством диалогов — обсуждений, споров, дискуссий, в которых каждый из героев защищает свою позицию и в которых неизменно побеждает сила, убедительность, логика идей капитана Браво. И здесь Димов не изменяет своей манере, своему стилю. Диалог — умный, содержательный и вместе с тем легкий, изящный — царит во всех действиях драмы. К сожалению, автор преступает какую-то границу. И нарушается равновесие между внешним и внутренним действием. Например, кажется довольно невероятным, что люди перед лицом совсем реальной опасности смерти могут спокойно и достаточно долго беседовать на отвлеченные (в данной ситуации!) темы, решать философские и нравственные проблемы, улаживать личные отношения. Кажется малоубедительным и то, что почти все герои, независимо от воспитания, классовой принадлежности и пр., одинаково блестяще владеют полемическим даром, чувством юмора, умением использовать парадоксы, остроты. Танцовщица, бывшая крестьянка Пилар, например, не уступает в этом аристократке Инес и даже самому капитану Браво.

Некоторое несоответствие чувствуется и в самом характере драматических событий, происходящих на сцене, по отношению к основным идеям пьесы. И дело здесь совсем не в том, что драме, наряду с общественно-политическим, философским и психологическим аспектами, присуща романтическая приподнятость, подчеркнутая эмоциональность, экспрессивность. Такое сочетание свойственно Димову-романисту, прозаику, является особенностью его индивидуального стиля как художника и отнюдь не противопоказано драме. Дело в том, что некоторые драматические ситуации не оправданы с точки зрения развития мысли, противоречат рисунку образов, звучат литературно. Так, трудно поверить, чтобы умная и уже немолодая Инес всерьез надеялась увезти капитана Браво на прогулку в ночь перед последним боем и тем самым отстранить от боя, спасти его от смерти. Это просто неправдоподобно — ведь Браво так ясно и убедительно изложил Инес свои взгляды на судьбу каждого революционера. Да и как могла подумать Инес, что такой человек, как Эстанислао Браво, может оставить батальон без командира накануне боя! Неоправдана и сцена ревности Инес к Пилар за несколько часов до нападения фалангистов. И, конечно, необъяснимо, зачем понадобилось автору сводить на нет моральную победу Браво в дискуссии с Беналкасаром, заставив капитана

проглядеть заговор фалангистов, не проявить достаточной бдительности и дисциплины.

В драме «Отдых в Арко Ирисе» Димов, оставаясь в общем верным своему стилю и манере характеристики героев через слово, внутреннее действие, пошел дальше в разработке более крупной темы, более значительных и масштабных по своей сущности проблем. Димов создал драму, в которой на фоне напряженных трагических событий действуют герои, принадлежащие к разным социальным группам, партиям, национальностям. Арко Ирис — это как бы вся Испания в миниатюре, раздираемая противоречиями накануне гибели Республики. Мотив обреченности, но и оптимистическая вера в продолжение борьбы против фашизма до его уничтожения проходят через все действие драмы.

Драматургия Димитра Димова прошла проверку временем. Проблемы, поднятые в ней, продолжают волновать зрителя. К ней снова и снова обращаются постановщики разных художественных планов, подчас предлагая довольно спорные режиссерские решения¹. Созданное Д. Димовым драматургом направление, характеризующееся интеллектуально-полемическим столкновением идей, остротой борьбы за моральные критерии современника, оказывает благотворное воздействие на драматургов более молодого поколения, которые, возможно, допишут страницу, не дописанную их рано ушедшим из жизни старшим товарищем.

¹ Например, известный болгарский режиссер Ф. Филипов в 1971 г. поставил в Народном театре им. И. Вазова «Отдых в Арко Ирисе» как пьесу остро политическую, большого эпического размаха, с внушительными массовыми сценами. Постановочный коллектив удостоен Димитровской премии.

Г. ОСТРОВСКИЙ

О ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ХУДОЖНИКОВ ЗАКАРПАТЬЯ С ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО НАРОДОВ

Издавна существовали тесные культурные связи между закарпатскими украинцами и их западными соседями — чехами и словаками. Близость языков, духовной и материальной культуры, общие закономерности социально-политического развития, совместная борьба против национального и социального гнета благоприятствовали их взаимному общению и обмену культурными достижениями. Вместе страдали они под двойным — социальным и национальным — гнетом Габсбургов, австрийских и венгерских феодалов и чиновников, и в борьбе за свободу нередко стояли плечом к плечу и друг за друга.

Во второй половине XIX — начале XX в. Закарпатье и Словакия находились в непосредственной зависимости не от венского — как Чехия, а от будапештского правительства. Основным содержанием общественной жизни в Закарпатье, как в Словакии, так и в Чешских землях, в этот период была борьба за завершение буржуазно-демократической революции и осуществление демократических преобразований. Эта борьба являлась важным фактором развития прогрессивных тенденций в литературе и искусстве.

Культурные связи Закарпатья со Словакией были весьма прочными. Редкий деятель закарпатской культуры не бывал — и неоднократно — в Словакии. Между Закарпатьем и Словакией происходил постоянный обмен культурными ценностями.

В области изобразительного искусства одним из первых вестников этих крепнувших связей был художник Иосиф Змей-Микловский (1792—1841), родом из Словинки на Спиши. Монах и певчий-дьяк, он учился, однако, в венской Академии художеств. С 1823 г. Змей-Микловский становится художником пряшевской епархии. Естественно, что ему приходилось заниматься преимущественно церковными росписями. Кисти художника принадлежат иконостасы, фрески и алтарные картины во многих городах Венгрии и Словакии, в частности в Пряшеве, где в соборной церкви он расписал в 1835 г. боковые приделы.

Но главное значение Змей-Микловского в другом. Автор ряда портретов, пейзажей и, что особенно интересно, жанровых сцен из жизни закарпатских украинцев, он явился, по существу, основоположником светской закарпатской живописи. Эти полотна не поднимались над уровнем идиллических сцен бытового характера. Но это не умаляет их исторического значения. Пусть робко, не всегда уверенно, но все же упорно и в конечном счете последовательно изобразительное искусство Закарпатья

выходило на новый путь — путь отражения реальной, повседневной жизни народа.

Следующий значительный шаг в направлении культурного сближения Закарпатья и Словакии сделал чешский художник и горячий поборник славянского единства Франтишек Звержина.

Еще будучи студентом пражской Академии художеств, он исполняет картину «Русинский пастух». В 1858 г. Звержина едет в Закарпатье и много работает там. На родину он возвращается с циклом пейзажей и реалистических зарисовок закарпатских крестьян, многие из которых и по сей день не утратили своей художественной и историко-познавательной ценности.

Со Словакией был связан и Игнаций Рошкович (1854—1915) — художник, сыгравший в последней четверти XIX в. особенно большую роль в формировании предпосылок самостоятельной закарпатской школы изобразительного искусства. В 1881 г. Рошкович пишет образа для пряшевской соборной церкви; впоследствии расписывает русский собор в Пряшеве, исполняет фрески и иконы в г. Сныне и Левоче.

Работал одно время в Словакии скульптор и керамист Иван Петридец (1861—1920), выходец из Восточной Галиции, один из первых профессиональных скульпторов Закарпатья.

Связи художников Закарпатья, Словакии и Чехии, бывшие до первой мировой войны sporadическими и во многом случайными, становятся с начала 20-х годов постоянно действующим фактором культурного развития этих народов.

Рухнула Австро-Венгерская империя, державшаяся, как говорили тогда, на «деспотизме, смягченном разве лишь халатностью». По всему Закарпатью поднималась волна всенародной борьбы за свободу, национальную и социальную независимость. Более месяца держалась в Закарпатье Советская власть, но объединенными усилиями чужеземных интервентов и украинских буржуазных националистов она была потоплена в крови. Постепенно Закарпатье превращается в отсталую, полукOLONиальную окраину Чехословакии и источник промышленного сырья.

Но борьба продолжалась. Передовые политические и общественные деятели, а также лучшие чешские и словацкие писатели, художники, артисты своим творчеством оказывали самую активную и действенную поддержку борьбе закарпатских украинцев за свои права, помогали становлению национальной культуры. Особенно яркие и значительные результаты этой неустанной творческой деятельности дают о себе знать в 30-е годы, в период наиболее ожесточенной борьбы прогрессивных сил против политической реакции.

Тема Закарпатья становится одной из наиболее острых и злободневных тем чехословацкой литературы. Вспомним хотя бы, какое важное место заняла она в творчестве Ивана Ольбрахта, сыгравшем очень заметную роль в становлении чешской пролетарской прозы (роман «Микола Шугай, разбойник» — 1932 г., репортажи «Земля без имени» — 1932 г. и «Горы и столетия» — 1935 г.).

С болью и гневом писали о Закарпатье Карел Чапек, Станислав Костка Нейман и другие.

В 1931 и 1936 гг. Закарпатье посетил Юлиус Фучик. И хотя местные власти запретили ему читать там лекции о своей поездке в Советский Союз и постарались сократить его пребывание, но в нескольких статьях, опубликованных в 1931—1932 гг., Фучик все же приоткрыл страшную правду о положении закарпатских крестьян и лесорубов.

В эти годы устанавливаются прочные творческие и личные контакты художников Чехии и Словакии со своими закарпатскими коллегами.

20—30-е годы — это время окончательного становления и интенсивного развития в Закарпатье самостоятельной национальной школы живописи, возглавленной такими крупными и интересными мастерами, как Адальберт Эрдели и Иосиф Бокшай.

Для этой школы характерны демократизм, тесная неразрывная связь с народом — его жизнью и мировоззрением, бытом и трудом, горячая любовь к простому человеку и природе родного края, верность принципам реалистического искусства, оптимизм и жизнерадостность, красочность, декоративность, повышенная выразительность и интенсивность цвета, чувства, настроения, яркость восприятия окружающего мира. «Наша страна, — говорил Бокшай, — дает очень много материала художественному творчеству. Ни один уголок земли не может сравниться с ее горами, долинами, народом. Верю, что если кому-нибудь удастся художественно воплотить в полной красоте душу нашего русина, возникнет типическое, особенное искусство Подкарпатья»¹.

В 1916 г. после нескольких лет учения в Закарпатье возвращается А. Эрдели; спустя два года — И. Бокшай, бывший, как солдат австрийской армии, в русском плену. Вскоре к ним присоединяется еще несколько сверстников и старших товарищей. Организуются первые выставки закарпатских и кошицких художников, делаются попытки объединить их в рамках одной творческой организации.

Эти художники проявляют повышенный, обостренный интерес к народному искусству Закарпатья. Мало кто из них и их последователей избежал самозабвенного увлечения деревянной архитектурой, народными костюмами, красочностью обрядов, яркой образностью пародных обычаев и верований. Мощным импульсом этого почти всеобщего увлечения явилась большая выставка «Искусство и быт Подкарпатской Руси», состоявшаяся в Праге весной 1924 г., — крупное событие в культурной летописи не только Закарпатья, но и всей Чехословакии. «Комиссаром» и одним из организаторов выставки был известный русский художественный критик С. Маковский. Альбом, изданный им на пяти языках, разошелся с поразительной быстротой. Выставка пользовалась очень большим успехом и привлекла внимание художественной общественности к богатейшему и самобытному искусству Закарпатья — деревянному зодчеству, вышивкам, коврам, одежде, орнаменту, резьбе по дереву и рогу, чеканке по металлу, керамике.

Наиболее тесные взаимоотношения сложились у художников Закарпатья с художниками Восточной Словакии — Кошиц и Пряшева. Они часто выступали «под одним флагом» на совместных выставках (в частности, в 1921 г., когда состоялась первая выставка закарпатских и кошицких художников, показанная в Берегове и Кошицах). Но нити, связывавшие ужгородских живописцев с художественной жизнью Чехословакии, тянулись и далее — в Брно, Братиславу, Прагу.

Уже в первой половине 20-х годов И. Бокшай экспонирует свои картины в Праге и других городах Чехословакии, а первой широкой репрезентацией его творчества явилась персональная выставка в Праге в салоне Рубеша, организованная в 1926 г. и перенесенная затем в Ужгород. «Вместе с автопортретом, — писал рецензент одного из чешских журналов, — он показал 26 пастелей и картин маслом. Эти работы свидетельствуют о большой цветовой культуре и вкусе автора». Спустя три года Бокшай вновь устраивает в Праге — на этот раз в салоне Топпича — свою вторую персональную выставку, на которой было представлено 36 его произведе-

¹ Цит. по ст.: J. Z a t l o u k a l. U výtvarníkû na Podkarpatské Rusi. В сб. «Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936, s. 234.

ний. По заказу министерства школ он исполняет двадцать картин, изданных настенными репродукциями в качестве учебных пособий. Не ослабевали связи Бокшай с чешской и словацкой художественной культурой и в дальнейшем. Ведущий живописец Закарпатья, он не раз бывал в Праге, Братиславе и других городах страны, а Й. Манес и М. Алеш навсегда остались одними из его любимейших мастеров прошлого. В 30-х годах Бокшай работал над росписью нескольких церквей в Словакии.

Часто выставлялся в Чехии и Словакии и другой крупнейший закарпатский художник тех лет — Адальберт (Войцех) Эрдели. В 1928 г. он и Бокшай были представлены на «Выставке современной культуры» в Брно; в следующем году в Праге, в салоне Топич, состоялась персональная выставка работ Эрдели — итог первого десятилетия его творческого пути. Выставка, на которой были представлены более 50 портретов, пейзажей и натюрмортов Эрдели, пользовалась успехом и привлекла к себе внимание широкого зрителя, критики, художественной общественности. Во многих чешских и словацких журналах появились тогда положительные отзывы о ней. Свидетельством признания Эрдели может служить то, что в пражской Национальной галерее хранятся его одиннадцать произведений.

Выставлялись в 30-х годах в Чехии и Словакии и другие закарпатские живописцы — З. Шолтес (1937), А. Коцка, Иван Эрдели. Сравнительно широко было представлено изобразительное искусство Закарпатья на выставке «Словакия и Подкарпатская Русь», состоявшейся в 1937 г. в Праге.

Творчество Бокшай и А. Эрдели определило направление развития изобразительного искусства в Закарпатье. В 1927 г. они открывают в Ужгороде частную «Публичную школу рисования», в которой воспиталось целое поколение молодых закарпатских художников — А. Коцка, З. Шолтес, Э. Контратович, А. Борецкий, А. Добош и многие другие. В 1931 г. по их инициативе создается «Общество деятелей изобразительного искусства Подкарпатской Руси». Оно объединило художников не только собственно Закарпатья, но и Пряшевщины; так, в него входили Дешидерий Миллий и Михаил Дубай, ныне один из известных словацких художников. Выставки «Общества» пользовались большим успехом не только в Ужгороде, Мукачеве, Берегове и Пряшеве, но и в Праге, Братиславе (1936), Кошицах и других городах страны.

Постепенно закарпатские художники завоевывают прочный авторитет. Они скоро заставили говорить о себе как о сложившемся сильном и своеобразном творческом коллективе, обладающем своим, непохожим на других лицом. Об этом писали многие чешские критики и искусствоведы, например Ф. Жаковец и другие. Очень теплую и интересную по мыслям и наблюдениям статью о закарпатских художниках оставил чешский поэт Ярослав Затлоукал, посетивший Закарпатье в 1935 г. Большой друг народа Закарпатья, автор стихотворного сборника «Ветер с полонин», Затлоукал с большим уважением пишет о И. Бокшае, А. Эрдели, А. Коцке и других художниках.

Состав «Общества деятелей изобразительного искусства Подкарпатской Руси» был интернациональным: членами его были не только художники украинцы, но и чехи, словаки, венгры, евреи, русские.

В 20-х и особенно в 30-х годах в Закарпатье работало немало чешских и словацких художников. Одни из них приезжали сюда ненадолго, другие оседали на годы. Для одних Закарпатье осталось более или менее значительным эпизодом, для других оно стало важным этапом творческого пути.

В числе чешских художников, связавших в 20—30-х годах свою судьбу с Закарпатской Украиной, мы встречаем скульпторов-реалистов Яромира Цупала (род. 1884) из Моравии, ученика Мыслбека по пражской Академии художеств, ученика Б. Кафки Николая Осташкина (род. 1900), ученицу

Я. Штурсы Елену Мондич-Шинали, исполнившую в конце 20-х — начале 30-х годов целую серию портретных бюстов-памятников закарпатским будителям — А. Духновичу, Е. Фенцику, А. Митраку, А. Добрянскому, живописца и преподавателя рисования Ладислава Кайгла (род. 1885), учившегося в Праге и Париже, архитектора и живописца Антонина Бочка (род. 1910), Андрея Новака, ряд работ которого на закарпатскую тематику хранится ныне в Ужгородской картинной галерее, Ора Покорны, Карела Томана, Йосефа Томашека, Ярослава Заичека, М. Лудва, хустского живописца и графика Бедржеиха Ождиана, бывшего одно время секретарем «Общества», и других.

Искусство Закарпатья представляло собой в 30-х годах довольно пеструю картину. На ужгородских выставках можно было познакомиться едва ли не со всеми направлениями той поры — от сухого, педантичного натурализма Л. Кайгла, чьи сентиментальные жанровые сцены, исполненные в скучной, зализанной манере, импонировали мещанским вкусам, до крайностей «авангарда». Реалистические пейзажи Я. Заичека соседствовали с академическими ландшафтами К. Томана, почти сюрреалистические полотна А. Бочка — с этнографическими штудиями Й. Томашека. Впрочем, большинство этих художников не оставило глубокого следа в истории закарпатской живописи. Среди них не было ни одного действительно крупного и оригинального мастера, способного оказать влияние на молодых художников. Костяк «Общества», его ядро составили Бокшай, А. Эрдели (почти бессменный его председатель) и их ученики. В конечном итоге именно они определили творческое лицо «Общества», а тем самым и всей закарпатской живописи довоенных лет.

Одним из наиболее серьезных, талантливых и самостоятельных живописцев того времени была Милада Шпалова-Бенешова (род. 1884) — одаренный художник-прикладник, работавший в 1906—1915 гг. в пражской группе «Артель», сыгравший очень важную роль в зарождении современного чехословацкого прикладного искусства. Несколько лет она жила в Виноградове и регулярно выставляла свои пейзажи и натюрморты в Ужгороде и других городах Закарпатья, Словакии и Чехии. Это был темпераментный и сильный живописец с хорошо развитым чувством цвета.

Эпизодически работали в Чехии и Словакии и другие художники. В их числе — словацкий живописец Т. Муссон, оставивший множество «Базаров», «Воскресений», «Праздников» и тому подобных картин из жизни закарпатских и словацких крестьян, написанных, как правило, несколько поверхностно, но свежо, энергично и темпераментно. В конце 20-х годов чешский живописец Вацлав Пржигода написал много пейзажей Раховщины и Мarmorочины в постимпрессионистической манере. Определенный интерес представляет и «Закарпатский пейзаж» (1935 г.) Штепана Фрчека. Работали в Закарпатье и такие крупные мастера, как живописец Я. Папушка, Людвик Куба, Олдржих Блажичек, с увлечением писавший памятники народного деревянного зодчества Закарпатья, и другие.

Большое место заняла Закарпатская Украина в творчестве таких чешских художников, как Антонин Гудечек, Йозеф Ржержих и Вацлав Фиала. Несколько лет подряд, в конце 20-х — начале 30-х годов, Гудечек и Ржержих приезжали в Закарпатье, исходили его вдоль и поперек, неутомимо зарисовывая верховинские села и чудесные деревянные церкви — творения безымянных народных мастеров, вошедшие в сокровищницу украинской национальной культуры. Результатом этих штудий явились три выставки живописных произведений Гудечека, созданных им в Закарпатье, часть которых хранится ныне в Этнографическом музее в Праге, несколько больших серий станковых рисунков и гравюр на дереве Ржержиха «Деревянные церкви в Карпатах».

Дважды, в 1936 и 1937 гг., бывал и подолгу жил в Закарпатье Вацлав Фиала, с именем которого связаны многие из блистательных побед чешской реалистической графики XX в. Глубокий знаток истории, фольклора, жизни и быта славянских народов, Фиала, пожалуй, из всех современных ему чешских художников создал наиболее крупный и многогранный цикл работ, посвященных закарпатским крестьянам, их бытовому укладу, народному искусству, природе и архитектуре их родного края. Более ста картин и этюдов маслом, десятки и сотни законченных станковых рисунков, акварелей, путевых набросков, целый ряд литографий, в том числе серия «Древнеславянская жизнь», исполненная уже в 40-х годах на основе закарпатских впечатлений, наконец, прекрасные иллюстрации к роману Ив. Ольбрахта «Микола Шугай, разбойник», отмеченные премией на конкурсе, — все это «вещественные» итоги близкого соприкосновения вдумчивого и отзывчивого чешского художника с Закарпатской Украиной. Особенно много карандашных и акварельных этюдов крестьян Фиала сделал в закарпатских селах Широкий Луг (1936) и Провоселища (1937). Эти этюды выходят далеко за рамки документально-этнографических штудий; в каждом из них чувствуется рука зрелого и крупного мастера, умеющего серьезно, с глубоким уважением к достоинству и внутреннему миру портретируемого рассказать зрителю о человеке, его социальном положении, характере, жизненном опыте, мировоззрении.

Другим источником развития и укрепления творческих связей Закарпатья с изобразительным искусством Чехии и Словакии стала художественная школа Праги и Братиславы, которую прошли многие закарпатские художники. Своих специальных художественных заведений в 30-х годах в Ужгороде или Мукачево не было. В Праге и Братиславе молодые адепты закарпатского искусства встречали среди чешской и словацкой художественной молодежи добрых друзей, а в лице педагогов — опытных и благожелательных наставников.

В разное время (в 30-х годах) в Праге и Братиславе учились видные ужгородские живописцы Л. Дван-Шарктокий, работающий сейчас в Будапеште, ученик А. Эрдели и И. Бокшая по «Публичной школе рисования» Андрей Добош — ныне член творческого коллектива словацких художников, мукачевский график реалист Ене Морвай, скульптор Ив. Гаранко — воспитанник пражской Высшей художественно-промышленной школы, живописцы В. Берез и Ф. Манайло.

Особенно следует выделить Федора Манайло, одного из самых интересных и самобытных украинских советских художников. Еще в конце 30-х — начале 40-х годов Манайло, наряду с А. Эрдели и И. Бокшаем, выдвинулся в число крупнейших живописцев Закарпатья, определивших наивысшие достижения его изобразительного искусства. Учился он в 1928—1934 гг. в пражской Высшей художественно-промышленной школе сначала у прекрасного чешского художника-графика Вл. Бруннера, а затем Зд. Кратохвила — одного из самых выдающихся мастеров чешской реалистической графики и книжной иллюстрации. Под его руководством Манайло учился почти четыре года и именно ему он многим обязан как художник.

Приведенных фактов, надо полагать, достаточно для обоснования вывода о том, что связи художников Закарпатья с изобразительным искусством Чехии и Словакии были глубокими и плодотворными для обеих сторон.

Трудный и сложный путь прошло Закарпатье до 1945 г., когда, наконец, осуществилась заветная мечта его народа о воссоединении всех украинских земель в свободном и независимом государстве.

И. И. СВИРИДА

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ВАЛЕНТИЯ ВАНЬКОВИЧА

Первая треть XIX в. была временем зарождения и утверждения романтизма в польской художественной культуре. Блестящее развитие польской романтической литературы всегда затмевало роль других искусств в становлении этого направления (исключение в этом отношении представляет лишь фигура Шопена). Как правило, все эстетические проблемы романтизма рассматриваются польскими учеными преимущественно на материале литературы.

Однако параллельно с литературой новое восприятие и понимание окружающей действительности, а следовательно и новые формы ее отражения, проникали и в другие области художественного творчества. Совершенно четко этот процесс прослеживается на материале исторической живописи. Не менее очевиден он и в портретном жанре.

Воспитанник виленской художественной школы Валентий Ванькович (1799—1842) принадлежит к числу художников, прокладывавших пути романтическому направлению в польском изобразительном искусстве. Он происходил из богатой шляхетской семьи с глубокими патриотическими традициями, оказавшими влияние на формирование мировоззрения будущего художника.

Интерес к искусству у Ваньковича проявился рано. Как сообщает коллега и первый биограф Ваньковича Винцентий Смоковский, рисовать Валентий начал раньше, чем научился писать; «он любил рисовать различные предметы, а обложки книг, блокноты, обрывки бумаги были свидетелями его увлечения и рождающегося таланта... Он рисовал дома, деревья, зверей, птиц и все, что ему подсказывало детское воображение»¹.

Ванькович получил хорошее образование. После нескольких лет занятий у домашних учителей, в 1812 г. он был отдан в интернат иезуитской коллегии в Полоцке, преобразованной в том же году в академию. Там он посещал занятия на двух факультетах — языковом и свободных наук, где был в числе лучших учеников по логике, метафизике, этике и русской литературе².

В Полоцке были весьма благоприятные условия для дальнейшего развития его художественных интересов. На факультете свободных наук существовало отделение живописи, которое посещал Ванькович. В экзаменационном зале устраивались выставки ученических работ³. Было в академии и собрание произведений старых польских мастеров. Как вспоминает соученик Валентия Оттон Слиzeń, в академии «длинные, расходящиеся в разные стороны монастырские коридоры были завешаны живописными изображениями святых, а в одном из коридоров висели портреты

¹ W. S m o k o w s k i. Walenty Wańkowiec. «Athenaeum», 1845, t. VI, s. 123.

² M. G i ż y s k i. Materiały do dziejów Akademii Połockiej. Kraków, 1905, s. 140.

³ «Pamiętnik księdza wygnańca». Lwów, 1876, s. 55.

знаменитых иезуитов..., один светлый прямой коридор был украшен исключительно портретами польских королей, а в самом его конце... бросался в глаза огромный в рост портрет Стефана Батория»⁴.

Среди этих портретов находились и религиозные композиции Шимона Чеховича (1689—1775) — характерные произведения позднебарочной живописи с ее декоративными эффектами и патетикой. Они были развешаны в старинных, плохо освещенных сводчатых коридорах, в которых острее воспринимались светотеневые контрасты. По словам Смоковского, «вид этих картин так зажег ум Ваньковича, что он решил посвятить себя профессии художника и уведомил об этом своих родителей»⁵.

Этот интерес к барочной живописи весьма симптоматичен. Обращение к традициям барокко было в целом характерно для искусства романтизма, представителем которого впоследствии стал Ванькович. Его юношеское, почти еще детское увлечение Чеховичем носило, конечно, не вполне осознанный, скорее эмоциональный характер. Однако оно свидетельствовало об определенных особенностях психического склада будущего художника. Среди полотен, которые копировал Ванькович впоследствии, в годы учебы в Виленском университете и Петербургской академии художеств, можно встретить произведения преимущественно кисти барочных мастеров — Рубенса, Иорданса, Тинторетто, Чеховича, С. Розы и др.

Занятия рисунком, музыкой, введенные в Полоцкой академии, имели прежде всего общеобразовательное значение. Однако учеба в ней стала начальным этапом в творческой судьбе двух серьезных художников — Федора Толстого, сыгравшего видную роль в русском искусстве первой половины XIX в., и Ваньковича.

Когда Ванькович в 1818 г. приехал в Виленский университет, он привез с собой работы маслом и миниатюры, выполненные в Полоцке. «Трудно было поверить, что в таком молодом возрасте..., особенно учась где-то в провинции, он мог так хорошо и правильно рисовать»⁶.

Виленский университет (до 1803 г. Литовская главная школа) явился первым высшим учебным заведением, где в 1799 г. была создана художественная школа. Еще в 1798 г. в университете было введено преподавание живописи и рисунка, а в 1804 г. — скульптуры и гравирования⁷. В первой четверти XIX в. Виленский университет сосредоточил в своих стенах крупнейших польских ученых того времени. Среди его профессоров были Иоахим Лелевель, Ян и Енджей Снядецкие. Славился университет хорошо поставленной медицинской школой.

Для преподавания художественных дисциплин были привлечены видные польские художники. Профессором живописи был Францишек Смуглевич (1745—1807) — первый польский художник, получивший известность за пределами Польши. Пробыв долгие годы в Италии, он после возвращения стал в Польше наиболее значительным представителем академизирующегося классицизма, выросшего под влиянием школы Менгса и идей Винкельмана. Человек прогрессивных общественных взглядов, Смуглевич стремился приспособить приемы, воспринятые им в Риме, для выражения

⁴ M. G i z u s k i. Ibid., s. 127.

⁵ W. S m o k o w s k i. Ibid., s. 125. Обширная переписка Ваньковича с семьей погубила, так же как и многие его произведения.

⁶ W. S m o k o w s k i. Ibid., s. 126. Сохранился рисунок натурщика, выполненный в Полоцке Ф. Толстым, который также свидетельствует о серьезной работе над рисунком (репрод. см.: «Русский художественный архив», 1892, стр. 15).

⁷ В. Смоковский, ссылаясь на так называемые «programmata» — программы Виленского университета, которые он видел у М. Полинского, сообщает, что часы занятий рисунком были включены в учебное расписание с 1794 г. (W. S m o k o w s k i. Do wspomnień o szkole malarskiej wileńskiej Adama Szemesza. «Athenaeum», 1847, t. I, s. 156).

патриотических идей, волновавших польское общество на рубеже веков. Вместе с тем в некоторых его портретах, жанровых сценах пробивались и реалистические тенденции непосредственного наблюдения и отражения окружающей действительности⁸.

Более близок романтическим исканиям был преемник Ф. Смуглевича на посту профессора художественной школы Ян Рустем (1762—1835). Он вышел из школы Яна Норблина, ученики которого — А. Орловский и М. Плоньский — заложили основы польского романтизма.

Рустем был хорошим портретистом, умевшим воссоздать индивидуальные черты человека. Интересны его автопортреты, отличающиеся острой характерностью, подчеркивающие особенности колоритной внешности Рустема.

От своего учителя Норблина он воспринял беглую манеру рисунка (получившую виртуозное развитие в творчестве Александра Орловского) и мало обращал внимания на его тщательную обработку. Адам Шемеш — бывший ученик Рустема — в своих воспоминаниях о виленской школе писал, что «Рустем не требовал точного сурового подражания натуре, поэтому из современных мне учеников редко кто имел действительно правильный и точный рисунок, хотя многие с легкостью усвоили манеру учителя и рисовали неплохо»⁹.

В отсутствии у Рустема «точного и сурового подражания натуре» следует видеть, очевидно, проявление романтических принципов понимания искусства. Ибо романтики, как известно, не стремились к точному копированию окружающей действительности.

Об отношении к Рустему современников свидетельствует забавный факт, приводимый в малоизвестных сейчас воспоминаниях одного из тогдашних студентов университета Оттона Слизеня. В начале 20-х годов в Вильно получили распространение сделанные на стекле карикатуры на профессоров университета с довольно злыми и насмешливыми подписями. Неизвестные авторы пощадили лишь Рустема. Под рисунком, изображающим художника в традиционной красной феске у мольберта, стояло хвалебное двустишие¹⁰:

Oto grek Rustem
Co kaźdym pezlem maluje z gustem.

В этой шуточной фразе фамилия Рустема не случайно рифмуется со словом «gust» (вкус), так как именно понятие вкуса было одним из наиболее существенных в эстетике эпохи Просвещения, сохранявшей сильные позиции и в первой трети XIX в. Этому требованию «вкуса» несомненно отвечали произведения Рустема, и прежде всего его портреты.

В воспоминаниях учеников Рустема (А. Шемеша, В. Смоковского), в высказываниях художников более молодого поколения дается высокая оценка педагогической деятельности Рустема. Так, один из крупнейших польских художников-реалистов XIX в. Войцех Герсон, сам сыгравший значительную роль в развитии художественного образования, писал: «Важнейшей заслугой жизни и деятельности Рустема было то, что он под-

⁸ Дальше всего от сухого классицизма в сторону преромантизма Смуглевич отошел в пейзажных зарисовках, выполненных им в окрестностях Вильно. Однако этот их особый характер вызывает у некоторых авторов сомнение в том, что они действительно принадлежат Смуглевичу. (см. W. S m o k o w s k i. Do wspomnień o szkole..., s. 161).

⁹ A. S z e m e s z. Wspomnienia o szkole malarskiej wileńskiej. «Athenaeum», 1844, t. IV, s. 213.

¹⁰ «Z pamiętników Ottona Sliźnia». «Pamiętnik Towarzystwa literackiego im. Adama Mickiewicza». Lwów, 1888, s. 214.

нял уровень обучения живописи в Вильно»¹¹. В числе важных заслуг Рустема было введение в школе рисования с живой модели, что было для Польши абсолютной новостью. Это, несомненно, способствовало развитию реалистических тенденций в творчестве виленских мастеров. Художником романтического склада был помощник Рустема, адъюнкт кафедры живописи Ян Кшиштоф Дамель (1780—1840), с которым Ваньковича в 30-е годы связала близкая дружба. Образный строй, живописная техника и сюжеты произведений Дамеля несомненно романтические по характеру. Портреты художника, написанные смелым, свободным мазком, эмоционально насыщены. Его «Голова цыгана»¹² — подлинно романтическое полотно (причем дело здесь не только в экзотическом сюжете, но и во внутреннем эмоциональном содержании).

В Виленском университете Ванькович поступил на отделение литературы и свободных искусств. Об этом свидетельствует книга записей отделения литературы и свободных искусств, хранящаяся в архиве Виленского университета¹³, где под 1818 г. записано, что Ванькович Валентий, сын Мельхиора, лет 19, римско-католического вероисповедания, первый год обучается в Виленском университете и что он решил посещать лекции польской, латинской и французской литературы, а также рисунка, живописи, немецкого языка.

Таким образом, в отличие от многих учеников художественной школы, о которых ее воспитанник А. Шемеш пишет, что «они не общались с Университетом, не ходили почти ни на какие лекции»¹⁴, интересы Ваньковича многосторонни, так же как и в Полоцке. Однако постепенно изобразительное искусство все больше поглощает его внимание. В 1821 г., на третьем году обучения, он посещает лишь лекции рисунка, живописи, скульптуры и итальянского языка¹⁵.

Во время учебы в Виленском университете Ванькович много копирует, прежде всего портреты Рустема, «которые рисовал, как бы играя»¹⁶, по замечанию Смоковского. Очевидно, именно Рустему Ванькович обязан своим интересом к портретному жанру и первыми успехами в нем. Трезвая наблюдательность Рустема, проявлявшаяся в точных портретных характеристиках, была воспринята и Ваньковичем.

Обучение в художественной школе начиналось с копирования гипсов, а затем переходили к рисованию живой модели. Уже в рисунках натурщиков проявились склонности Ваньковича к портретному жанру. Как пишет Смоковский, «его (Ваньковича. — И. С.) фигуры, написанные с натуры, имели портретные черты, то есть он делал похожим не только лицо, но даже все части тела характеризовались большим сходством с живой моделью»¹⁷.

Эти академические этюды были для Ваньковича не только упражнением в изображении человеческой фигуры. Его рисунки натурщиков имели и определенное образное содержание. Очень интересен выполненный в эти годы «Натурщик»¹⁸, изображенный в виде Геракла, который стоит со шкурой убитого им льва. Этот античный мотив переосмыслен в романтическом духе. На рисунке изображен молодой атлет, полный внутренней

¹¹ «Album biograficzny zasłużonych Polaków i Polek w wieku XIX». Warszawa, 1901, s. 140.

¹² Собрание Художественного музея Лит. ССР.

¹³ Рукописный отдел Библиотеки Вильнюсского университета, фонд К. С., д. 103.

¹⁴ A. S z e m e s z. Ibid., s. 216.

¹⁵ Рукописный отдел Библиотеки Вильнюсского университета, фонд К. С., д. 104, стр. 26 (здесь ошибочно указано имя Ваньковича — Валериан).

¹⁶ W. S m o k o w s k i. Walenty Wańkiewicz, s. 134.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Художественный музей Лит. ССР. Уголь, мел.

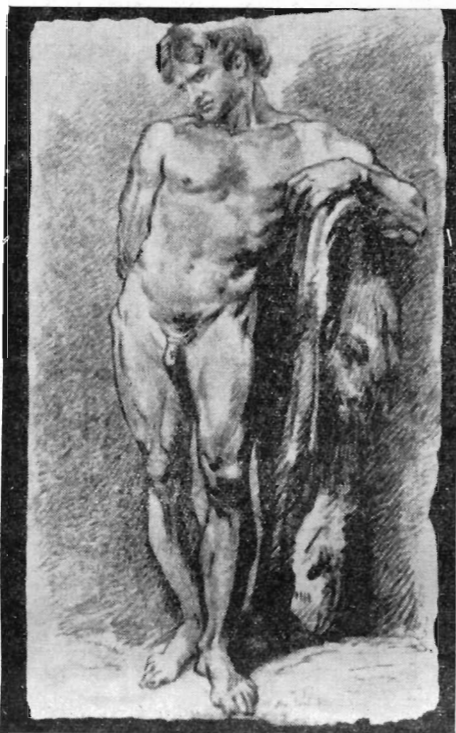

Рис. 1. В. Ванькович. Натуризм. Уголь, мел. Художественный музей Литовской ССР

выставку не только копии чужих произведений, но и самостоятельные работы²¹.

В собрании Национального музея в Варшаве имеется миниатюра Ваньковича «Певчие римско-католического собора в Вильно»²². Согласно позднейшей надписи на обороте, она нарисована Ваньковичем с натуры в 1835 г. Однако нам представляется правильным отнести дату ее создания к более раннему времени и предположить, что именно она экспонировалась на выставке 1820 года в Виленском университете и упомянута в «Дзенике виленском» под названием «„Певчие“ — миниатюра, самостоятельная работа» (№ 6).

На миниатюре представлены двое певчих, с увлечением поющих молитву. Их фигуры освещены светом горящей свечи и объемно выделяются на темном фоне. В своей статье Смоковский вспоминает, что во время учебы в Виленском университете Ванькович любил бывать в костеле, когда служ-

силы и энергии. Его голова увенчана шапкой волнистых разметающихся волос.

Свободный разворот фигуры в пространстве, асимметричная композиция, контрастная светотень, сочная прерывистая линия придадут рисунку черты романтической взволнованности, одухотворенности.

В 1820 г. в Вильно, вслед за Варшавой¹⁹, открылась первая публичная художественная выставка. Инициатором ее явился университет. На ней экспонировались преимущественно ученические работы. Это обусловило довольно низкий уровень виленских выставок и вместе с тем недостаточный интерес к ним широкой публики. В своих воспоминаниях бывший студент университета А. Шемеш писал: «Не удивительно, что, встречая постоянно те же самые головы Иова, Лаокоона, Антония и академические фигуры, виленская публика оставалась абсолютно равнодушной к выставкам»²⁰.

Однако эти выставки дали возможность для участия в них будущих художников. Ванькович был одним из немногих, которые представили на

¹⁹ В Варшаве публичные художественные выставки проводились с 1819 г. См. St. Kozakiewicz. Warszawskie wystawy sztuk pięknych w latach 1819—1845. Wrocław, 1952.

²⁰ A. Szemesz. Ibid., s. 218.

²¹ «Дзеник виленский» называет следующие работы Ваньковича: 1) портрет Горького (копия с Рустема, масло); 2) портрет мадам Шуазо[ль] (копия с Рустема, масло); 3) автопортрет (масло); 4) старик (самостоятельная работа, масло); 5) Мария-Магдалина (миниатюра, копия с Батони); 6) певчие (миниатюра, самостоятельная работа); 7) автопортрет (миниатюра); 8) портрет (миниатюра); 9) 6 миниатюр — копии с Рустема. «Pierwsze wystawienie dzieł sztuk pięknych w cesarskim Uniwersytecie Wileńskim». «Dziennik Wileński», 1820, II, s. 362.

²² Гуашь, 9,5 × 7,6.

ба происходила в полумраке, при свете свечей и лампад. «Он нарисовал несколько сцен..., где старцы и женщины при зажженных витых свечах пели молитвы. (...) Иллюзия была так обманчива..., как будто от горящей свечи свет падал на рисунок... [Ванькович] умел придать своим рисункам такую обманчивую, такую чарующую светотень, что каждую его фигуру словно можно было потрогать рукой»²³.

Рассматриваемая миниатюра вполне совпадает с описанием Смоковского. В этой миниатюре Ваньковича интересует прежде всего эффект освещения и свето-теневые контрасты. Он тщательно передает блики, возникающие от свечи, световые рефлекссы.

Фактом, говорящим в пользу ранней датировки этой миниатюры, является жанровый характер сцены. Ванькович внимательно передает

Рис. 2. В. Ванькович. Певчие римско-католического собора в Вильно. Гуашь. Национальный музей в Варшаве (Публикуется впервые)

внешность певчих — пожилого с обвисшими усами и лысой головой, от которой эффектно отражается свет, и молодого, с увлечением вторящего старику. Такая жанровая трактовка темы молитвы могла появиться у Ваньковича лишь в ранний период его творчества. Религиозные композиции, созданные им в 30-е годы, далеки от жанровости, носят мистический характер.

Свидетельством в пользу ранней датировки этой миниатюры является и сама техника ее выполнения. Она очень близка «Автопортрету»²⁴ — миниатюре, на которой Ванькович предстает совсем юным и которая также экспонировалась на выставке в 1820 г. (№ 7 в «Дзенике виленском»). Обе миниатюры, выполненные гуашью, обнаруживают несомненное сходство в способе наложения мазков, распределении цветовых пятен.

Если высказанные выше замечания правильны, то миниатюры «Певчие» и «Автопортрет» можно считать самыми ранними, дошедшими до нас работами Ваньковича. Они несомненно свидетельствуют о его технической беглости и умении передавать характерные особенности модели. Таково же было и мнение современников. В рецензии на вторую выставку художественной школы в 1822 г. М. Черноцкий писал в «Дзенике виленском», что портреты Ваньковича, представленные на ней, «сохраняют редкое сходство с портретируемым»²⁵. Вместе с тем рецензент отмечал «ненатуральный колорит» в работах Ваньковича. Упрек в «ненатуральности» можно, без сомнения, отнести и к раннему «Автопортрету», где карнация, выдержанная в ярко-розовых, переходящих в красное тонах, резко контрастирует с холодным голубым фоном. Однако это не помешало Ванькови-

²³ W. S m o k o w s k i. Walenty Wańkiewicz, s. 127—128.

²⁴ Национальный музей в Варшаве. Гуашь, 11 × 9.

²⁵ «Dziennik Wileński», 1822, III, s. 107.

Рис. 3. В. Ванькович. Автопортрет. Гуашь. Национальный музей в Варшаве (Публикуется впервые)

чу создать выразительную портретную характеристику. На автопортрете мы видим человека с сосредоточенным лицом, напряженным взглядом больших глаз, с беспокойными прядями падающих на лицо волос, что создает ощущение внутренней неуравновешенности. Ванькович не стремится идеализировать свою внешность, трезво передавая особенности крупных черт лица.

Что касается «ненатуральности» колорита, то в этом, как и в «отсутствии точного и сурового подражания натуре», о котором писал Шемеш (см. выше), проявился интерес к выражению повышенной экспрессии, к поискам характерной выразительности, свойственным романтизму. И не случайно именно эти черты вызвали критику со стороны М. Чарноцкого — приверженца классицистических традиций. Обращает на себя внимание сходство этого автопортрета Ваньковича с «Автопортретом во фраке» А. Орловского, несомненно романтическим по характеру.

Ванькович учился в Виленском университете в наиболее яркие в истории этого учебного заведения годы, когда среди его студентов распространились освободительно-патриотические идеи, вдохновляемые И. Лелевелем. «Это было действительно прекрасное время, — вспоминает Смоковский. — когда университетская молодежь на всех отделениях принималась за науки с неслыханным желанием и увлечением, объединенная узами единства и взаимной поддержки, а в качестве единственного лозунга провозглашалась добродетель и разум. Это столь святое горение не осталось без влияния на школу изящных искусств, оно дошло до нее и немного согрело»²⁷.

Ванькович в художественной школе, где, по словам Смоковского, было «мало людей с духовными интересами, а большую часть составляли ремесленники», был одним из наиболее образованных среди своих товарищей. Получив серьезную подготовку еще в Полоцке, он в виленский период «много времени посвятил чтению книг, обогащающих и расширяющих мышление художника. Гомер, Овидий, Вергилий — из поэтов, из историков — Геродот, Ксенофонт, Ливий, Тацит, Цезарь, Саллюстий были его любимцами»²⁸. Смоковский отмечает интерес Ваньковича и к польской литературе (Кохановский, Трембецкий, Красицкий), о чем свидетельствовало, в частности, упоминаемая Смоковским композиция Ваньковича на стихотворение Карпиньского «Глас убиенного к суду». Любопытен факт, что из произведений этого крупнейшего польского сентименталиста Ванькович выбрал стихотворение, имеющее острую антифеодалную направленность.

²⁶ Хранится в Гос. Третьяковской галерее. Выполнен углем. 1802—1810 гг. Репродуцирован и анализируется в кн.: M. Wallis. *Autoportrety artystów polskich*. Warszawa, 1966, s. 108.

²⁷ W. S m o k o w s k i. *Walenty Wańkowicz*, s. 131.

²⁸ *Ibid.*, s. 135.

В то же время Ванькович не был далек и от идейных интересов передовых кругов виленской молодежи. Трудно установить, принадлежал ли Ванькович к обществам филематов или филаретов, так как свидетельства очевидцев довольно противоречивы. Однако факт упоминания некоторыми современниками Ваньковича в числе филаретов²⁹ указывает, что по своим взглядам он мог быть таковым. Поэтому недостаточно убедительными кажутся слова Смоковского о том, что в то время, как в университете шла острая полемика вокруг новых явлений литературы, «ни одна искра той поэзии не залетала в стены рисовальной школы..., даже сам Ванькович, лучшее украшение школы, не увлекся новыми принципами и остался как бы во мгле той темной атмосферы, несмотря на свои отношения и дружбу с теми, которые блистали наукой и талантом»³⁰.

Убедительным свидетельством и романтических исканий Ваньковича, и его духовной близости с прогрессивным крылом виленской молодежи являются созданные им в эти годы портреты А. Мицкевича, Фр. Малевского, А. Э. Одыща и др. Наибольшую иконографическую ценность представляют, несомненно, портреты Мицкевича³¹.

Ванькович имел обыкновение несколько раз повторять удавшиеся ему работы. В литературе имеются противоречивые сведения о нескольких рисунках и одном живописном портрете Мицкевича, выполненных Ваньковичем в Вильно³².

Ванькович по крайней мере три раза рисовал Мицкевича с натуры. К числу наиболее ранних следует отнести два рисунка, хранившихся в бывшей ординации Красиньских и сгоревших в 1944 г. На первом Мицкевич изображен в мундире учителя ковепской школы. Это хрупкий юноша, почти мальчик с несколько болезненным выражением лица. Портрет, датируемый обычно в литературе 1821 годом, мог возникнуть не раньше декабря 1819 года, когда Мицкевич после первого семестра работы в качестве ковепского учителя приехал на рождественские каникулы в Вильно. Здесь он сразу же вновь попал в общество своих университетских друзей, к которым был близок и Ванькович.

Второй рисунок из ординации Красиньских — овальный. Здесь Мицкевич изображен во фраке (возможно, в том самом, долги за который мучили его в 1820 г.)³³.

²⁹ В числе филаретов называет Ваньковича в своих воспоминаниях друг Мицкевича и активный участник филаретского движения Одыпец (А. Е. O d y n i e c. *Wspomnienia*. Warszawa, 1884, s. 156), а также Ю. Белпльскій («Proces filaretów w Wilnie», *Archiwum do dziejów literatury i oświaty*, t. VI, s. 244).

³⁰ W. S m o k o w s k i. *Walenty Wańkiewicz*, s. 139.

³¹ Иконографией Мицкевича, и в частности портретами Ваньковича, занимался ряд авторов. Среди наиболее значительных работ нужно указать следующие: L. M e y e t. *Wizerunki Adama Mickiewicza*. «Pamiętnik Towarzystwa literackiego im. Adama Mickiewicza». Lwów, 1888; E. Ż a r n o w s k a. *Etude iconographique sur les portraits de Adam Mickiewicz du Musée Mickiewicz de Paris. Księga w stołecie zgonu*. Londyn [1956]; Z. N i e s i o ł o w s k a - R o t h e r t o w a. *Zestawienie chronologiczne wizerunków Adama Mickiewicza*. «Wiedza i życie», 1955, № 4; H. P i a t k o w s k i. *O prototypie i wariantach portretów Mickiewicza przez Wańkowicza*. *Album sztuki polskiej*. Warszawa, 1901; J. S a l s k i. *Kultura i sztuka polska na Litwie i Rusi*. Warszawa, 1921. На русском языке иконография А. Мицкевича составлена Е. А. Ковалевской (в кн. *Адам Мицкевич в русской печати*. М.— Л., 1957). Важные сведения о биографии Ваньковича и о его портретах Мицкевича содержит статья З. Цехановской (*Malarz sprawy Walenty Wańkowicz*. «Pamiętnik Literacki», 1948). В Музее А. Мицкевича в Париже имеется рукописный каталог иконографии Мицкевича, составленный М. Ярославской.

³² Следов живописного портрета, о котором упоминают Е. Жарновская (указ. статья) и З. Неселовская-Ротертова, обнаружить не удалось. В журнале «Аркады» (1938, стр. 346), на который ссылается З. Неселовская-Ротертова, воспроизведен карандашный рисунок.

³³ См. «Kronika życia i twórczości Mickiewicza. 1798—1824». Warszawa, 1957.

На рисунке Мицкевич задумчив. Это настроение передается и в легком наклоне головы, и в больших, чуть прикрытых печальных глазах. Тяжелый овал лица оттеняют свободно трактованные волосы, падающие на лоб. Весь силуэт очень мягкий, плавный, естественно вписывается в овал. Композиция портрета — трехчетвертной поворот лица с обращенным прямо на зрителя взглядом портретируемого — создает непосредственный контакт изображения со зрителем.

Взрослее на несколько лет выглядит Мицкевич на третьем портрете, который в настоящее время известен в трех вариантах: один принадлежит краковскому Национальному музею (депозит в Музее Мицкевича в Варшаве; размер 27,3 × 21,6), второй — Музею Мицкевича в Париже (25,2 × 20), третий — Гос. историческому музею в Москве (26 × 21). З. Неселовская-Ротертова (каталог № 7), вслед за Мейетом, называет четвертый вариант (размер 95 × 75), местонахождение которого в настоящее время неизвестно (в 1888 г. был собственностью А. Плуга в Варшаве)³⁴.

Е. Жарновская считает, что с натуры выполнен парижский рисунок: «Наш экземпляр... в большей мере имеет характер этюда, выполненного с натуры. Он отличается суровым реализмом и отсутствием схематизации в его общих чертах. Можно легко представить себе, что в двух других рисунках, выполненных с этого этюда, художник добросовестно воспроизвел реалистические детали — плохо выбритую бороду и случайные складки одежды, но нельзя предполагать обратную картину»³⁵.

Не имея возможности видеть в оригинале парижский вариант, трудно высказать по этому вопросу достаточно убедительные доводы. Однако доступные нам рисунки не обнаруживают тех черт схематизма, о которых говорит А. Жарновская, в свою очередь не видевшая их в оригинале.

Возможно, в качестве косвенного доказательства того, что оригиналом является краковский рисунок, можно зачислить тот факт, что этот рисунок принадлежал самому А. Мицкевичу и был подарен им в 1829 г. при выезде из России его ближайшему другу Фр. Малевскому. На обороте этого рисунка имеется надпись, сделанная Владиславом Мицкевичем: «Adam Mickiewicz r. 1823. Dagowany Fr. Malewsk». Именно эта надпись послужила основой для датировки портрета и всех его вариантов.

На этих рисунках Мицкевич предстает в несколько ином облике, чем на двух ранних. Это уже двадцатипятилетний человек, на лице которого лежит печать жизненного опыта. К этому времени Мицкевич пережил и первые личные разочарования, и первые трудности, связанные с его службой. Вместе с тем Мицкевич был уже автором двух изданных томиков «Поэзии», заставивших говорить о его необычном таланте. На рисунке Ваньковича лицо поэта с грустными, чуть прикрытыми глазами, которые глядели на зрителя еще в раннем овальном портрете, озарено легкой улыбкой. Весь облик Мицкевича, полугрустный, полускептический, как его изобразил Ванькович, вызывает желание связать этот портрет с более поздними событиями процесса над филаретами в начале 1824 г., когда Мицкевич вышел из тюрьмы. В апреле — мае 1824 г. Мицкевич часто бывал у Горецких, где постоянным гостем был и В. Ванькович. Оба они поддерживали близкие отношения с Антоном Горецким³⁶.

³⁴ В рукописи З. Батовского фигурируют еще два портрета без указания их местонахождения: один — выполненный карандашом (10,3 × 8,56), другой — сепией (9,5 × 7,5). «TeKa wileńska». Archiwum PAN. Katalog № 14, 15.

³⁵ E. Żar now ska. Ibid., s. 19.

³⁶ См. St. M o r a w s k i. Kilka lat młodości mojej w Wilnie. Warszawa, 1959.

К тому же 1824 году относится портрет Фр. Малевского³⁷, изображающий худенького юношу, сидящего, опершись на руку. Портрет поясной, все внимание сосредоточено на лице, в котором прежде всего привлекают внимание одухотворенные глаза.

К серии рисованных портретов, выполненных Ваньковичем, очевидно, еще в Вильно, принадлежит очень интересный портрет Юлиана Корсака (1807—1855)³⁸, поэта и переводчика, который в одной кибитке с Мицкевичем был отправлен царскими властями в Петербург в 1824 г.

Все названные портреты, как и портрет Одынца³⁹, выполненный в то же время, объединяют общие черты, позволяющие говорить о наметившемся в творчестве Ваньковича в виленский период определенном типе рисованного портрета.

Ванькович рисовал людей, духовно близких ему, своих товарищей по университету. Это наложило отпечаток на трактовку образов портретируемых. Все портреты носят камерный, порой интимный характер. Они лишены каких-либо аксессуаров. Художник не равнодушно фиксирует черты лица портретируемых, все рисунки сделаны с настроением, в них чувствуется внутренняя связь, даже симпатия, которая объединяла художника и его модели.

Особенностью этих портретов является их лиризм, состояние раздумья, легкой печали, окутывающей лица изображенных. Возможно, эта меланхолическая романтичность, проявляющаяся в спокойствии взгляда, в легком наклоне головы, отсутствии резких ракурсов, была не столько отражением характеров портретируемых, сколько настроением самого Ваньковича. В состоянии раздумья предстает и сам художник на его юношеском автопортрете⁴⁰.

Тип рисованных портретов Ваньковича не был многообразен. Это обычно погрудное изображение с головой, повернутой в $\frac{3}{4}$, и взглядом, обращенным на зрителя. Плоский нейтральный штрихованный фон, на котором четко выделяется спокойный замкнутый силуэт, что является отголоском классицистических композиций. Все внимание сосредоточено на лице, которое Ванькович тщательно прорабатывает. Рисунок, живописный по характеру, не контурный, а светотеневой. Ванькович часто применяет пастель, уголь, создавая плавные цветовые и светотеневые переходы, что приближает его рисунки к живописи.

По композиции близок этим портретам недавно приобретенный Национальным музеем в Варшаве и приписываемый Ваньковичу портрет Эдварда Ромера. Портрет, выполненный маслом, не датирован. Однако известно, что Эд. Ромер, происходивший из семьи виленского губернского маршала М. Ромера, был учеником Виленской художественной школы при университете и так же, как и Ванькович, посещал класс Рустема. Встречаясь с ним в годы учебы, Ванькович мог написать этот портрет. Эд. Ромер, родившийся в 1806 г., изображен совсем юным. Как и в рассмотренных рисованных портретах здесь проявились черты романтической одухотворенности. Однако этот образ несколько иной по характеру — хотя здесь и сохраняется погрудная композиция с трехчетвертным ракурсом. Решительный поворот головы, волевой взгляд говорят о большой энергии портретируе-

³⁷ Музей Мицкевича в Париже. Репродуцирован в кн. J. K l e j n e r. Adam Mickiewicz. Lublin, 1948, s. 432. Копия портрета имеется в собрании Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде.

³⁸ Национальный музей в Варшаве, пастель, 21,5 × 16,5.

³⁹ Местонахождение неизвестно. Репродуцировано в кн.: A. E. O d y n i e s. Listy z podróży, t. I. Warszawa, 1961, фронтиспис.

⁴⁰ Частное собрание в Кракове, холст, масло, 28 × 3,5.

Рис. 4. В. Ванькович (?). Портрет Эдварда Ромера. Масло. Национальный музей в Варшаве (Публикуется впервые)

мого, его внутренней силе. Здесь романтизм действия, а не романтика чувства, как в рисованных портретах.

Портрет Эд. Ромера, как и портрет знаменитого скрипача Кароля Липиньского, написанный Ваньковичем в 1822 г., позволяют судить об особенностях живописных работ художника этих лет. Оба портрета выдержаны в спокойной гамме (более теплой в портрете Ромера) с характерным оливковым фоном, на котором четко выделяются более интенсивные по цвету фигуры. Излюбленный трехчетвертной поворот головы применен и в поясном портрете Липиньского. Этот портрет несомненно окрашен в романтические тона — ярко освещенное лицо, выступающее на корич-

нево-зеленом фоне, оттененное белым галстуком, обрамлено копной непослушных волос и длинными бакенбардами. В отличие от подтянутых портретов классицистов Ванькович изображает Липиньского с небрежно завязанным галстуком, позволяющим видеть обнаженную шею (что можно встретить на автопортретах Орловского, но не А. Бродовского). Липиньский представлен не во фраке, а в отороченном мехом халате, что придает портрету более интимный, непосредственный характер. Здесь начались у Ваньковича поиски типа портрета, изображающего человека-творца, получившие дальнейшее развитие в петербургский период.

Портреты А. Мицкевича и К. Липиньского в виленские годы, портреты А. Мицкевича, А. Пушкина, М. Шимановской, созданные в Петербурге (1828 г.), портрет А. Горецкого и К. Липиньского в 30-е годы несомненно являются следствием увлечения Ваньковича музыкальным и литературным творчеством этих мастеров. Портрет Мицкевича на Аю-Даге непосредственно навеян «Крымскими сонетами» поэта. И дело здесь не в том, что портрет как бы иллюстрирует строку из сонета «Мне любо, Аюдаг, следить с твоих камней...»⁴¹, а в самой трактовке образа поэта, которого Ванькович стремился запечатлеть в момент творческого порыва. Именно так воспринимали портрет и современники. А. Ходзько писал Одынцу: «Ванькович сделал портрет Адама... изумительно! Поэт вдохновил художника, художник понял и изобразил поэта»⁴². Показательно в этом отношении и обращение Ваньковича к образу импровизирующего Мицкевича в другом незаконченном портрете⁴³.

⁴¹ Перевод В. Левика.

⁴² А. Мицкевич. Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 618.

⁴³ Более подробно о петербургских портретах Мицкевича см. статью: И. Свирида. Валентий Ванькович в Петербурге. В сб. «Межславянские культурные связи». М., 1971.

Романтические искания Ваньковича проявились в виленский период не только в области портрета. Отзвуки своих настроений он находил и в окружающей его природе. В воспоминаниях Смоковского сохранилось описание пейзажа, выполненного в эти годы Ваньковичем, — «Вид Вильно при закате солнца». Не случайно Ванькович выбирает мотив заката, позволяющий передать контрасты освещения. Возможно, к этому сюжету Ванькович обратился под влиянием Яна Дамеля: его пейзаж «Закат солнца в Тобольске» — чрезвычайно смелое по композиции и эффектам освещения полотно — производил большое впечатление на современников.

Романтические тенденции в ранних портретных и пейзажных работах Ваньковича заложили основу для синтеза портретного и пейзажного образа в его зрелом творчестве. Созданный Ваньковичем в 1828 г. портрет Адама Мицкевича на Аю-Даге был не только завершением его юпошеских романтических исканий, но и значительным произведением зрелого польского романтизма.

Г. С. БЕЛЯКОВА

ПРОБЛЕМЫ ЭКРАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОЛЕСЛАВА ПРУСА

История экранизации произведений польской литературы начинается с 1911 г., когда по роману Ст. Жеромского был поставлен фильм «История греха». Надо сказать, что польский кинематограф уже в первые годы своего существования обращался к писателям, ставшим ныне классиками: Сенкевичу, Реймонту, Жеромскому. Однако экранизации того времени оставляли желать лучшего, и ни одна из них не стала событием ни в польской, ни, тем более, в мировой кинематографии. Польское буржуазное правительство не уделяло должного внимания вопросам киноискусства, не дооценивая его значения. Мероприятия правительства в этой области ограничились лишь введением дополнительной цензуры.

В развитии польской кинематографии после второй мировой войны историю экранизации можно начать с 1954 г. — с двухсерийной эпопеи режиссера Ежи Кавалеровича «Под фригийской звездой» по роману современного польского писателя Игора Неверли. Первой послевоенной экранизацией исторического романа был фильм «Крестоносцы» по одноименному роману Генрика Сенкевича.

Современная кинокритика постоянно пропагандирует экранизацию именно классической литературы, подчеркивая важность и своевременность этой задачи. Известный критик А. Яцкевич, в интервью польскому журналу «Фильм»¹ заметил, что «современному польскому кино хорошо бы сосредоточить внимание на реалистах конца XIX начала XX в. — Сенкевиче, Прусе, Жеромском, на драме и комедии того времени... сосредоточить внимание на атмосфере произведений этой эпохи, проследить „польский“ вопрос и историю „польского“ вопроса».

Можно сказать, что этому направлению польская кинематография отдает существенную дань. Непосредственная реакция на события военных лет сменяется поисками новых форм. Необходимо было пройти сквозь целую эпоху военных фильмов, чтобы настало время философского раздумья, размышлений над прошлым народа, которым отмечены многие исторические фильмы — экранизации польской классики послевоенных лет. О двух из них — фильмах «Фараон» и «Кукла», поставленных по романам известного польского писателя-реалиста Болеслава Пруса, и пойдет речь в этой статье.

Первой экранизацией по роману Пруса был фильм «Фараон» режиссера Ежи Кавалеровича (1966 г.). Вторым был экранизированный в 1968 г. Войцехом Хасом роман «Кукла».

Проза Пруса, особенности его романов, широта образов, огромный социальный подтекст, сложнейшее переплетение тонких психологических

¹ «Film», 1968, № 45.

оттенков переживаний героев, эпичность действия, соединение национального элемента с общечеловеческим, закономерностей, характерных для определенной эпохи, с вневременными ценностями — все это не могло не привлечь к нему внимания кинематографистов.

Естественно, трудно было бы полностью перенести на экран произведения великого польского писателя-реалиста, да и не в этом суть. Видимо, нельзя экранизировать произведение «целиком». Для исторических фильмов-экранизаций, конечно, важно отдать дань атмосфере и реалиям изображаемого времени. Но еще более важно — и это полностью относится к проблемам экранизации исторических романов Пруса — найти ключ к его образам, подчеркнуть характерную для писателя социальную окрашенность событий, провести его героев сквозь видение человека XX столетия и оставить им прусовскую индивидуальность, найти экранный эквивалент, преобразовав классическую ткань литературного оригинала средствами другого искусства — кинематографа. Каким будет это преобразование, зависит от многих факторов, и прежде всего, конечно, от режиссера.

С именем режиссера фильма «Фараон» Ежи Кавалеровича связаны первые польские послевоенные экранизации. Упомянутые фильмы режиссера по повести Игора Неверли были его дебютом, в котором он сразу заявил о себе как художник исключительной силы наблюдения. Уже в этих фильмах он представил необыкновенно многообразный мир, в богатстве красок которого, в деталях и человеческих образах он ищет и находит глубокий человеческий и драматический смысл. О Кавалеровиче — исключительно умном и одаренном художнике — написано много статей и монографий и в Польше, и за ее пределами. Советским читателям его творчество представлено в обширной монографии Р. Соболева, который считает Кавалеровича убежденным реалистом. В сфере внимания Кавалеровича — интеллектуальная сторона бытия современного человека, его раздумья, чувства, размышления. Характерной чертой его творчества является жизненность и конкретность каждого отдельного образа, при этом режиссер широко использует метод ассоциаций в обрисовке центральных персонажей для выявления связи между ними, для включения зрителя в действие, в жизнь героев фильма. Таковы, например, его широко известные советскому зрителю фильмы «Поезд», «Настоящий конец большой войны», «Мать Иоанна от ангелов».

Чем же привлек Прус Кавалеровича? В польской кинематографии того времени еще не было большого опыта экранизации исторических произведений. «Фараон» явился одним из первых фильмов, представивших миру сделанное в Польше историческое зрелище в его универсальном варианте. По словам режиссера, его привлекла в романе Пруса универсальная тема, вечная проблема борьбы за владение миром, которая была актуальна как когда-то, так и ныне. «Фараон» был задуман режиссером как фильм-размышление, как своего рода фильм-трактат. Интерес режиссера был сосредоточен на двух аспектах: непреходящей актуальности проблемы, драмы борьбы за власть; на стремлении поставить большой зрелищный фильм иначе, чем это делалось до сих пор в мировой кинематографии, изменить представление об исторической тематике, укоренившееся как среди постановщиков, так и среди зрителей. Для осуществления этого замысла роман Пруса был исключительно благодарной основой. Прежде всего — это роман, освобожденный от схемы классической, выдвинутой на первый план любовной интриги, как правило далеко отодвигающей исторические события, которые либо становятся своеобразным рефреном, либо выполняют лишь второстепенную роль. В романе Пруса на первом плане социальная проблематика, герои — исторические личности, причем автор широко использовал прием контаминации в обрисовке центральных персонажей.

Посмотрим, почему же обратился к этой теме сам автор «Фараона». Польского писателя заинтересовал Египет как модель государства, когда-то могущественного, но утратившего свою политическую и экономическую независимость и самостоятельность. Его пример давал Прусу возможность философски осмыслить в определенном плане историю Речи Посполитой.

Итак, Прус выбрал для своего романа XI век до н. э. — конец царствования Рамзеса XII — последнего фараона XX династии из дома Рамесидов, слабого правителя, который окружил себя жрецами и им отдал действительное владение Египтом, оставив себе лишь внешний блеск, связанный с занимаемым тронем. Здесь Прус последователен в воспроизведении истории. Подтверждение этого мы находим у советского египтолога Б. А. Тураева в его труде «История древнего Востока»². Другой советский египтолог В. И. Авдиев³ указывает на то, что уже фараоны XXIII династии, царствовавшие в XV—XIX вв. до н. э. были вынуждены считаться с экономическим и политическим влиянием жреческой аристократии. Они приносили щедрые дары храмам, в частности фиванскому храму Амона. С течением времени должность первосвященника храма Амона стала наследственной, что усилило жреческую касту, которая начала бороться с властью царя. Перипетии этой драматической борьбы за власть образуют фабулу романа Пруса. Однако в целом — это роман о государстве, о законах его развития. В качестве главного героя Прус выбирает сына Рамзеса XII — Рамзеса XIII. Это уже, по свидетельству современных египтологов, вымышленный образ, однако, во времена писателя его имя упоминалось наряду с реальными историческими именами Рамзеса XII и Херихора. Конфликт в романе между Рамзесом и Херихором, закончившийся гибелью молодого фараона, — это вопрос, какими путями египетское государство могло преодолеть свое безнадежное положение. Рамзес не мог выиграть (и в этом мы видим глубоко исторический подход писателя к проблеме), не мог спасти государство от грозящего ему упадка: слишком сильна и умна была каста жрецов, распоряжающаяся огромными капиталами и умеющая использовать в своих интересах народные массы. Однако, по мнению польского литературоведа Янины Кульчицкой-Салони⁴, Прус хотел избежать пессимистического конца и в последнем разделе дал информацию о том, что делалось в Египте после смерти Рамзеса. Власть в государстве получил Херихор, но он уже не мог проводить прежней политики. В целом в романе «Фараон» Прус представил яркую и образную картину исторических судеб египетского народа и значительно превзошел своих предшественников глубиной обобщения социальной жизни общества и законов его развития. Это дало основание некоторым критикам назвать роман Пруса историко-философским.

Конечно, перенесение на экран такого сложного философского произведения, хотя оно, как упоминалось, соответствовало режиссерскому замыслу, оказалось весьма трудным. Спустя три года после постановки «Фараона», будучи в Москве, в интервью «Литературной газете»⁵ Кавалерович сказал: «Роман Пруса, роман XIX в., столь крепко задуман, что я не мог расшатать его до конца, и трудности с драматургией, сюжетом, так и не удалось преодолеть».

В фильме представлена чисто политическая игра: ни за одним из антагонистов не стоят убеждающие идеологические доводы; прав Рамзес, так как хочет создать мощное, основанное на сильной армии государство, правы жрецы, которые хотят обеспечить мир договорами, хотят использо-

² Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 2. М., 1935, стр. 254.

³ В. И. Авдиев. Предисловие к кн. Б. Прус. Фараон. М., 1938.

⁴ J. Kulczuska-Saloni. Bolesław Prus. Warszawa, 1968.

⁵ «Литературная газета», 1968, 14 июля.

вать этот мир для укрепления государства (хотя в этом фильм несколько противоречит роману). Кавалерович заканчивает фильм смертью Рамзеса, не показав дальнейших действий Херихора, т. е. фактически опустив конец романа. И это, видимо, было основной ошибкой режиссера, лишившей фильм той глубины и историчности, которая была присуща роману Пруса. Смерть Рамзеса не является ни фактическим концом романа, ни концом, связанным с логикой развития самого действия, с замыслом писателя, для которого главным были не приключения Рамзеса, а стоящее за ним государство, драма общества, раздираемого противоречиями, наконец «драма власти», «извечный механизм ее». Таким образом, то, что в фильме опущены события, связанные с дальнейшим правлением Херихора, в значительной степени обеднило фильм.

Одновременно в фильме не представлена проблема управления государством, которая (согласно роману) перед молодым наследником встает с самого начала его самостоятельных шагов. Оставлена только борьба за власть. Рамзес, став фараоном, гибнет не потому, что Херихор хотел отнять у него власть или завидовал ему, а прежде всего потому, что он сам не умел управлять, не знал механизмов власти, а мудрый и хитрый жрец воспользовался этим. Рамзес не оценил значения затмения солнца. Херихор очень ловко использовал его. Может быть, надо было представить эту проблему другими средствами, чем у Пруса, но представить обязательно, ибо решение этой проблемы и было огромным достижением Пруса, писателя, историка, мыслителя и философа, который из народной трагедии умел сделать зрелые, далеко идущие выводы.

Выше уже упоминалось стремление режиссера поставить большой зрелищный фильм иначе, чем это делалось до сих пор, т. е. создать историческое зрелище совершенно иного типа, чем, например, «Клеопатра», «Аида» и т. д. Действительно, зрелищная сторона «Фараона» решительно противопоставлена традиции исторических зрелищ, применяющих дешевые сенсационные эффекты и мелодрамы. В фильме «Фараон» нет эффектных поединков, наивной баталистики, гонок. Это не значит, что фильм отрекся от яркой образности и даже экзотики. Зрелищная сторона «Фараона» отличается исключительной изысканностью и утонченностью. Для героев фильма характерна торжественность движений, жестов, иерархичность и декоративная неподвижность, даже церемониальность массовых сцен. Фильм отличается красотой и точностью декорации в сочетании с неподвижно изваянным миром, представленным как бы в одном измерении. Это скорее фильм созерцательный, чем зрелищный, в нем не ощущается никакой подделки под современное воображение. Остается только сопереживание. Ярким примером может быть сцена, когда зритель впервые должен увидеть отца молодого наследника — Рамзеса XII. Режиссер старается создать атмосферу величественности. Он вводит в действие целый ряд атрибутов. В кадр попадают массивные, отделанные золотом двери, кажется — нет никого живого; откуда-то сверху хор поет гимн в честь фараона. Торжественно и грозно звучат слова гимна. И только создав всю эту атмосферу, подготовив зрителя, режиссер показывает старого фараона, восприятие образа которого уже подготовлено.

В то же время для фильма скорее характерна скупость изобразительных средств, чем их излишество. Многие сцены выдержаны в пастельных красках, причем цвет начинает играть большую роль в драматургии фильма. В прекрасных, утонченных картинах, в замечательных, полных экспрессии сценах обрядов, в образах архитектуры и людей воссоздан какой-то отзвук закоснения и старости цивилизации истощенного и исчерпанного государства, которое атакует пустыня. Ее пески повсюду. Эту патину редко прерывает какой-либо интенсивно окрашенный акцент, всегда не

сущий драматическую функцию: например, зеленым цветом орнаментирована поездка влюбленных Рамзеса и Сары, кроваво-красный цвет использован в кадрах смерти Рамзеса. Не случайно отсутствует музыкальная иллюстрация. Современные инструменты и звуки могли бы прозвучать фальшиво в тоне всего произведения.

Сценарий и документация фильма были основаны, по совету польского египтолога К. Михальского и группы специалистов, на периоде эпохи Нового царства, XVIII—XX династии, как наиболее интересного в истории искусства Египта.

Сценарист Т. Конвицкий использовал в фильме действительные гробницы фараонов из Долины царей, даже букет сухих полевых цветов, которые, по версиям египтологов, супруга фараона Тутанхамона Нефертити положила на его гроб (букет использован в сцене оргии).

Фильм Кавалеровича ярко иллюстрирует позицию режиссера, состоящую в том, что зритель сам должен мыслить вместе с актером. Он — третий или четвертый участник разговора, актеры к нему постоянно обращаются. В фильме много диалогов, обращенных непосредственно в камеру, что сделано совершенно сознательно (в этом проявился метод ассоциаций, столь характерный для Кавалеровича).

В интервью журналу «Фильм» на вопрос, что особенно занимало режиссера во время съемок, Кавалерович ответил: «субъективизация рассказа. Но речь идет не об использовании субъективной камеры, а о таком способе рассказа, который заставлял бы зрителя принимать участие во всех мыслительных процессах, который втягивал бы его в круг затрагиваемых в фильме вопросов, когда зритель становится 2-м, 3-м, 4-м участником разыгрываемой сцены»⁶.

Фильм «Фараон» был одной из первых крупных польских послевоенных экранизаций, представивших миру роман польского писателя, основанный не на польской тематике, а на тематике, известной любому культурному зрителю, посвященный не собственно польским проблемам, не специфике польской истории, а общим проблемам государства, власти, политической игры, вопросу роли человека в истории.

Значительным вкладом в фонд послевоенных экранизаций классической литературы явился фильм по другому широко известному роману Болеслава Пруса «Кукла».

Войцех Хас относится к той группе режиссеров польского кино, которые представили его миру, которые сделали фильмы, нашедшие отклик среди многих, и не раз вызывавшие оживленные дискуссии. Уже это говорит, что перед нами художник сложный и многогранный.

Хас — признанный мастер польского кино, режиссер исключительно разносторонний и требовательный к себе. Его фильмы — экранизации (а таких большинство) привлекают логической последовательностью развития драматической интриги, напряженностью ситуаций, пристальным вниманием к образу. При этом игра актера и музыкальная иллюстрация не остаются внешними, как бы дополнительными атрибутами фильма. Даже сама композиционная система кадров, последовательность снимаемых предметов, движения камеры, ритм монтажа также получают способность выражения. Режиссер становится в какой-то мере и художником и писателем. Ему недостаточно сфотографировать какой-нибудь план. Он хочет сделать его по деталям и описать киносредствами.

⁶ «Film», 1966, № 11/13.

Писатели, с которыми сотрудничал Хас, создавая свои фильмы-экранизации, очень разные по стилю. Режиссер максимально заботится о соответствии фильма литературному произведению, конденсирует материал с большим тактом. Но созданные им фильмы далеки от духа литературных произведений. Располагая достаточно богатыми средствами выражения, чтобы сохранить наиболее существенное для писателя содержание, режиссер незаметно вкладывает в фильм свое собственное содержание, свое видение мира. Героям фильма Хаса живется, как правило, трудно, они всегда наталкиваются на препятствия, задерживающие и отдаляющие от них цель, которую чаще всего невозможно достигнуть. Мы наблюдаем здесь последовательность в выборе образов, или скорее, последовательность в их портретировании, хотя авторы, которых он экранизирует, предлагают ему разных героев. Режиссер, однако, находит всегда способ подчинить их своему видению. В этом смысле экранизация романа Пруса очень характерна для Хаса. Правда, на этот раз перед режиссером впервые встала задача экранизировать классика. И, как всякий экранизатор, он оказался связанным отношением читателя к роману «Кукла», его привязанностью к тексту и желанием зрителя увидеть на экране некое «киноподобие» книги.

В «Кукле» как бы столкнулись два условия экранизации, оба одинаково сложные и важные: первое — максимальная близость к тексту, проникновение в текст, но не механическое (не монтаж с сохранением внешней последовательности), а диалектическое внутреннее сбирание материала и подчинение его идее оригинала, и второе — концентрация материала вокруг героев, участвующих в развитии драматического конфликта. Эти условия важны не только для построения всего фильма, но и для создания отдельных его эпизодов. Однако эти условия выполнены не полностью, и, может быть, в «Кукле», как ни в одном другом фильме Хаса, сказалось давление индивидуальности режиссера, которое хотя и придало определенный блеск фильму, но сузило широкую картину жизни польского общества, представленную в романе Пруса. Прусу удалась редкая вещь: он наделил своих героев характерными чертами, которые до сих пор присущи польскому национальному характеру. Эти черты особенно заметны в сфере психологии, в области, составляющей понятие национального темперамента и определенной романтической настроенности, которую очень верно определил французский критик Жюль де Готье термином «боваризм», исходя из флюберовского образа романа «Мадам Бовари».

О том, насколько жизненно это определение, свидетельствует хотя бы тот факт, что не так давно в польской газете «Культура»⁷ появилась статья Януша Вильгельми под названием «Эмма — это мы», в которой говорится о продолжающемся влиянии Флобера на современного поляка. Таким же боваризмом был затронут Вокульский — главный герой романа Пруса «Кукла», возможно, это повлияло и на прием, которым был встречен фильм у польской общественности.

Роман «Кукла» признан ныне польской критикой современным реалистическим произведением, но во время его публикации казался совершенно новым, необычным явлением. Для современников Пруса прежде всего была полной неожиданностью структура романа, нарушение последовательной хронологической системы, которая считалась основным принципом построения реалистического романа. И многие не могли понять ту новую систему построения действия во времени, которую применил Прус и которая стала более характерна для нашего времени с учетом влияния форм кинематографического построения сюжета. В то время, после эпи-

⁷ «Kultura», 1 III 1970.

ческого спокойствия и классических форм исторического романа Сенкевича, несколько беспорядочное неравновесие чувств и как бы нервное построение романа Пруса было новостью.

В романе «Кукла» представлена полная картина жизни польского общества во второй половине XIX в., которая для нас может быть свидетельством, имеющим значительную историческую ценность.

Темой романа «Кукла» является крах двух идеологий — романтической и позитивистской, показанный на фоне исторических перемен, заката эпохи национально-освободительного движения и победы капиталистических отношений. Так пишет в своей работе о Прусе современный польский литературовед Генрик Маркевич⁸.

Режиссер концентрирует главную проблематику произведения почти исключительно вокруг Вокульского, чем несколько деформирует идейную концепцию произведения, автор которого писал, что «он хотел представить три типа польских идеалистов (романтиков) на фоне общественного разложения. Из них — Жецкий — идеалист политический, Охоцкий — научный, а Вокульский — очень сложный, как человек переходной эпохи».

Крах романтической идеологии в романе представлен прежде всего на страницах «Записок старого приказчика» (т. е. Игнация Жецкого). В них — идеология повстанческой борьбы, демократических свобод, солидарности людей в борьбе за свободу. Образ Жецкого, упорно придерживающегося своих фантазий и иллюзий, обрисован в несколько лирическом и грустном плане, как история человека, ставшего анахронизмом для своего времени.

В фильме Хаса образ Жецкого в исполнении Т. Фиевского — актера исключительно тонкого и лирического плана — обрисован довольно широко. Но он не представляет, в связи с исключением ретроспективных эпизодов «Записок», поколения, служившего романтическим идеалам. Его образ — в основном фон для Вокульского.

Хас сделал осью фильма сюжетную линию Вокульского — Изабеллы. Этот выбор позволил исключить одни ситуации и образы и использовать другие. Разговор Вокульского с Жецким после возвращения Вокульского из ссылки, визит Изабеллы в магазин, покупка лошадей, вопрос покупки дома — все эти эпизоды составляют одно логическое целое, хотя здесь и исключено много промежуточных «звеньев» сюжета.

В фильме Вокульский больше, чем в романе, является ведущим образом. Он — центр богатой панорамы, представленной со вкусом и размахом, что тем не менее, как уже упоминалось, несколько изменило концепцию произведения Пруса, задуманного вначале как история трех поколений романтиков. В фильме представлено в основном второе поколение — Вокульского. Если в романе Вокульский — человек разума и сердца, а его трагизм вытекает из параллельного существования в нем рассудочности и безрассудства, силы и слабости, позитивистской трезвости и романтического идеализма, человек внешне холодный, но с кипящими чувствами внутри, с разладом в душе, то Вокульский в фильме — это человек дела и энергии, который проигрывает. Это — романтик, по изображению более близкий героям Мицкевича и Словацкого, который посвятил себя идеальной любви, но остался непонятым и вынужден был уйти со сцены.

Изабелла Ленцкая показана так, как ее может видеть и видит Вокульский. Эта концепция оказалась интересной. Более того, режиссер предоставил актрисе (Беате Тышкевич), исполняющей роль Изабеллы, большую самостоятельность в интерпретации. Образ получился привлека-

⁸ H. Markiewicz. «Lalka» Bolesława Prusa. Warszawa, 1966.

тельным, но не совсем соответствующим роману. Беата Тышкевич своей трактовкой образа оправдывала Изабеллу, что придало этому образу черты, которых мы не находим в романе.

В целом, однако, следует отметить очень удачный подбор актеров, прежде всего на исполнение трех главных ролей. Полная внутреннего достоинства игра М. Дмоховского (Вокульский), мягкая и лирическая трактовка Фиевского (Жецкий) и, наконец, тонкая, изящная и красочная палитра Б. Тышкевич оставляют привлекательное и яркое впечатление о фильме.

«Кукла», как уже говорилось, фильм, глубоко подчиненный индивидуальности режиссера. Из этого следуют как достоинства, так и недостатки фильма. С одной стороны, драматургическая концепция, организующая отдельные элементы в целое, как бы подчиненное одному мотиву, — это контраст между Варшавой Краковского предместья и убогими лагунами Повисля, где, по свидетельству критика и художника того времени Станислава Виткевича, живет «дикое, съедаемое вшами и болезнями население». Мотив закоулков, спускающихся к Висле, вырастает в фильме до символа, в котором звучит подтекст «общественного разложения», а также существенная предпосылка драмы героя. С другой стороны, хотя выбор такого контраста представляется с идейной и драматической стороны правильным, ограничить им точные наблюдения, которыми изобилует произведение Пруса в характеристике варшавского общества, — значит неоправдано сузить замысел Пруса. Широта прусовского образа в романе — это драма человека, энергия, воля, мечты которого не соответствуют реалистическим возможностям, какими располагала общественная действительность.

В фильме уделено основное внимание зрелищной стороне, форме передачи, авторскому характеру высказывания, однако, экранизируемому произведению авторский характер несколько не соответствует. Камерность творческой манеры Хаса достигает своей цели и получает необходимое ей звучание там, где она сопровождается иронией, стилизацией, юмором. В фильме «Кукла» таких моментов немного или они появляются там, где наименее существенны, но не вплетаются органически в основную ткань произведения, как это было, например, в фильме того же Хаса «Рукопись, найденная в Сарагоссе».

Применить камерное содержание к форме зрелища было так же трудно, как и решить проблему: что оставить и что исключить из романа. Конструкционный остов фильма — сюжетная линия Вокульского — Изабеллы — единственно правильный и возможный выбор, но при исключении всех побочных линий (как это произошло в фильме) во многом утрачено прусовское богатство материала, сюжетные линии барона Кшеповского и Эвелины не переплетаются в фильме с основной сюжетной линией, что повлекло за собой значительное обеднение образа Старского, совсем не упомянуты Ставская и «процесс о кукле», давший, согласно Прусу, название роману.

Однако в целом фильм воспринимается как произведение большого искусства. Можно сказать, что Хас, так же как Кавалерович, дописал новый раздел знаний о Прусе, одновременно внося значительный вклад в сокровищницу современных экранизаций классической литературы.

Современный польский критик Стефан Мельковский в статье «Пример Болеслава Пруса»⁹, опубликованной в польской газете «Культура», пишет, что «одним из наиболее крупных достижений 25-летия ПНР является наличие национальной литературной традиции в современной польской культуре». В великом деле популяризации классики, доведения до масс национальной литературной традиции, польское кино, играет важнейшую роль.

⁹ St. M e l k o w s k i. Przykład Bolesława Prusa. «Kultura», 1/6 XI 1969.

ДЕПРЕВЕРБАЦИЯ И СЕМАНТИКА ПРИСТАВКИ

В языках с ясно выраженной морфемной структурой слова часто встречается явление, которое можно назвать семантической переоценкой морфем.

Польск. *bajka* 'сказка' этимологически является результатом конкретизации семантики отвлеченного имени действия (*bajati* → *bajka*) — процесс, широко распространенный в различных языках¹. Таким образом, суффикс *-k (a)*, выступающий в основе этого существительного, включает его в ряд имен действия (ср. *orka* 'пахота' рядом с *orać* 'пахать'). Результат обратной деривации *bajka* → *baja* ('сказка' с пометой «грубо») свидетельствует о том, что суффикс был переоценен как суффикс субъективной оценки².

В русских говорах Горьковской области встречается *падчерик* 'пасыпок'. Этого слова нет в материалах, собранных Р. М. Цейтлин³, и в нем нужно видеть относительное новообразование. Само возникновение этой формы путем смены суффиксов *падчерица* → *падчерик* не было бы возможно без семантической переоценки морфем исходного слова.

Факты такого рода достаточно широко представлены в литературе. Их объясняют обычно как результат изменения структурно-семантических связей соответствующего слова, т. е. как отражение процесса и с т о р и ч е с к о г о : в более раннюю эпоху морфема характеризовалась одним значением, позднее она приобрела другое значение. Однако благодаря множественности структурно-семантических связей, в которые слово вступает в определенную эпоху существования языка, одна и та же морфема с и н х р о н и о может наполняться различной семантикой.

Неологизм К. Чуковского *канцелярит* образован с использованием суффикса, отвлеченного от наименований болезней: *плеврит*, *трахеит*, *ларингит* и др.⁴. Хотя это новообразование не вошло в лексику общенародного языка, оно используется окказионально и другими авторами, причем в следующем примере, судя по контексту, суффикс *-ит* переоценен в качестве суффикса минерала (ср. *александрит*, *тitanит*, *кальцит* и др.): «Своеобразие книге придают и богатейшие на ее страницах залежи канцеля-

¹ М. М. Покровский. Семаспологиические исследования в области древних языков. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

² Mały słownik języka polskiego. Warszawa, 1968; S. S z o b e r. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1957, s. 128.

³ Р. М. Цейтлин. Об основных значениях приименной приставки *na-* в славянских языках. «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР, IX. М., 1954.

⁴ Книга К. Чуковского «Живой как жизнь», в которой это слово использовано неоднократно, насыщена фразеологией, связанной с понятиями болезни, недуга и др. См. К. Ч у к о в с к и й. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3, М., 1966, стр. 56 и след., 118, 173 и след. и др.

рита (термин К. И. Чуковского)». (В. Назаренко. Лит. газета, 1965) (К) ⁵.

Такая «синхронная переоценка» семантики суффикса вполне понятна хотя бы потому, что *канцелярит* — слово, не ставшее узуальным. Гораздо важнее переоценка, которую часто можно наблюдать, рассматривая процессы так называемой депревербации в славянских языках.

*

Термин «депревербация» получил в последнее время широкое распространение в работах, посвященных славянскому глагольному виду. Само понятие вошло в обиход главным образом благодаря большой статье А. Вайана, опубликованной еще в 1946 г. ⁶. Имея в виду различные влияния приставочного глагола на соответствующий бесприставочный, А. Вайан пишет: «Депревербация меняет смысл простого глагола..., она может преобразовать его форму, а также привести к созданию нового простого глагола»⁷. Таким образом, понятие депревербации у А. Вайана шире понятия депрефиксации. Если вопреки А. Брюкнеру принять для польск. *baczyć* 'наблюдать, примечать', ту этимологию, о которой пишет А. Вайан (*oko* → *ob-aczyć* → *o-baczyć* → *baczyć*)⁸, здесь мы будем иметь дело с настоящей депрефиксацией. Наоборот, в русск. *бить* 'убивать (дичь, скотину)' отражено семантическое влияние приставочного *убить* на простой глагол. Поскольку депревербация будет интересовать нас в дальнейшем исключительно как процесс, в котором проявляется семантика приставки, нам также нет необходимости резко противопоставлять собственно депрефиксацию депревербации в таком широком смысле. Ведь семантический сдвиг, происходящий в простом глаголе под влиянием приставочного, является не следствием внутрисловного семантического развития, а результатом переоценки значения простого глагола на фоне семантики глагола приставочного: простой глагол начинает отличаться в своем значении от приставочного только таким семантическим компонентом, который может ассоциироваться с префиксальной морфемой. Именно поэтому семантика приставки проявляется в любой разновидности депревербации.

А. Вайан отмечал, что депревербация специфична для славянских языков, приведя лишь относительно небольшое количество иллюстраций из языков германских и романских ⁹. Объясняется это тем, что депреверба-

⁵ Здесь и дальше пометой (К) обозначены примеры, взятые из Картотеки новых слов Института языкознания АН СССР (Ленинградское отделение).

⁶ A. Vaillant. La dépréverbation. «Revue des études slaves», XXII, 1946. Ср. и анализ относящихся к депревербации явлений и в более поздних работах того же автора: Notes étymologiques. «Славянская филология», I, М., 1958; Quelques faits de dépréverbation. «Studia linguistica in honorem T. Lehr-Splawiński» [1963]; Français *bonde*. «Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani». București, 1965.

⁷ A. Vaillant. La dépréverbation, p. 6.

⁸ Ср. то же: F. Słowski. Słownik etymologiczny języka polskiego, zesz. I. Kraków, 1952; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I, М., 1964.

⁹ В романской лингвистической литературе, например, часто подчеркивается, что вообще устранение префикса во французском языке — явление редкое (см., в частности: J. Pohl. Contribution à l'histoire de quelques mots. «Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen», Bd. 105, N. 5, 1969, p. 371. Действительно, в специальной статье, посвященной регрессивной деривации во французском языке, Н. Данила приводит лишь один пример глагольной депрефиксации — диалектн. *pouiller* ← *dépouiller*, который за пятьдесят лет до этого, также в качестве единственного примера такого рода, использовал Кр. Нироп (N. Dănilă. Observations sur la dérivation régressive dans la langue française. «Revue de linguistique», IV, 1959, № 1, p. 97; Kr. Nyrop. Grammaire historique de la langue française, 3. Copenhagen, 1908, p. 243. На материале испанского языка Н. Д. Арутюнова тоже приводит очень небольшое количество подобных образований: *enjalbehar* → *jalbehar*, *recobrar* → *cobrar* и др. (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 113).

ция тесно связана со славянским глагольным видом. Почти все случаи депревербации, рассмотренные в литературе (в том числе и предположения о депревербации, выдвинутые в этимологических словарях славянских языков), создают бесприставочный видовой коррелят к исходному приставочному глаголу.

С другой стороны, депревербация в славянских языках не всегда может объясняться стремлением создать форму противоположного вида. А. Вайан, ссылаясь на «Материалы» И. И. Срезневского, приводит др.-русск. *нѣти* 'взять', не отличающееся видовой характеристикой от исходных приставочных форм. М. Докулил в качестве примеров депревербации приводит чешск. *sláti* и *siláti* 'посылать'¹⁰. На наш взгляд, депревербация для *sláti* сомнительна. По В. Махеку, этот глагол существовал в старочешском языке и сохранился сейчас в лянских диалектах и словацком, а в литературном чешском языке он замкнут областью поэтической, устаревшей лексики¹¹. Поэтому чешск. поэт. *sláti* может быть связано генетически со старочешской формой. Напротив, *siláti* представляет бесспорный факт депревербации, но поскольку глагол этот, как и исходная приставочная форма *posiláti*, характеризуется несовершенным видом, побудительным мотивом депревербации не могло быть стремление образовать видовой коррелят.

В этимологическом словаре В. Махека приведено чешск. *nikati* как философский термин, представляющий собой семантическое обобщение антонимичных значений *zanikati* 'исчезать' и *vznikati* 'возникать' (действие «на одном конце которого находится возникновение, а на противоположном — исчезновение»). И здесь нет образования противоположной видовой формы: все три глагола — *zanikati*, *vznikati* и *nikati* — являются имперфективными. Префиксы *za-* и *vz-* устранены как элементы, выражающие лексическое значение¹².

Словацк. *hulit' sa* 'хмуриться (о погоде)', по В. Махеку, представляет результат депревербации *vyhúlit sa* 'проясниться'. И здесь приставка устранена как выразитель реального значения «окончания и прекращения действия» (ср. различия лексических значений в парах *vyhrmiet' sa* с отгнать (о громах) — *hrmiet'* 'греть', *vypřsat' sa* 'пролиться (о дожде)' — *prřsat'* 'идти (о дожде)'¹³, а замена видовой характеристики выглядит как следствие устранения префикса при основе соответствующей структуры.

В связи с подобными фактами некоторые образования, объясняемые этимологами как результат депревербации, допускают двойное предположение исходной формы. Чешск. *haliti* 'закрывать, прятать', по В. Махеку, явное новообразование: оно не зафиксировано еще в словаре Юнгмана (30-е годы XIX в.). В. Махек рассматривает это слово как депревербацию *rozhaliti* 'раскрыть'. Таким образом, предполагается путь, при котором устранение префикса привело к устранению определенного компонента лексического значения, имело целью создание антонима, а изменение видо-

¹⁰ М. Д о к у л и л. Tvoření slov v čestině, I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, s. 52.

¹¹ В. М а с х е к. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; Ср. также пометы в «Slovník spisovného jazyka českého», III. Praha, 1966 (далее—SSJC).

¹² Хотя термин *nikati* носит печать искусственности, любопытно отметить, что в его создании отражен принцип семантической оценки связанной производящей основы, о котором писал в свое время Г. О. Винокур применительно к русским антонимичным глаголам *обуть* — *разуть*: «... Значение основы *-у-* можно было бы определить так: „Совершить действие, в результате которого ноги будут снабжены одеждой или лишены ее“ (Г. О. В и н о к у р. Заметки по русскому словообразованию. В сб. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 436). Если учесть периферийное для литературного языка положение глагола *niknouti* (о нем см. ниже), можно утверждать, что производящая основа в паре *zanikati* — *vznikati* перерастает в связанную.

¹³ «Slovník slovenského jazyka», V. Bratislava, 1965.

вой характеристики является лишь побочным следствием депревербации. Однако вполне закономерно и другое предположение: префикс был устранен для создания видовой корреляты. В этом случае исходную форму можно видеть в *zahaliti* 'закрыть, спрятать'.

И все-таки случаи депревербации, сопровождающиеся образованием новой лексической единицы, не должны заслонить бесспорного факта, что депревербация в славянских языках чаще всего вызывается стремлением создать лишь видовой коррелят к соответствующему приставочному глаголу. Связь депревербации с видом настолько бесспорна, что возникла теория, объясняющая депревербацией происхождение целых типов видových корреляций¹⁴. Для нас сейчас особенно важно, что при такой депревербации приставка функционирует как чистовидовая.

Понятие чистовидовой приставки хорошо известно в славянской аспектологии. Для исследований по славянскому глагольному виду типично, например, такое рассуждение, приведенное в одной из новейших работ: «... Чистовидовая функция приставки связана с утратой или по крайней мере значительным ослаблением лексического (реального) значения приставки, с ее десемантизацией. Иными словами, десемантизация приставки — это обязательная и необходимая предпосылка ее функционального перевоплощения: с утратой лексической „индивидуальности“ приставки ослабляется ее роль как словообразовательного аффикса и на передний план выступает ее грамматическая функция»¹⁵.

Поэтому депревербацию как процесс создания противоположной видовой формы связывают обычно с предварительным «поблещением» лексического значения приставки. Так, И. Немец отмечает особую приспособленность старых префиксальных основ на *-po-* к видовой депревербации, в частности, потому, что префиксы в этих глаголах характеризовались «ослабленным» лексическим значением¹⁶. И. Немец ссылается также на выводы К. Регнелля, объяснявшего происхождение группы русских бесприставочных глаголов несовершенного вида типа *гаснуть*, *обхнуть* депревербацией, связанной с опустошенностью лексического значения приставки, и добавляет, что такой же процесс возможен и для приставки плеонастической (*pri-lyňoti k čemu* → *lyňoti k čemu*)¹⁷.

Не возражая против такой трактовки в целом, нужно подчеркнуть, что видовая депревербация не всегда свидетельствует о выветривании лексического значения в приставке. М. Докулил предполагает депревербацию в чешск. *niknouti* 'исчезать' (← *zaniknouti* 'исчезнуть')¹⁸, но не обосновывает свое предположение ссылкой на какой-либо источник. Депревербация здесь может быть достаточно древней, имевшей место не на чешской почве, поскольку в других славянских языках есть соответствия. Нам представляется более интересной другая форма — *niknouti* со значением 'возникать'¹⁹. В таком значении этот глагол не выводим из *niknouti* 'исчезать', но хорошо

¹⁴ I. Němec. Genese slovanského systému vidového. «Rozpravy Československé Akademie věd», ročn. 68, seš. 7, 1958, s. 81 и след.; е г о ж е. Vznik a vývoj vidu v souvislosti s vývojem tvoření slovesných kmenů. «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1958, s. 139 и след.; I. M a r v a n, E. M i c h á l e k, I. N ě m e c. Základní procesy v lexikálním vývoji českého jazyka. «Československé přednášky pro V. Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1963, s. 109. См. также оценку Ю. С. Маслова в кн. Вопросы глагольного вида. М., 1962, стр. 22.

¹⁵ J. H. С м и р н о в. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., 1970, стр. 72.

¹⁶ I. Němec. Vznik a vývoj..., s. 141; ср. сходные замечания в работе: I. Němec. Genese slovanského..., s. 82 и след.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ M. D o k u l i l. Tvoření slov..., I, s. 52.

¹⁹ SSJC дает это значение с пометами «устаревшее, книжное» и иллюстрацией из Голечка (Holeček): *tušení v něm líkne* («в нем зарождается предчувствие»).

объясняется как депревербация чешск. *vzniknouti* 'возникнуть', с устранением приставки как чистовидовой. Между тем, вряд ли справедливо утверждение, что устраненный префикс не имеет отношения к лексической семантике исходного глагола: SSJC включает *vzniknouti* в ряд глаголов со значением возникновения действия — *vzejít, vzkvétat*.

Уже этот пример позволяет предположить, что депревербация, имеющая целью создание видového коррелята, не обязательно затрагивает приставки, которые могут быть оценены как чистовидовые. Чтобы иметь возможность наблюдать совместимость видовой депревербации с наличием в приставке определенного лексического значения, необходимо обратиться к примерам, условия появления которых более ясны, т. е. к депревербации в современных славянских языках. А. Вайан совершенно прав, когда пишет: «Депревербация, очевидная в момент своего осуществления, может очень быстро затемняться: остается семантическое изменение, причины которого уже не различимы»²⁰.

Рассмотрим некоторые факты современного русского языка.

*

Если возникновение необычной синтаксической сочетаемости выступает как симптом семантического сдвига²¹, депревербация часто проявляется в окказиональном управлении простых глаголов, совпадающем с обычным управлением глаголов приставочных.

1. *хлопотать* (перех.): «Антон долго не раздумывал, начал *хлопотать* визы. И вот еще сравнительно молодой папаша из Клайпеды... с женой и детьми едет в Западную Германию». («Известия», 1966.)

В толковых словарях современного литературного языка глагол *хлопотать* приведен в различных значениях. Его управление разнообразно, но нигде он не помечен как переходный. Окказиональная переходность является здесь результатом депревербации *выхлопотать* → *хлопотать*. Ср. типичную лексическую сочетаемость глагола *выхлопотать* с вин. пад. существительного, обозначающего документ: *выхлопотать паспорт, разрешение, визу*.

2. *будить* к: «Надо *будить* автора дипломного сочинения к тому, чтобы он сам это сделал» (из устной речи).

Хотя все толковые словари отмечают переносное значение глагола *будить* ('призывать', 'пробуждать к деятельности'), это значение никогда не реализуется с таким управлением. Предлог *к* с дат. пад. или дополнение в виде инфинитива типичны для *побудить/побуждать*. Приведенное окказиональное управление глагола *будить* объясняется влиянием приставочного глагола, т. е. депревербацией.

3. *хладеть* к: «[Печорин] похищает Бэлу, настойчиво добивается ее любви, но затем *хладет* к ней» (из школьного сочинения).

Судя по данным толковых словарей, в современном литературном языке существуют довольно четкие семантико-стилистические отношения между глаголами *холодеть* — *хладеть* — *охладевать/охладеть*. Для прямого значения ('становиться холодным, остывать') глагол *холодеть* является нейтральным, а глаголы с неполногласием — устаревшими и поэтическими. Для переносного значения 'становиться бесстрастным, утрачивать силу чувств', которое как раз и требует соответствующего предложного управления, нейтральными оказываются *холодеть* и *охладевать/охладеть*. Поскольку «Словарь русского языка» С. И. Ожегова вообще не приводит

²⁰ A. Vaillant. La déprévervation, p. 32.

²¹ M. Dokulil. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen. «Travaux linguistiques de Prague», 3, 1968.

этого переносного значения при бесприставочном глаголе с полногласием, можно предположить, что употребление последнего в таком значении менее характерно, чем употребление *охлаждать/охладеть*, приведенное всеми словарями без исключения. Зато глагол *хладеть* в этом переносном значении всеми толковыми словарями современного языка (за исключением словаря С. И. Ожегова, где его нет совсем), квалифицируется как устаревший и устаревший поэтический.

Более широкий контекст, из которого взята приведенная выше цитата, показывает, что школьник не мог употребить устаревшее поэтическое слово с определенным стилистическим заданием. Скорее всего и здесь перед нами депревербация *охладеть* → *хладеть*.

4. *жесточиться против*: «И у Калетникова складывалось свое спокойное убеждение, что люди есть люди: не вечно же им *жесточиться против* него. (В. Цыбин, «Москва», 1967, № 12.) (К).

Ни *жесточить*, ни *жесточиться* в толковых словарях современного литературного языка нет, но *жесточить* в соотносительном значении отмечено у Даля. Приведенное образование может быть залоговой формой этого редкого глагола, оно может быть результатом конверсии от *жестокый*²². Таким образом, не обязательно предполагать здесь депрефиксацию широко распространенного *ожесточиться*. Однако в редком для глаголов управления бесспорно проявляется депревербация (ср. типичную сочетаемость *ожесточиться против...*). Прилагательное *жестокый* и приведенный Далем глагол *жесточить* такого управления не имеют.

Депревербация наиболее ярко проявляется в случае возникновения нового глагола. По нашему мнению, приведенные ниже примеры — результат настоящей депрефиксации.

5. *землиться*: «А мы летим на пургу. Мы последние, кого еще примет ночной Омск, остальные „борты“, как называются идущие по своим эшелонам корабли, будут *землиться* на запасные бетонки». (Ю. Скоп, «Юность», 1968, № 6)

Предположить здесь конверсию *земля* → *землиться* невозможно²³. Единственно правдоподобное объяснение — депревербация *приземлиться* → *землиться*. Поскольку сам глагол *приземлиться* впервые зафиксирован с пометами «спортивное» и «авиационное» только в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, приведенная форма не может не быть новообразованием.

6. *губить*: «И несет Никанор квартиру самогона, а для убедительности, что не отравит, лично пригубливает. Однако держит в себе место, чтоб *губить* также с печником, иначе обидится тот». (В. Фоменко, «Новый мир», 1970, № 12.)

И в данном случае предположить конверсию *губа* → *губить* невозможно по тем же соображениям, которые приведены для *землиться*. Депревербация *пригубить* → *губить* не вызывает сомнений.

7. *базарить*: «[Самолет] уже ждал их. Винты крутились. Открылась дверца, высунулся Трешкин... и заорал на приехавших: — Чего мешкаете, из-за вас *базарим* горячее!». (Г. Проценко, «Юность», 1969, № 3).

²² Конверсию мы понимаем в широком смысле — так, как она изложена, например, в упомянутой статье М. Докудила «Zur Frage...». В основных своих чертах это понимание идет от А. И. Смирницкого.

²³ Среди семи типов семантических отношений производных глаголов на *-ить* к производящим именам нет такого, которым можно было бы объяснить образование *земля* → *землиться*. См. Р. В. Бахтуряна. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-θ/-и-(ть)*. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 74 и след.

Толковые словари современного литературного языка, словарь Даля и «Словарь русских народных говоров» Ф. П. Филина приводят *базарить* в значениях, так или иначе мотивированных семантикой слова *базар*. Таким образом, диалектное влияние исключено, а конверсия *базар* 'торг' или 'крик, шум' → *базарить* 'бессмысленно тратить' невероятна²⁴.

В академических словарях 1806 и 1847 г. *базарить*, в частности, приведено и со значением 'бессмысленно тратить', но впоследствии это значение ушло из литературного языка²⁵. Наш пример свидетельствует о воссоздании исчезнувшей формы путем депревербации глагола *разбазарить*.

8. *кулачить*: « — А тебя, часом, не раскулачили, Иван Петрович? — вдруг тихо спросил гость. — Чего меня *кулачить*? — вздохнул лесник.... Невыгодно им меня *кулачить*». (Б. Васильев, «Юность», 1969, № 8.)

Семантическое преобразование *кулачить* 'заниматься кулачеством' → *кулачить* 'лишать кулаков средств производства' предположить невозможно, как невозможно допустить и конверсию. На наш взгляд, и здесь бесспорна депревербация *раскулачить* → *кулачить*. Форма должна быть относительно новой: *раскулачить* впервые приведено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

9. *кавычить*: «Как похож он, наш Лукич, На истертую цитату — Хоть *кавычь*, хоть *раскавычь*!». (С. Васильев.) (К).

Допустить здесь депревербацию *закавычить* → *кавычить* естественнее, чем десуффиксацию или конверсию с усечением *кавычки* → *кавычить*. Исходная форма — *закавычить*, отмеченная еще у Даля, квалифицируется в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова как новая. Возможно, что в 20—30-х годах она лишь получила широкое распространение.

10. *держатъ верх*: «[Киевляне] со всеми играют, как с равными себе, поэтому обычно и *держатъ верх*. (Неделя, 1968.)

Сочетание *держатъ верх* приведено только в «Словаре современного русского литературного языка» со значением 'иметь власть, силу, преобладать над кем-либо'. Судя по единственной иллюстрации, использованной в словаре, имеется в виду оборот, из которого семантически труднее вывести значение 'побеждать', чем из широко распространенного фразеологизма *одержать верх*. Поэтому предположение о депревербации и в данном случае вполне закономерно²⁶.

Во всех рассмотренных примерах устранение префикса (или семантическое преобразование простого глагола под влиянием глагола приставочного) приводит исключительно к изменению видовой характеристики, не затрагивая собственно лексического содержания глагола. Действительно, *хлопотать* эквивалентно *выхлопывать*, *землиться* — *приземляться*, *губить* — *пригубливать*, *кулачить* — *раскулачивать* и т. д. Тот стилистический эффект, который сопровождает некоторые из этих образований, связан, как нам кажется, с неожиданностью и новизной этих форм, не являющихся узуальными. Возможно, что некоторые из них употреблены с определенной сознательной стилистической нагрузкой, причем такое предположение более правдоподобно для тех случаев, когда форма используется в контексте литературного произведения. Для депревербации *кавычь* (*хоть кавычь*, *хоть раскавычь*) причиной вообще можно считать

²⁴ Наоборот, для приведенного Р. В. Бахтуриной из устной речи «Что за шум подняли, кончай *базарить*» (там же, стр. 102) предположение о конверсии вполне оправдано.

²⁵ А. Н. Тихонов. Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками. «Славянский сборник», Самарканд, 1958, стр. 76 и след.

²⁶ Не рассматриваем здесь массу примеров типа *скорить*, *благообразить* и под., для которых разные трактовки одинаково правдоподобны: депревербация (от *ускорить* и *благообразить*) и конверсия или десуффиксация (от *скорый* и *благообразный*).

соображения метрические, потому что повторяющийся союз *хоть...*, *хоть..*, связывая однородные члены предложения, чаще объединяет тождественные в видовом отношении глаголы. Однако нам сейчас важно установить не цель депревербации, а результат, касающийся семантики. Результат же этот очень определен: получена форма, отличающаяся от исходной только видом и сохраняющая все прочие компоненты ее лексического значения. Следовательно, приставка ведет себя как чистовидовой показатель, а процесс депревербации по своему результату ничем принципиально не отличается от многочисленных случаев, когда говорящий или пишущий образует суффиксальный видовой коррелят, отталкиваясь от противоположной видовой формы, например: истина *выстрадывается* ценой поиска; *раструбливая* в газетах подвиг гражданина.

Если обратиться теперь к глаголам, послужившим базой депревербации, можно заметить, что, пользуясь обычным методом определения чистовидовых приставок, мы не отнесли бы приставки этих глаголов к чистовидовым²⁷. И дело не только в том, что соответствующие глаголы входят в узальные видовые пары, оба члена которых характеризуются тождественной приставкой (*выхлопотать/выхлопотывать, побудить/побуждать, охладеть/охладевать, ожесточиться/ожесточаться, приземлиться/приземляться, пригубить/пригубливать, разбазарить/разбазаривать, раскулачить/раскулачивать, закавычить/закавычивать, одержать верх/одерживать верх*). Почти каждый приставочный глагол, подвергшийся депревербации, входит в определенный словообразовательный тип или, по крайней мере, примыкает к определенному словообразовательному типу, образованному соответствующей приставкой (такую усложненную формулировку приходится применять потому, что не все единодушны в определении понятия словообразовательного типа).

В новой грамматике русского языка глаголы *приземлить* (т. е. также и *приземлиться*, который отличается от *приземлить* лишь залоговым значением) и *пригубить* отнесены в один словообразовательный тип со значением «приблизить к тому, что названо мотивирующим существительным»²⁸. Вряд ли можно отрицать, что семантика «приближения», заключающаяся в этих глаголах, связана с префиксом²⁹. Однако в формах, получившихся в результате депревербации, префикс устранен, а семантика приближения сохранилась (*землиться* = *приземляться*, *губить* = *пригубливать*).

Хотя глагол *раскулачить* отличается значительной изолированностью, необходимо отметить его семантические связи с образованиями типа *размагнитить, рассекретить* (общее значение — 'лишить качеств того, что передано производящей основой существительного', в цитируемой грамматике русского языка последний глагол трактуется как мотивированный прилагательным *секретный*, стр. 281). Как было показано выше, депревербация не приводит к устранению этого семантического компонента.

Образование *закавычить* ближайшим образом связано с *зарамить* [глагол отсутствует в толковых словарях современного русского языка, но есть у Даля. Ср. «Фотографии, зарамленные на стене. (Э. Софронов, «Огонек», 1967, № 2)], устаревшим *зажевать*, охотничьим *зафлажить*,

²⁷ Даже при очень широком смысле, вкладываемом в понятие чистовидовой приставки, глаголы, послужившие в наших примерах исходным пунктом депревербации, не попадают в число глаголов с чистовидовой приставкой: их нет, например, в списках И. П. Мучника. См. И. П. М у ч н и к. О видовых корреляциях в современном русском языке. «Вопросы языковедения», 1956, № 6.

²⁸ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 281.

²⁹ Ср. трактовку происхождения глагола *приземлиться*, учитывающую влияние ряда *привезти, принести, приложить*: Б. Н. Г о л о в и н. Замечания к теории словообразования. «Ученые записки» Горьковского ун-та, вып. 76, серия лингвистическая, 1967, стр. 34.

может быть, еще *зарешетить*. У всех глаголов этого ряда есть общее значение 'окружить тем, что названо в производящей основе, включить в то, что передано производящей основой', для них характерна и общая морфонологическая черта (исключение -к- из состава производящей основы). Соответствующая семантика сохраняется и при устранении префикса.

Если использовать наиболее подробную типологию глаголов с приставкой *вы-*, глагол *выхлопотать* оказывается в составе типа со значением 'получить, приобрести действием производящего глагола': „выхлопотать (пропуск у посла)³⁰». Депревербация свидетельствует о том, что указанное типовое значение может сохраняться и при отсутствии префикса.

Можно рассмотреть и другие приставочные глаголы, послужившие исходным пунктом депревербации. Почти все они имеют в своем составе приставки, отличающиеся более или менее ясным реальным значением. Их функционирование при депревербации в качестве чистовидовых отнюдь не означает, будто бы в современном языке они перерастают в приставки чистовидовые, утрачивая лексическое значение и грамматикализуясь. Наоборот, можно привести другие факты, также имеющие отношение к современному языку и свидетельствующие о том, что те же приставки проявляют и свою лексическую природу.

Общеизвестно, что *прилуниться* создано на базе *приземлиться* с использованием приставки именно в том реальном значении (еще более конкретном по сравнению со слишком общей семантикой «приближения»), которое может быть выведено для исходного глагола³¹. Позднее это же конкретное значение 'совершить посадку на предмет, выраженный производящей основой' отразилось в *приводниться* и в массе окказиональных образований, возникающих в литературном языке³². Совсем не в функции чистовидовой приставки выступает префикс *при-* в *приземлиться*, когда он подвергается замене на префикс *от-*: «Пора! Вперед! И до Марса винт отмахнет! *Отземлились*, подняли рупора». (В. Маяковский. Цитируем по книге Н. А. Янко-Триницкой, стр. 48.) Префикс глагола *пригубить* функционирует как деривационный, когда он используется в окказионализме С. Михалкова *приклювить*: «Воробей *приклювил* полбокала» (К) и др.³³

Остается теперь ответить на вопрос: благодаря каким обстоятельствам приставки в глаголах, послуживших базой депревербации, могли быть оценены как простые показатели вида. Ответить на него ссылкой на так называемую первую ступень видообразования, на которой приставка, наряду с определенным лексическим значением, несет еще и видовую семантику, означало бы дать ответ слишком общий. Естественно поэтому попытаться в каждом конкретном случае найти влияние определенных групп глаголов.

В. В. Виноградов отмечал, что приставки *о-* и *по-* относятся к числу наиболее грамматикализованных в современном языке³⁴. Это было подтверждено впоследствии и статистическими подсчетами³⁵. В литературе неоднократно высказывалось мнение о широком распространении в такой

³⁰ Б. Н. Головин. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *вы-*. В кн. Очерки по русскому языку, П. Киров, 1965, стр. 118.

³¹ Е. А. Земская. Как делаются слова. М., 1963, стр. 10.

³² Ср. факты, приведенные в кн. Н. А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962, стр. 48.

³³ Здесь приведены только новообразования, возникшие путем отвлечения морфемы от конкретного слова. Окказионализмы типа *вызванивать* — *вызванивать* по телефону трактор-тягач (Г. Фиш. Скандинавия в трех лицах, I) — могут свидетельствовать о реальности упомянутого выше значения 'получить, приобрести действием производящего глагола', но не могут служить доказательством того, что на возникновение новообразований оказывает влияние своей приставкой какой-либо конкретный глагол, предположительно входящий в состав типа, например, *выхлопотать*.

³⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 534 и след.

³⁵ И. П. Мучник. Там же, стр. 100 и след.

же функции приставки *за-*³⁶. В связи с этим в видовой депревербации глаголов с приставками *о-*, *по-* и *за-* (*охладеть*, *ожесточиться*, *одержать верх*, также *благообразить*, если усматривать в *благообразить* результат депревербации, *побудить*, *закавычить*) можно предположить влияние этого чисто количественного фактора. Видовая депревербация в *разбазарить* связана с плеонастичностью, но не прямо, а косвенно — через семантически близкие *растранжирить*, *размотать*, *растратить*, *расточить*. В этом ряду видовая функция приставки выступает на передний план благодаря тому, что семантика направленности действия в разные стороны заключена уже в производящей основе (ср. обычные выражения типа *сорить деньгами направо и налево*)³⁷.

Таким образом, видовая депревербация в *охладеть*, *ожесточиться*, *одержать верх*, *побудить*, *закавычить*, *разбазарить* может объясняться влиянием других глаголов, в которых соответствующие префиксы выступают на правах чистовидовых. Из этого, между прочим, вытекает, что при определении возможностей семантического наполнения морфем методически неверно ограничиваться рассмотрением отношения «исходное — производное», например, *кавычки — закавычить*.

Но для глаголов *приземлиться*, *пригубить*, *раскулачить* и *выхлопотать* подобное влияние предположить трудно. Особенно показательна депревербация в *приземлиться* и *пригубить*. Существует единодушное мнение о том, что *при-* в чистовидовой функции выступает в единичных глаголах. К ним можно отнести семантически определенную группу *пригнуться*, *пригрезиться*, *привидеться*, *примерещиться* и изолированные *приготовить*, *прибить*, *примирить*³⁸. Семантика всех этих глаголов такова, что допустить их влияние на депревербацию в *приземлиться* и *пригубить* невозможно.

Можно предположить, что широко распространенная методика определения семантики морфем не всегда соответствует реально семантической оценке морфем в функционирующем языке. В *прибежать* мы не склонны приписывать только префиксу функцию выражения совершенного вида, потому что существует форма *прибежать*, характеризующаяся другим видом, но тем же префиксом. Сопоставляя *прибежать/прибежать* и *бежать*, мы говорим о том, что префикс выражает определенное лексическое значение. Однако *бежать* и *прибежать* различаются и видом, и лексическим значением, а в функционирующем языке, видимо, на переднем плане может оказаться и только одно из этих различий.

³⁶ Б. Н. Г о л о в и н. Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте вида в формо- и словообразовании современного русского глагола. «Ученые записки» Вологодского пед. ин-та, т. XXII, филологический. 1958, стр. 309; А. Н. Т и х о н о в. Чистовидовая приставка *за-* в современном русском языке. «Славянский сборник», II. Самарканд, 1963; А. В. Б о н д а р к о. Об одном типе видовой соотносительности глаголов в современном русском языке. «Филологические науки», 1963, 1, стр. 70 и след.; А. Б о г у с л а в с к и й. Перфективные глаголы в русском языке. «Slavia» гоё. XXXII, 1, 1963, s.27 и след. Ср. также: Б. Н. Г о л о в и н. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *за-*. «Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка». [Горький], 1964, стр. 53.

³⁷ Приставка *раз-* редко выполняет функцию чистовидовой. В. В. Виноградов отмечал, что в группе глаголов чувства (*развеселить*, *рассердить*, *рассмешить*) «несколько ослабляется реальное значение приставки *раз-*» (Там же, стр. 536), но предположить влияние этой группы на *разбазарить* невозможно по семантическим соображениям.

³⁸ В. В. В и н о г р а д о в. Там же, стр. 536; И. П. М у ч н и к. Там же, стр. 100.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Б. Л. ФОНКИЧ

О СУДЬБЕ КИЕВСКИХ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ ЛИСТКОВ

Семь небольших пергаменных листков, написанных глаголицей, датированных специалистами X—XI вв. и известных в науке под названием «Киевских глаголических листков», были подарены Киевской духовной академии начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином Капустиним. Листки отреставрированы и заключены в зеленый сафьяновый с золотым тиснением переплет; такого же типа переплеты находятся на некоторых принадлежащих Антонину греческих, славянских и арабских рукописях, хранящихся ныне вместе с глаголическими листками в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве. На верхнем защитном листе рукописи имеется собственноручная запись Антонина: «В библиотеку Киевской Духовной Академии. Иерусалим. 2 мая 1872 г.». На двух дополнительных бумажных листах, предшествующих пергаменным, Антонином написаны глаголический и кириллический алфавиты и помета (глаголицей): «Иерусалим. Антонин»¹.

Каким путем попал ценнейший памятник глаголической письменности в коллекцию архимандрита Антонина? Наиболее обстоятельное исследование этого вопроса принадлежит Н. В. Геппенеру, который, изучив деятельность Антонина по собиранию и изучению памятников книжной старины, высказал предположение, что Киевские листки не могли появиться у Антонина ранее 1869 г. и, скорее всего, были приобретены русским археографом в 1870 г. во время посещения им монастыря св. Екатерины на Синае². Это предположение может быть теперь подтверждено с помощью ценнейших сведений, содержащихся в обнаруженном нами дневнике Антонина Капустина³.

Впервые о семи написанных глаголицей листках Антонин упоминает в дневнике в записях от 14 и 20 ноября 1870 г. 14 н о я б р я: «... усилие разобрать письмо принадлежащих мне 7-ми пергаментных глаголических листков... сидел над глаголицей до полночи. Научился-таки читать ее»⁴. 20 н о я б р я: «(переплетчик) принес книги, в числе их и глаголический отрывок, над которым я и просидел опять немалое время... Еще раз занятие глаголицей. Так и кажется, что это кириллица на готический лад»⁵.

¹ Подробное последнее по времени описание рукописи см.: М. В. Геппенер за участю М. П. Візирата И. В. Шубинського. Слов'янські рукописи XI—XIV ст. у фондах Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки Академії наук Української РСР. (Огляд, опис, публікації). Київ, 1969, стор. 12—21.

² Н. Н. Геррнер. Zur Forschungsgeschichte über die «Kiever Glagolitischen Blätter». 1. Zur Entdeckungsgeschichte der Handschrift. Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. XXI (1951), H. 1, S. 39—63.

³ В нашем распоряжении имеются лишь семь частей дневника Антонина (записи за 1866, 1868—1872 и 1881 гг.), принадлежащих в настоящее время Российскому палестинскому обществу при АН СССР. Записям каждого года отведена отдельная тетрадь в картонном переплете. Все семь тетрадей — не автограф Антонина, а копии, приготовленные императорским Русским православным палестинским обществом в самом конце XIX в. Подробное описание и характеристику дневника мы предполагаем дать в работе: «Антонин Капустин как собиратель греческих рукописей».

⁴ Дневник архимандрита Антонина, 1870, стр. 215—216.

⁵ Там же, стр. 221.

Из многочисленных дневниковых записей следует, что Антонин имел в Иерусалиме своего переплетчика, который выполнял его заказы на протяжении ряда лет; не случайно рукописи, переплетенные в иерусалимский период жизни Антонина, имеют однотипные переплеты — картон в сафьяне с золотым тиснением. Из тех же записей ясно, что русский коллекционер, бывший большим знатоком рукописей, уделял много внимания своей библиотеке, и поэтому любой ценный манускрипт, нуждавшийся в реставрации, немедленно попадал в руки переплетчика. Следовательно, если глаголические листки оказались переплетенными лишь в конце 1870 г., можно уверенно сказать, что они явились не да в н и м приобретением Антонина. Материалы дневника, относящиеся ко времени пребывания Антонина на Синае, позволяют заключить, что Киевские листки перешли в его коллекцию из библиотеки монастыря св. Екатерины.

Антонин Капустин находился в знаменитой обители с 3 августа по 18 сентября 1870 г. В течение этого времени он приводил в порядок монастырскую библиотеку, изучая и описывая (совместно с драгоманом иерусалимской миссии Сарруфом и дидаскалом Николаем) все греческие, славянские и восточные рукописи. Итогом этой работы явился рукописный каталог, в котором были описаны 1310 греческих, 38 славянских и 500 арабских рукописей⁶. По-видимому, в качестве вознаграждения за труд Антонину были обещаны некоторые книги и отдельные листы старых кодексов, великое множество которых было разобрано им при описании библиотеки и которые монахи не считали пригодными для дальнейшего хранения. В день отправления из монастыря, 18 сентября, Антонин записал: «.. Послал Никандра (монашеское имя Николая.— *Б. Ф.*) с старыми листами к скевофилаку... После обеда о. Григорий (скевофилак.— *Б. Ф.*) принес листы, но вытянул из числа их тот, что был с крупным письмом. Ходили в Панагию и библиотеку отыскивать отобранные книги, нашли их и взяли с собой»⁷.

Итак, из отобранных Антонином для себя листов рукописей скевофилак монастыря св. Екатерины счел нужным изъять лишь один фрагмент, написанный «крупным письмом». Среди оставленных Антонином листов древних манускриптов и были, по нашему мнению, те семь уникальных глаголических листков, которые вот уже сто лет хранятся в Киеве.

⁶ V. N. B é n é c h é v i t c h. Les manuscrits grecs du Mont Sinai et le monde savant de l'Europe depuis le XVIIe siècle jusq'à 1927. Athen, 1937, p. 80—86.

⁷ Дневник архимандрита Антонина, 1870, стр. 168. На это место впервые обратил внимание В. Н. Бенешевич (указ. соч., стр. 85), в распоряжении которого, судя по его списку, была именно та самая тетрадь дневника Антонина, которой пользуемся мы.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. И. РОГОВ

ПОЛЬСКИЕ ОПИСАНИЯ МОСКВЫ XVII века

Среди многочисленных иностранных описаний России, давно уже ставших важным источником по отечественной истории, наименьшее внимание до сих пор привлекают польские сочинения. Историки используют их почти исключительно для выяснения фактической стороны событий на Руси в эпоху Смутного времени, когда участниками этих событий являлись сами поляки. Во многом подобного рода отношению способствовало убеждение в том, что поляки и русские извечные враги, а потому ничего, кроме предвзятости и даже презрения к России, в польских сочинениях ожидать нельзя. Разница в культуре, в самом укладе жизни так же представлялась препятствием для взаимопонимания. Очень показательно заявление авторов обобщающего труда, посвященного истории Польши, ее культуре и взаимоотношениям с другими странами, вышедшего в свет в Варшаве в 1927 г., где подчеркивается большой интерес поляков к другим странам, ценность польских описаний их, но в отношении Москвы категорически утверждается: «Поляки бывали неоднократно в Москве, но приносили о ней краткие и весьма несущественные известия»¹. Практически игнорировались польские описания Москвы и в русской историографии. Не случайно И. Ивакин, составивший в целом интересную сводку «Описание Москвы в сочинениях иностранцев», из польских сочинений использовал лишь книгу Маскевича, полагая, что опущенные им авторы «только повторяли своих предшественников»². Между тем в действительности именно в польских описаниях Москвы мы найдем как раз менее всего повторений и пересказов других авторов. Хорошо известно, что труд Герберштейна нередко воспроизводился в некоторых своих частях и теми иностранцами, которые сами бывали в Москве. В польских же описаниях к нему обращаются только хронисты XVI в., не видевшие Москвы (Бельский, Стрыйковский), но считавшие необходимым сообщить сведения о ней в своих хрониках. Впрочем, и они дополняли Герберштейна. Так, Бельский знал о походе татар на Москву в 1521 г., а Стрыйковский, по-видимому, от польского посла в Москве Тарановского получил сведения о набеге татар на Москву в 1571 г. и детально описал причиненное ими разорение Москвы³.

В начале XVII в. появляется множество польских описаний Москвы. Чаще всего это дневники, записки, донесения поляков — участников дипломатических миссий или военных походов. В первую очередь и неизменно воображение их покорял Московский Кремль. О его величине и древности его стен («по стародавнему») специально пишет

¹ «Polska, jej dzieje i kultura», t. II. Warszawa, 1927, s. 374.

² П. И в а к и н. Описание Москвы в сочинениях иностранцев. Опубликовано в приложении к переводу соч. Б. Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.». Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1891, кн. 3, отд. III, стр. 131. Здесь необходимо заметить, что Б. Таннер хотя и входил в состав польского посольства, но не являлся поляком, а был чехом — иезуитом на польской службе. Его сочинение не имеет ничего общего с аналогичными польскими книгами и потому в данном сообщении не рассматривается.

³ См. об этом: А. И. Р о г о в. Известия по истории России в «Хронике всего света Мартина Бельского». В сб.: «Новое о прошлом нашей страны», М., 1967, стр. 130—132; е г о ж е. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966, стр. 246—247.

Станислав Немоевский. Особое внимание Немоевского привлекла башня Кутафья и мост к ней через реку Неглинку. Если принять во внимание, что Кутафья неоднократно реконструировалась, то ее описание Немоевским приобретет особый интерес. «Через Неглинную две каменные стены, одна возле другой, вдоль от основания выведенные о 12 сводах, тонкие, высокие; по сторонам большие окна; вероятно они были выведены так высоко для кровли. Между стен деревянный мост, пропущенный в кирпичную, умеренной толщины стену; он идет от Кремля с довольно частыми башнями наподобие бастионов»⁴. Можно только пожалеть, что М. Г. Рабинович, привлечший большой археологический и письменный материал для реконструкции Кутафьи в ее историческом развитии, не привлек данные Немоевского. В результате большие и высокие окна, о которых сообщает польский автор, отсутствуют на предложенных вариантах реконструкции памятника⁵.

Интересные сведения о кремлевских стенах сообщает и находившийся с 1660 по 1662 г. в русском плену Михаил Обухович. Описывая вторую и третью кремлевские стены со стороны Москвы-реки, он говорит о довольно большом пространстве между ними, позволяющем «ходить и ездить свободно». Оказывается, вторая стена использовалась как своеобразная трибуна, с которой иностранцы наблюдали за торжествами, происходившими на реке⁶.

В польских описаниях Кремля внимание историка в первую очередь, естественно, привлекают также сведения о перестраивавшихся или тем более не сохранившихся зданиях. Так поляки, побывавшие в Москве в начале XVII в., еще застали комплекс годовуновских дворцовых построек. Немоевский сообщает о церкви, построенной «недурно» Борисом Годуновым при своем дворце⁷, о котором ничего не говорит ни Новый летописец, ни Арсений Элассонский. Им же подробно описан «открытый каменный переход» и «открытая зала на высокой стене», т. е., по-видимому, Верхний набережный сад (или его «предшественник»), о котором русские источники пишут лишь начиная с конца XVII в.⁸.

Пишет Немоевский и еще об одном здании в Кремле, известном русским источникам с более позднего времени, — о «Потешных хорах». Они упоминаются лишь с 1648 г.⁹ Немоевский же сообщает, что «потешники» (музыканты) имели свое помещение в Кремле при церкви уже в начале XVII в.¹⁰ К сожалению, Немоевский не приводит названия церкви, так что определить местоположение двора музыкантов пока невозможно. Несохранившиеся палаты Самозванца казались Немоевскому «мелкими и низкими...», но с веселым видом из них на Москву»¹¹. Иное впечатление производил дворец Самозванца на Самуила Маскевича, который считал его «самым красивым зданием» и видел черты сходства с польскими постройками¹², что не может казаться особенно странным, если мы вспомним о воспитании и вкусах Лжедмитрия I. Александр Дьяментовский также считал дворец «красивым и даже великолепным». Он описывает детали убранства здания: «замки в нем вызолочены червонным золотом, а некоторые обведены серебряными репетками»¹³.

Подобно дворцу Самозванца никаких следов не осталось в Кремле и от зверинца, который видел С. Маскевич. «В том же замке, — пишет он, — содержалась во рву, обне-

⁴ «Записки Станислава Немоевского» (далее — Немоевский). М., 1907, стр. 37.

⁵ М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 40—49.

⁶ М. Обухович. Дневник стражника великого княжества литовского, писанный в плену в Москве с 1660 (по 1662 г.). Киев, 1862, стр. 40.

⁷ Немоевский, стр. 53.

⁸ Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 435.

⁹ Там же, стр. 437.

¹⁰ Немоевский, стр. 94.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² «Дневник Самуила Маскевича» (далее — Маскевич). В кн. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. V, СПб., 1834, стр. 68.

¹³ «Дневник Маршпы Мнишек. Сказания...», ч. IV. СПб., 1864, стр. 23. Автором сочинения, известного под этим названием, в действительности был член свиты Маршпы Мнишек Дьяментовский.

Рис. 1

сенном оградой, львица, которая потом издохла во время осады»¹⁴. Русские источники упоминают о первом зверинце в Москве в Измайловской усадьбе лишь в правление Алексея Михайловича.

В некоторых польских описаниях Кремля поражает обстоятельность и точность сведений. Всегда точно указывается число глав в той или иной церкви. С. Маскевич точно подсчитал число окон в Грановитой палате, описал сюжеты ее росписей стены из Ветхого Завета, изображения всех князей и царей. Это описание вполне соответствует знаменитой описи стенописей палаты, сделанной в 1668 г. Ушаковым, может быть только за небольшими исключениями¹⁵.

За пределами Кремля польских авторов, как, впрочем, и всех иностранных путешественников, неизменно привлекал Покровский собор (рис. 1). Чаще всего они называют его Троицкой церковью. Многоглавие ее иногда рождает несколько преувеличенные представления о числе приделов. Маскевич их насчитывает 30, хотя в действительности их было намного меньше. Как можно думать, Маскевича ввели в заблуждение

¹⁴ Маскевич, стр. 72.

¹⁵ Ср. Маскевич, стр. 68—69 и И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, стр. 1255—1271.

малые главки (ныне не сохранившиеся), стоявшие в основании центрального шатра храма, а поскольку каждая из больших глав строго соответствует приделу, то Маскевич легко мог принять и малые главки за обозначение приделов. С большим вниманием к архитектуре Покровского собора отнесся Жолкевский. Он первый определил схему общей планировки и соотношения глав церкви, сказав, что она «весьма искусно построена квадратом» (*z kwadratu robiona*)¹⁶. Жолкевский имел в виду два пересекающихся квадрата, образуемых в плане большими и меньшими главами. Нельзя не отметить, что и для весьма ученых иностранных искусствоведов XIX в., писавших о Покровском соборе, таких как Карл Верман, он оставался всего лишь «грядкой отливающих всеми цветами радуги гигантских грибов»¹⁷.

Менее удачны были попытки поляков датировать Покровский собор, хотя сами по себе они свидетельствуют об интересе поляков к произведениям русской архитектуры. М. Обухович писал о нем как о церкви, «древнейшей из всех в Москве, как можно далее заключить по самому виду ее»¹⁸. Видимо, Обуховичу, видевшему новые преимущественно пятиглавые или одноглавые, но никак не столпообразные и шатровые постройки, в стиле которых сооружен собор и которые в 50-е годы XVII в. были запрещены патриархом Никоном¹⁸, многоглавая столпообразная постройка представлялась древнейшей.

Чрезвычайно загадочной представляется описанная Немоевским церковь св. Михаила «перед передними кремлевскими воротами ... о двух башнях, построенная из камня довольно красиво»²⁰. О Покровском соборе здесь речь идти не может, так как даже при самом беглом взгляде на него заметно, что он состоит из более чем двух башен. К тому же наименование храмом св. Михаила Покровского собора невозможно: придела в честь св. Михаила храм не имеет и нигде даже в самых неточных иностранных описаниях Москвы так не называется. Описываемый Немоевским храм либо совсем неизвестен по другим источникам, либо это собор архангела Михаила Чудова монастыря внутри Кремля. Две башни — это может быть глава основного храма и глава Алексеевского монастырского храма, сооруженного еще в 1485 г. Впрочем, данное предположение очень маловероятно, поскольку Чудов монастырь находился не совсем у Спасских ворот. Между ним и воротами стоял еще Вознесенский монастырь.

Китай-город поражал поляков своей плотной застройкой, множеством торговых лавок, с особыми рядами для каждого вида ремесла. «Было на что посмотреть и чему подивиться», — восклицает по поводу них Маскевич²¹. Польские дипломаты, попадавшие в пределы Китай-города через его Воскресенские ворота, почти всегда пишут о них в своих донесениях. К. Гжимултовский, приезжавший в Москву для заключения Вечного мира в 1685—1686 гг., называет башни ворот «великолепно построенными»²². Яна Оборского в 1637 г. в большей мере заинтересовал каменный мост через реку Неглинную около этих ворот и каменные же лавки, «поставленные до ворот»²³.

Целый ряд интересных сведений сообщает С. Маскевич о Белом городе. С. Маскевич называет его Иван-городом, это наименование не зафиксировано в других источниках. Возможно, происхождение этого названия связано с тем, что согласно Пискаревскому летописцу строительство Белого города началось еще при жизни Ивана Грозного в 1584 г.²⁴ (хотя полностью развернулось уже при Федоре Ивановиче в 1591 г.).

¹⁶ «Записки гетмана Жолкевского о московской войне» (далее — Жолкевский). Изд. 2. СПб., 1871, стр. 124.

¹⁷ К. В е р м а н. История искусства всех времен и народов, т. I. СПб., б. г., стр. 855.

¹⁸ М. О б у х о в и ч. Там же, стр. 12.

¹⁹ «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 164.

²⁰ Н е м о е в с к и й, стр. 39.

²¹ М а с к е в и ч, стр. 88.

²² «Zródła do dziejów polskich». Wydawane przez Mikołaja Malinowskiego, Alexandra Przedzieckiego, t. II. Wilno, 1844, s. 44.

²³ «Dyaryusz Poselstwa do Cara Jana z Obor Oborskiego». Kraków, Zbiory Czartoryjskich, № 133, s. 451.

²⁴ В. В. К о с т о ч к и н. Государев мастер Федор Конь. М., 1964, стр. 45—46.

Рис. 2

Маскевич обратил внимание на пятиглавую башню Белого города²⁵. В XVII в. эта башня, находившаяся неподалеку от Алексеевского монастыря на берегу Москвы-реки, была дополнена двумя башнями и известна под названием семиверхой. Маскевич видел ее до перестройки, и потому его сведения особенно интересны. Они подтверждаются и изобразительным материалом — рисунком той же башни на знаменитом Сигизмундовом плане 1610 г.

Тесовые стены Земляного города (Скородом) казались Самуилу Маскевичу особенно красивыми²⁶. По его мнению, они «стоили трудов и времени». С. Немоевский дополняет Маскевича сообщением о том, что в этой системе укреплений очень часто стояли сооружения, «нечто вроде башен для стрельбы»²⁷.

Если описания оборонительных укреплений Москвы в польских сочинениях XVII в. не отличаются большой подробностью, то, напротив, описания некоторых подмосковных городов и сел поражают своей обстоятельностью. Пожалуй, подробнее чем что-либо другое в них описано село Вяземы. И это не случайно. Именно в Вяземах,

²⁵ Маскевич, стр. 95.

²⁶ Там же, стр. 74, 81.

²⁷ Немоевский, стр. 37.

последнем пункте при въезде в Москву, нередко задерживались иноземные послы. Диаментовский указывает, что церковь села (рис. 2) была окружена палисадником и окопана рвом с рогатками²⁸. Церковь Диаментовский описывает менее подробно, но иконы и подсвечники оценивает как произведения «прекрасной работы». Илья Пельгжимовский, сопровождавший канцлера Льва Сапегу в качестве секретаря, восторгался «чудными пропорциями» храма, «чудным и дорогим» украшением внутри. Для реставрации храма полезными могут быть сведения о главах храма, сообщаемые Сапегой. Он пишет, что купола были покрыты «железными бляхами с вызолоченными на них крестами»²⁹.

Приезжая в Москву, польские послы нередко останавливались в Можайске. В ряде описаний посольств можно найти о нем упоминания, но особенно подробное его описание находится в записках Яна Велевицкого³⁰. Оно содержит ряд данных, неизвестных по другим источникам. В частности, Велевицкий сообщает о павратной часовне св. Николая. Велевицкий описывает в данном случае Никольский придел Воздвиженской павратной церкви, о которой находим упоминание в писцовых книгах 1596—1598 гг.³¹. Но этот источник слишком краток, и именно благодаря Велевицкому мы

узнаем, что к приделу ее с внутренней части крепости вела каменная лестница, начинающаяся сеними. В левой части часовни, по словам Велевицкого, «находится другая, меньшая часовня, отделенная от обеих сторон особенною стеною и везде богато украшенная прекрасными картинами, представляющими чудеса св. Николая». Несомненно, Велевицкий описывает здесь каменную сень — киворий, типа сени над царичьим местом в Успенском соборе Кремля (XVI в.). Впрочем, до нашего времени не сохранилось ни одной такой сени, расписанной фресками, вызвавшими восхищение поляка. Сень же в Можайске была уничтожена при радикальной перестройке павратной церкви в 1684 г. Посвящение придела и тематика росписей кивория были связаны с резной иконой Николая Мирликийского, покровителя и охранителя города. В настоящее время она хранится в Гос. Третьяковской галерее, отреставрирована и датируется XIV веком (рис. 3)³². Данная икона св. Николая с мечом послужила образцом для копирования и подражания ей в разных уголках России как олицетворение заступничества³³. Велевицкий дает описание прославленной резной иконы в том виде, который она имела в

Рис. 3

²⁸ Диаментовский, стр. 20.

²⁹ W. Tębiński. Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy podług dyaryusza Eljasza Piłgrzymowskiego sekretarza poselstwa. Grodno, 1846, s. 10.

³⁰ Я. Велевицкий. См. в кн. «Записки гетмана Жолкевского о московской войне», стр. 161—162.

³¹ В. п. Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий, вып. 10. М., 1901, стр. 1.

³² Выставка, посвященная шестисотлетию юбилею Андрея Рублева. М., 1900, стр. 5.

³³ Н. Виноградов. О древней резной чудотворной иконе... Николая. М., 1900, стр. 5.

Рис. 4

начале XVII в., хотя и справедливо пред- полагает большую ее древность. «В середине находится икона св. Николая во весь рост, вырезанная из дерева, имеющего цвет жел- тый, или потому что такое уж дерево или потому, что дерево это окрашено желтою краскою, или по причине старости. На ико- не шелковые ризы, подобные тем, какие надевают греческие священники во время богослужения... В правой руке св. Николай держит меч, а лицо его выражает более стро- гость нежели доброту» (рис. 4). Как и при описании кивория, Велевицкий предстает перед нами как внимательный и наблюда- тельный зритель мало знакомых ему про- изведений древнерусского искусства.

Велевицкий сообщает также, что в том же приделе, но с правой стороны стояла другая икона св. Николая, также покрытая ризами, но с державой вместо меча в руке. Таких резных икон до нашего времени не дошло ни одной. Интересно объяснение этой иконы, которое Велевицкий услышал от жителей Можайска: если первой иконе по- клоняются во время войны, то второй — во время мира.

Как и в последнем из приведенных описаний, так и почти во всех других бросается в глаза отсутствие какого бы то ни было пренебрежения к произведениям русской архи- тектуры или живописи того времени. Поляки сумели увидеть и понять красоту и гармо- ничность русских храмов, совершенство русских оборонительных сооружений. С. Мас- кевич называл Москву «великолепным городом»³⁴, ее храмы — «красотой». Жолкев- ский отмечал невиданную в Европе величину Москвы. «Ни Рим, ни Париж, ни Лис- сабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу», — восклицает Жолкевский³⁵.

Жолкевский не только оставил описание Москвы, но, возможно, способствовал и появлению в польской живописи XVII в. ее изображения. В епископском дворце в Кельцах среди фресок можно видеть въезд гетмана в Москву и пожар русской столицы³⁶. На первой из них явно различается колокольня Ивана Великого, хотя другие построй- ки Москвы весьма условны и скорее походят на готические здания. Время создания ке- лецких росписей определяется промежутком времени с 1635 по 1642 г., поскольку на одной из них изображен прием Владиславом IV шведских послов 5 августа 1635 г., а владелец дворца, при котором он и был построен, Якуб Заджик умер в 1642 г. Рос- писи были выполнены мастерами из мастерской Долябелли. Итальянский живописец, проведший значительную часть своей жизни в Польше, Долябелли неоднократно об- ращался к русским сюжетам или изображал русские одежды. Так, подобно тому, как в кельцкой росписи он точно изобразил колокольню Ивана Великого, несколько ранее в одном из своих гнезненских полотен, изображающих Станислава Щепановского на суде у Болеслава Храброго, он изобразил княжеское платье, точно воспроизведя рус- ский царский костюм³⁷.

³⁴ Маскевич, стр. 74

³⁵ Жолкевский, стр. 123.

³⁶ О них см.: W. Tomkiewicz. Aktualizm i aktualizacja w malarstwie polskim XVII w. «Biuletyn historii sztuki», г. XIII, 1951, s. 80—83.

³⁷ А. И. Рогов. Станислав Щепановский на королевском суде. «Советское сла- вяноведение», 1969, № 2, стр. 79.

Изложенные выше наблюдения в связи с польскими описаниями Москвы показывают, что несмотря на весьма сложные политические взаимоотношения Польши и России в XVII в. у поляков не ослабевал интерес к России и русской культуре. Она не была для них чем-то чуждым и непонятным, и это позволило подметить им ряд важнейших ее особенностей, точно и обстоятельно описать архитектурные памятники, многие из которых не дошли до нашего времени. Польские описания поэтому могут быть использованы при реставрации и реконструкции памятников московской архитектуры.

Польско-русский союз, оформленный окончательно в 1686 г., укрепил русско-польское взаимопонимание и культурные связи двух славянских народов. Знаменательно, что русские и польские представители, заключившие в Москве в апреле 1686 г. Вечный мир, задумали в честь этого совместно соорудить церковь в Москве³⁸. К сожалению, проект этот не был осуществлен, но сам по себе он свидетельствует о том, что создание совместного русско-польского архитектурного сооружения представлялось возможным. Осуществление проекта в Москве красноречиво увенчало бы то культурное общение между двумя народами, свидетельством которого служат польские описания Москвы XVII в.

³⁸ «Źródła do dziejów polskich», t. II. Wilno, 1844, s. 30.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Н. КОНДРАТЬЕВА. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). «Наука», 1971, 237 стр.

В свет вышла книга по одной из самых важных и одновременно самых сложных проблем в истории Боснии и Герцеговины XIX в. — аграрным отношениям. Хронологические рамки исследования, на наш взгляд, удачны. Это последние двадцать лет турецкого господства в Боснии и Герцеговине — с конца 50-х годов, когда турецкое правительство предприняло попытку решить аграрный вопрос посредством ряда законов, до восстания 1875—1878 гг. включительно, когда народ взял дело освобождения от турецкого ига в свои руки.

Для советского читателя книга представляет большой интерес, поскольку это первая монографическая работа в данной области. Автор поднимает проблемы, которые находятся в центре внимания современной исторической науки. Последним словом в Югославии была работа М. Экмечича «Восстание в Боснии»¹. Автор, опираясь на достижения своих предшественников (В. Поповича, В. Чубриловича и др.), рассмотрел историю национально-освободительного движения Боснии и Герцеговины под новым углом зрения, исходя из посылки, что в основе всего движения лежал аграрный вопрос, и крестьянство, будучи основной силой движения этого периода, сыграло значительную роль в разрушении Турецкой империи. Им была разбита бытовавшая в югославской исторической науке иллюзия единства взглядов буржуазии и крестьянства на аграрный вопрос в Боснии, показаны их классовые противоречия.

М. Экмечич убедительно доказал, что восстание было порождением всей системы управления этой славянской областью со стороны Турции. Красной нитью проходит у него мысль о том, что восстание 1875—1878 гг. было в основном крестьянским движением.

Книга В. Н. Кондратьевой основательно подтверждает целый ряд выводов М. Экмечича. Более того, по некоторым принципиальным вопросам советский историк сумел внести новос. Так, В. Н. Кондратьева приводит массу интересного материала, убедительно говорящего о том, что крестьянство еще задолго до восстания 1875—1878 гг. выступало с требованиями земли, тогда как М. Экмечич, исходя из имевшихся у него данных, пришел к выводу, что земельный вопрос возник лишь в ходе восстания. В. Н. Кондратьева конкретно вскрывает основные социально-экономические причины движения, выявляет главную историческую задачу для этих земель, правильно определяет основные движущие силы и выясняет обусловленный их требованиями характер движения. Это — итог многолетнего упорного и кропотливого труда автора.

Богатый документальный материал первостепенной важности, никогда прежде не публиковавшийся и лишь частично использованный, щедро приводимый автором, представляет едва ли не самую сильную сторону книги. Русские дипломатические деятели давали не только статичные картины определенного отрезка времени (что само по себе ценно, ибо составляемые из года в год и довольно объективно и подробно освещавшие социальное положение местного

¹ М. Е к м е ч и ć. *Ustanak u Bosni 1875—1878*. Sarajevo, 1960.

населения, особенно славянского, их отчеты позволяют исследователю сделать некоторые наблюдения, например, проследить изменение форм феодальной ренты, появление новых видов отработок), но часто сами пытались проследить тенденцию развития, обобщая собранные ими факты. И хотя эти донесения не позволяют определить во всей полноте процессы социально-экономического развития, все же при скудости сохранившихся источников и отсутствии аграрной турецкой статистики, они являются уникальнейшим источником, дающим чрезвычайно яркие описания подлинных картин из жизни.

Содержание книги В. Н. Кондратьевой значительно шире названия. Уделяя главное внимание аграрным отношениям, особенно крестьянскому вопросу — положению и требованиям крестьян, автор освещает также политическое положение и национально-освободительное движение в боснийско-герцеговинском вилайете. Кроме того, читатель найдет в книге массу сведений о русско-славянских связях. Отношение славянского населения вилайета к русским дипломатам было особым. С ними постоянно общались представители разных слоев общества, крестьяне обращались к ним с жалобами и с просьбами о помощи. Со своей стороны, русские дипломатические деятели обращали пристальное внимание на социально-экономические проблемы Боснии и Герцеговины, и прежде всего на процессы в деревне. Зачастую они активно помогали славянскому православному, и в частности крестьянскому населению — защищали их интересы в международной консульской комиссии.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе — о характере землевладения — рассматриваются производственные отношения в полеводстве и скотоводстве. Большое внимание уделено одному из самых основных для тех лет процессу — растущей экспроприации крестьянских земель, сопровождавшейся разного рода злоупотреблениями и происшедшей при полном политическом, национальном и религиозном бесправии крестьян. Приводятся сведения об экспроприации и мусульманских крестьян, которые вместе с православными принимали участие в восстании. Факты, приведенные автором, убедительно показывают, что вся система отношений в земледелии тормозила развитие производства.

Вторая глава книги посвящена налогам, поборам и феодальным повинностям крестьян. Она касается самых боль-

ных для угнетенного крестьянства вопросов, особенно десятины и способа ее взимания посредством откупов. Автор книги рельефно показал рост десятины и барщины, насилия откупщиков, общий процесс массового разорения крестьян, их зависимость от ростовщиков. В главе много интересных сведений о способах распределения податей, о преобладании классовых интересов над национальными у высшего православного духовенства и части буржуазии.

Выводы автора интересны. Приведенный фактический материал убедительно показывает, что в Боснии и Герцеговине еще господствовали феодальные отношения. Главной исторической задачей вилайета в условиях национального и религиозного гнета была ликвидация феодализма. Таким образом, своей книгой В. Н. Кондратьева включилась в дискуссию югославских историков об уровне развития капитализма в Боснии и Герцеговине той поры².

В третьей главе автор на широком фоне событий 50—60-х годов показывает выдвигаемые крестьянами разных районов социально-экономические требования, среди которых особенно настойчиво звучат требования ликвидации барщины и системы откупов налогов. Интересны новые сведения о единстве действий бедных мусульман и христиан (стр. 100, 118 и др.), кроме того, автор широко показывает формы протеста и активного сопротивления властям со стороны крестьян.

Четвертая глава посвящена аграрным отношениям в годы восстания. В ней содержится масса яркого материала о событиях кануна восстания и самого восстания, показывается стремление крестьян осуществить свои чаяния. Особенно большой научный интерес представляют сведения о решении крестьянством земельного вопроса в ходе восстания. Автор подчеркивает, что крестьянство боролось за уничтожение феодальных отношений, что оно было основной движущей силой восстания и что

² Две точки зрения представлены Ч. Трухелкой и Б. Неделковичем, с одной стороны, и М. Экмечичем — с другой. Первые, сосредотачивая внимание на юридической стороне вопроса, считают, что капиталистические ростки в Боснии и Герцеговине были значительны, тогда как последний, исходя из фактического положения вещей, полагает, что можно еще говорить о полном господстве феодализма. В. Н. Кондратьева придерживается точки зрения М. Экмечича.

борьба крестьян способствовала углублению национально-освободительного движения.

К сожалению, интересная работа не лишена недостатков. Ряд фактических неточностей, неудачных и спорных формулировок, безликое название четвертой главы, повторения, оборванный без каких бы то ни было оговорок конец книги, все это составляет досадные недочеты работы. Определенные в заглавии 60—70-е годы следовало бы изменить на 50—70-е, ибо 50-м годам в книге уделено большое место. При освещении некоторых важных для избранной темы вопросов, таких, как социально-экономические процессы конца 60-х—начала 70-х годов, производственные отношения в скотоводстве как одной из основных отраслей хозяйства, позиции буржуазии и крестьянства в буржуазно-демократическом движении, аграрная программа револю-

ционно-демократического крыла движения, выразившего интересы феодально-зависимого крестьянства,— ощущается необходимость в привлечении дополнительных источников, ибо русские дипломатические документы здесь не давали материала и сковывали автора. Вызывает сожаление отсутствие в книге историографического очерка и критического обзора источников, ибо и тот и другой способствовали бы выявлению как роли автора, так и значения советских архивных фондов для решения данной проблемы.

В целом вышедшая книга является интересной работой. Написанная хорошим языком, содержащая богатый и яркий фактический материал она, безусловно, заслуживает внимания широкого круга читателей и исследователей.

Д. Ф. Поплюк

Ст. С. ШИКЛЕВ. Экслибрис в България. София, Изд. Народна библиотека «Кирил и Методий», 1971, 159 стр.

Ст. С. ШИКЛЕВ. Экслибрис в Болгарии

Очевидно, было бы ошибкой судить о книжной и библиотечной культуре только по степени распространения в стране художественного книжного знака — экслибриса. Экслибрис, взятый сам по себе, не может, по-видимому, еще служить ни показателем высоты книжной культуры, ни тем более качества книжного оформления. Однако в совокупности с другими факторами — резким увеличением книжной продукции, массовым тиражом, повышением уровня иллюстрирования и оформления книги, густой библиотечной сетью, всеобщим увлечением книгой и книжным собирательством — он может все же быть определенным свидетельством книжной культуры, усиления общественного интереса к книжной графике и графике малых форм, подъема в целом культурного уровня общества. Вполне правильным поэтому представляется указание одного из редакторов рецензируемой книги и автора предисловия В. Трайкова, что развитие болгарского экслибриса сегодня обусловлено коренными социальными переменами в истории болгарского народа, всеобщей тягой к книге и знаниям в социалистической Болгарии. Именно

в силу этого первый сводный труд о болгарском экслибрисе мог появиться только в наши дни (стр. 3—4). Небезынтересно в связи с этим заметить, что послевоенный период, особенно с середины 50-х годов, был временем очень интенсивного подъема искусства экслибриса в нашей стране. Новые сильные импульсы получило и экслибрисное искусство в Чехословакии, Польше и Венгрии. Во всех этих странах выходила большая литература по вопросам экслибрисистики, организовывались очень представительные национальные и международные выставки книжного знака, развили энергичную деятельность экслибрисные общества.

Свой опыт истории болгарского экслибриса Ст. С. Шиклев предваряет краткими замечаниями, касающимися классификации книжного знака, и характеристикой применяющихся в экслибрисном искусстве графических техник. Следует учитывать при этом, что в исследовании Ст. С. Шиклева речь идет о владельческих книжных знаках, т. е. только о тех экслибрисах, которые действительно предназначены для того, чтобы служить знаками книжной собственности-

либо являются проектами таковых. Далее автор переходит к общему обзору истории экслибриса в Европе, обнаруживая известную осведомленность в зарубежной, в том числе дореволюционной русской и советской экслибрисной литературе. Конечно, сколько-нибудь полного использования этой литературы невозможно требовать от автора. (К сожалению, в этой части его работы, стр. 13—25, имеется много типографских опечаток.)

Переходя к истории самого болгарского экслибриса, автор выделяет в ней три этапа. Первый — время так называемого рукописного экслибриса, второй — употребление в качестве знака книжной собственности оттиска деревянного, металлического или резинового штемпеля, а также наборного ярлыка (штемпельные экслибрисы стали применяться в Болгарии с начала XVIII в.). Третий этап связан с переходом к художественному экслибрису. Хотя впервые художественный экслибрис появляется в Болгарии еще в XVII в. (в 1657 г.), действительно заметным явлением он становится лишь в период после первой мировой войны, а затем после утверждения в Болгарии народно-демократического строя (стр. 41—47).

Предлагаемая Ст. С. Шиклевым периодизация скорее отражает стадияльное развитие болгарского экслибриса, чем дает четкие хронологические грани истории его употребления. Появлению в точном смысле слова экслибриса, т. е. знака книжной собственности, размноженного с помощью печатной формы, действительно всюду предшествовал обычай подписывания книг, помещения на них дарственных или вкладных записей. Употребление штемпеля и тиражированного экслибриса, наклеиваемого на оборот переплета (в России такой экслибрис возник в начале XVIII в.), не привело ни к исчезновению этого обычая, ни, пожалуй, к сокращению подобной практики. Вместе с тем, однако, так называемый рукописный экслибрис нет нужды называть экслибрисом. Скорее это прото-экслибрис, предшественник экслибриса в собственном смысле слова.

Нужно сказать также, что появление и распространение художественного экслибриса отнюдь не вытеснило и, по-видимому, не сократило практики употребления штемпеля и отчасти наборного ярлыка, особенно в крупных общественных и государственных библиотеках. Обстоятельство это, впрочем, отмечает и сам автор (стр. 38—39). Зато, по-видимому, следовало бы подчеркнуть другую сторону дела. Как известно, в СССР и других странах, где искусство экслибриса находится на особенно высоком подъеме, замечается тенденция отрыва экслибриса от книги, превращения его в самостоятельный, предназначенный для выставок или художественного эксперимента графический жанр¹. Еще раньше возник чисто коллекционный, лишенный качеств владельческого знака экслибрис², иногда называемый «мнимым экслибрисом»³. Судя по исследованию Ст. С. Шиклева, тенденции эти не помешали развитию в Болгарии. В этом убеждает и краткий анализ экслибрисной практики отдельных болгарских художников, данный автором в конце его работы.

Обширный иллюстративный материал (86 таблиц), несмотря на полиграфические недостатки его исполнения и случайность подбора образцов иностранных экслибрисов, сильно повышает ценность рецензируемого издания. Значение его определяется тем, что труд Ст. С. Шиклева является первым систематическим трудом по истории болгарского книжного знака, знакомящим с малоизвестной, но очень интересной стороной развития культуры болгарского народа.

В. Д. Королюк

¹ В. Д. Королюк. Современный советский экслибрис. Тамбов, 1968, стр. 8—9.

² A. R y s z k i e w i c z. Exlibris polski. Warszawa, 1959, s. 6—8.

³ О. Л а с у н с к и й. Книжный знак. Воронеж, 1967, стр. 143—153.

JULIUSZ BARDACH. Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współczesni. (Monografie z dziejów nauki i techniki, t. LXXI), Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971, 330 s.

ЮЛИУШ БАРДАХ. Вацлав Александр Мацеёвский и его современники

В серии «Монографии из истории науки и техники», издаваемой Институтом истории науки и техники Польской академии наук вышла в свет рецензируемая книга Ю. Бардаха. Представляется, что следует привлечь к ней внимание советских славистов.

Вацлав Александр Мацеёвский на протяжении своей долгой жизни (1792—1883) по справедливости считался одним из корифеев славяноведения, уже с 20-х годов XIX в. он завоевал известность как историк славянского права. Круг интересов Мацеёвского не ограничивался историко-юридической проблематикой, он изучал социально-экономическую историю Польши, источниковедение, среди его трудов наряду с делом жизни Мацеёвского — многотомной «Историей славянских законодательств» (два издания) — мы встречаем «Историю крестьян и их политических, социальных и экономических отношений в Польше с древнейших времен до второй половины XIX в.», «Историю городов и горожан в землях прежнего польского государства с древнейших времен до середины XIX в.», «Историю ремесел, ремесленников и ремесленных изделий в Польше с древнейших времен до конца XVIII в.», «Древнейшие польские и литовские рочники и хроника».

Разумеется, труды Мацеёвского давно устарели, но в истории славяноведения ему принадлежит важное место. Значение Мацеёвского в свое время отмечали русские слависты (В. А. Францев и др.), сейчас мерой забвения его имени может служить отсутствие статьи о нем в «Советской Исторической Энциклопедии».

Книга Бардаха — не только монографическое исследование о научном творчестве ученого, это и портрет Мацеёвского — человека, деятеля своей эпохи. Задача эта была не из легких, ибо в биографии Мацеёвского немало сложных проблем как чисто фактических, начиная

от даты и места его рождения (вопрос этот был старательно запутан самим Мацеёвским, без оснований настаивавшим на своем шляхетском происхождении), так и психологических — широта и прогрессивность исторических взглядов (за что Мацеёвский заслужил редкое «отличие»: его труды были внесены Римом в «Индекс осужденных книг») сочетались у него с далеко идущим соглашательством в отношении царских властей, навлекавшем на него резкое осуждение передовых польских деятелей, в частности Адама Мицкевича.

Воссоздавая сложный облик Мацеёвского, показывая без ретуши известную ограниченность его мировоззрения и слабые стороны, автор вместе с тем в полной мере выполняет данное в заглавии книги обещание: Мацеёвский показан на широком фоне эпохи, в своих научных контактах и спорах. Мацеёвский и его учитель Ежи Самуэль Бандтке, Мацеёвский и Иоахим Лелевель, Мацеёвский и Войцех Кентшиньский, наконец (что составляет неожиданную страницу биографии Мацеёвского), Мацеёвский и деятель революционной эмиграции Ян Непомуден Яновский — эти многообразные и разнохарактерные взаимоотношения, в которых черты Мацеёвского — ученого и человека — выявляются особенно выпукло, мы бы сказали — стереоскопично, прослежены в книге обстоятельно и глубоко.

Среди проблем более широкого характера заслуживает внимания данная автором периодизация истории польского славянофильства XIX в. (стр. 10—16).

Юлиуш Бардах привлек обширнейший документальный материал, тем более следует отметить, что материал этот нигде не берет верх над автором, книга написана живо, читается с интересом.

И. Миллер

ПЕСНИ БОЛГАРСКИХ АНТИФАШИСТОВ

Почти сразу после 9 сентября 1944 г. болгарские фольклористы стали собирать и изучать песни, возникшие в ходе антифашистской борьбы. Трудам Г. Керемичневз, И. Кова, И. Койнакова, Ц. Романской, С. Стойковой, Н. Кауфмана, И. Качулева, Е. Стоин и других

собирателей и исследователей удалось в значительной степени определить репертуар песен антифашистов (повстанцев 1923 г., подпольщиков, политзаключенных, партизан), социальные условия бытования и художественную ценность их песен. Рецензируемая монография бол-

гарского ученого Т. Ив. Живкова¹ является в этом плане своеобразным подведением итогов проделанной фольклористами работы.

Автор стремился с наибольшей полнотой учесть опубликованные и архивные варианты антифашистских песен. В отличие от ряда предшественников, он четко делит их по времени создания: песни, созданные в 1923—1940 гг.; песни 1941—1944 гг.; песни о предшествующих событиях, но созданные уже после победы 9 сентября 1944 г. В книге использованы и личные наблюдения автора над бытованием этих песен. Т. Ив. Живков объективно оценивает художественные достоинства текстов, отмечает творческие неудачи, показывает слабые стороны песен-хроник, попыток втиснуть новое содержание в традиционные песенные формы.

В монографии внимательно прослеживаются две параллельные линии создания и бытования антифашистских песен: 1) осовременивание традиционных фольклорных стереотипов; 2) новообразования на основе норм профессионального творчества (литературы). Фольклоризм этих произведений во многих случаях спорен, что отмечается автором. Так, певец мог сочинить новую песню, используя известный старый стереотип, но, кроме него, эту песню никто не пел. Песни повстанцев 1923 г. или партизан 1941—1944 гг. по некоторым критериям бытования приближались к фольклорным, однако это объясняется прежде всего сложившимися социальными условиями, в частности невозможностью выразить антифашистскую тему с помощью обычных, «легальных» средств культуры (печать, радио и др.).

Т. Ив. Живков совершенно отчетливо осознает, что рассматриваемый им материал уже нельзя отнести к «старому фольклору» (т. е. просто к фольклору), что он носит «переходный характер», что антифашистские песни — это «прежде всего составная часть культуры участников социалистического движения». И тем не менее в его работе сквозит желание — наряду с такими констатациями — считать все эти произведения фольклорными. Думается, что в этом нет никакой несобходимости.

Всего Т. Ив. Живковым привлечено порядка 350 произведений (стр. 6). Из этого числа 110 песен составляли репертуар революционеров в период с конца XIX в. по 1923 г. По составу это (пользуемся болгарской терминологией): болгарские социалистические марши (37 текстов), болгарские песни с социалистической тематикой (27), заимствованные ре-

волюционные марши и песни (24)², возрожденческие песни (19), болгарские или переведенные романсы и лирические песни (10), болгарские марши «без прямо выраженного социалистического характера» (9), сатирические песни без того же характера (8). Только в двух случаях (стр. 41, 49—50) песни создавались непосредственно рабочими, притом на основе традиционных фольклорных стереотипов. В целом же этот репертуар несомненно нужно считать одним из элементов новой, социалистической культуры, создаваемой поначалу профессиональными революционерами.

К этому репертуару в 1923—1940 гг. добавилось еще 70 песен. Характерно, что «главным создателем и певцом» (стр. 63) песен о Сентябрьском восстании 1923 г. были крестьяне, пытавшиеся путем переделки традиционных песенных стереотипов «откликнуться на события, в которых они непосредственно участвовали. Из 70 новых песен лишь 10 были созданы поэтами-профессионалами и еще 10 — путем переделки возрожденческих песен и городских романсов (стр. 68, 71, 151). Остальные являлись переработками традиционных народных песен. Т. Ив. Живков отмечает, что почти все они, получив массовое распространение, прожили короткую жизнь, стали забываться через одно-два поколения в силу своей преходящей актуальности (стр. 92).

В 1941—1944 гг. появилось 80 новых песен. Они «создаются исключительно коллективами политзаключенных и партизан» и знаменуют собой «фольклоризацию песенных традиций революционного социалистического движения» (стр. 172). В этих песнях проявился «нефольклорный способ отражения действительности» (стр. 175), влияние на них традиционных народных песен — незначительно (стр. 200 и сл.), литературные нормы для них стали исходными.

Только после 9 сентября 1944 г. тему антифашистской борьбы вновь подхватили крестьяне и опять-таки на основе «старой фольклорной традиции» (стр. 172). Т. Ив. Живков, возможно, и прав, когда говорит, что крестьянское творчество было «шагом назад» по сравнению с «художественными завоеваниями партизан» (стр. 245). Его критическую оценку крестьянского творчества (стр. 253—258) нельзя не принять. И все же оно представляет безусловный интерес, поскольку в нем подчас сказывается стремление приблизиться к современному пониманию прошедших событий, намерение подняться от средневекового миропонимания к современному мышлению. Средний возраст крестьянских певцов в момент, когда они сочиняли свою первую

¹ Т. И в. Ж и в к о в. Български антифашистки песенен фолклор. София, 1970, 292 стр., с резюме на рус. и франц. языках.

² Русские песни или западноевропейские в русских переводах.

песню о партизанах, составлял 69 лет (стр. 256).

По-видимому, остальные 90 песен из общего числа 350 текстов были созданы уже после 9 сентября 1944 г. Точных сведений о соотношении крестьянских и некрестьянских произведений в этот период Т. Ив. Живков, к сожалению, не приводит.

Очень важную роль в формировании антифашистского репертуара сыграли русские революционные и советские песни. В монографии приводятся многочисленные случаи, когда на основе русских и советских песен создавались болгарские переделки либо к мелодиям этих песен приспосабливались болгарские тексты (стр. 43—46, 49, 56, 57, 93, 121, 148, 177—191, 195—197, 200, 205—206 и др.). Так, из 80 мелодий песен, созданных в 1941—1944 гг., 29 мелодий заимствованы у советских песен. Примечательны констатации автора: основу репертуара антифашистов составляли советские песни 30-х годов (стр. 229); после 9 сентября

1944 г. оригинальные русские революционные и советские песни получили в Болгарии большее распространение, нежели их болгарские переработки, создававшиеся до 1944 г. (стр. 240). В целом, однако, в монографии не показан удельный вес русских и советских песен в репертуаре болгарских борцов периода 1923—1940 и 1941—1944 гг.

В книге Т. Ив. Живкова дан глубокий фольклористический анализ художественных качеств рассматриваемых произведений. Положительно оценивая его работу, мы хотели бы подчеркнуть с помощью извлеченных из монографии статистических сведений, что эта книга подводит нас также и к необходимости проведения социологического анализа, который позволил бы увидеть в описанном Т. Ив. Живковым феномене страничку из истории становления социалистической культуры в Болгарии.

Ю. Смирнов

В. СТАНКОВ. Българските глаголни времена. София, 1969, 200 стр.

В. СТАНКОВ. Болгарские глагольные времена

В. Станков — автор ряда работ, посвященных изучению значения и употребления форм времени в современном болгарском литературном языке¹. Рецензируемая книга является итогом его исследований в этой области. Книга рассчитана на широкий круг читателей (учителей, студентов, филологов, журналистов), что накладывает определенный отпечаток на форму изложения, но не отражается на глубине трактовки затрагиваемых проблем.

Очень интересным и важным аспектом исследований В. Станкова, что с наибольшей полнотой проявляется и в рецензируемой книге, является внимание,

которое он уделяет анализу таких контекстов, где могут употребляться формы разных времен в одинаковом значении. Такого рода случаи В. Станков именуется «переносным употреблением» форм времени. Переносное употребление форм времени он понимает несколько необычно. До него в качестве такового рассматривали так называемое «настоящее историческое» и «настоящее пророческое». В. Станков расширяет его рамки, считая, что «любая форма времени» в болгарском языке «может иметь и переносное употребление» (стр. 8).

Среди переносных употреблений форм времени В. Станков различает две группы случаев. Одну группу составляют случаи, когда при переносном употреблении возникает некоторый стилистический эффект, другую — случаи, когда при переносном употреблении в значении форм времени выступает некий добавочный модальный элемент. Стилистические переносные значения В. Станков наблюдает лишь у форм настоящего времени. К их числу он относит «настоящее историческое» и «настоящее пророческое». Модальные же переносные значения он находит у форм всех изъявительных времен. В соответствии с этим первые девять глав рецензируемой книги, посвященные каждой одному из изъявительных времен, делятся на две части: в первой излагается

¹ В. Станков. За някои стилистични особености на глаголния вид в разказите на Елин Пелин. «Език и стил на българските писатели», кн. I. София, 1962; е го же. Имперфектът в съвременния български книжовен език. София, 1966; е го же. Преносна употреба на българските глаголни времена и въпросът за инвариантно значение на граматичните форми. «Известия на Института за български език», кн. XVI. София, 1968; е го же. Модална употреба на глаголните времена в съвременния български език. Там же, кн. V. София, 1967.

понимание автором того, что он называет «основным» или прямым значением времени, во второй — рассматриваются «переносные употребления».

Контексты, где констатируется «переносное употребление», характеризуются, по словам автора, некоторым несоответствием между «основным темпоральным значением глагольной формы» в его понимании и «контекстом» (стр. 8). Это иллюстрируется на «настоящем историческом», при котором несоответствие сводится к следующему: контекст (окружающие формы времени — аорист) указывает на прошедшие действия, а обозначаются эти действия формами настоящего времени. «В результате такого противоречия, пишет автор, к значению временной формы добавляются некоторые элементы от контекста, вследствие чего оно (значение. — И. Б.) стилистически окрашивается» (там же). При модальном переносном употреблении форм времени в качестве добавочного окрашивающего элемента выступают различные оттенки, выражающие экспрессию, обусловленную «особым отношением говорящего к высказываемому им действию»: желательность, предположительность, повелительность, готовность совершить действие, уверенность в его осуществлении и т. д. (стр. 52).

Своеобразное толкование В. Станковым объема переносных употреблений форм времен находит свое отражение в предлагаемой им модели болгарских времен (стр. 192—196). Так, в прямой зависимости от этого стоит понимание В. Станковым характера оппозиций, которые он устанавливает между отдельными временами. Поскольку в описании В. Станкова все контексты, где возможно употребление с одним и тем же значением форм не одного, а двух или более времен, относятся к числу переносных употреблений, а переносные значения времен при построении модели принципиально не учитываются, то естественно, что в предлагаемой им модели болгарские времена по чисто темпоральному (в его понимании) признаку могут составлять только эквиполентные оппозиции. Лишь в одном случае В. Станков определяет оппозицию времен как привативную. Мы имеем в виду противопоставление форм аориста и перфекта по признаку «локализованности определенности во времени», но этот признак автор трактует как видовой («в широком смысле») (там же).

Определение указанного признака как видového не представляется бесспорным. Ведь именно темпоральные, а не видовые признаки «локализуют положение действия во времени». Что же касается существа трактовки оппозиции аорист — перфект, то свои соображения на этот счет мы высказали в рецензии на книгу В. Станкова «Имперфект в современном

болгарском литературном языке»². Здесь же остановимся на понимании автором понятия «переносное употребление времени», которое не представляется бесспорным.

Вызывает сомнение зачисление всех описываемых автором модальных значений в «переносные». Показательно то, что ни один модальный нюанс в предложенном описании не прикрепляется к какому-либо одному типу замен форм времени. Иначе говоря, одни и те же замены дают разный результат. Так, формами настоящего времени, которыми говорящий передает «реально будущие действия» (стр. 55), может выражаться и оттенок «потенциальной готовности» (например: «*Отивам, отивам*. Бъди спокоек, шефел», стр. 54), и оттенок «повелительности» (например: «*Докарваш ги тук най-късно до един час! Ако дойдат след един час, ще стане много късно, може и да не успеем!*», стр. 55). И наоборот, один и тот же результат возникает при разных заменах. Тот же оттенок «повелительности» может выражаться еще и формами будущего времени (например: «*Иван вчера цял ден е учил. — Ще учи, какво да прави като има повторителен изпит*», стр. 142), и формами перфекта (например: «*— Навън, проклетнице проклетя! Да не си стъпила на прага ми вече!*», стр. 96). Оттенок «уверенности в осуществимости действия» могут выражать формы и настоящего времени и аориста, и перфекта, когда они употребляются вместо форм будущего времени. Ср. «*В събота сме (настоящее время) на вечеринка, нали?*» (стр. 53), «*Загинахме (аорист. — И. Б.)! Оделе, какво ще стане сега?*» (стр. 71), «*Като прехвърлим оня баир, ниския, и то какиречи сме стигнали (перфект. — И. Б.)!*» (стр. 94). Имеются также случаи, когда модальный нюанс налицо, а «несоответствия между основным значением и контекстом» не наблюдаются. Все это наводит на мысль, что вряд ли можно связывать возникновение того или иного модального оттенка в значении форм времени изъяснительного наклонения в контекстах, рассматриваемых В. Станковым, с субституцией форм времени, с «переносным употреблением», как квалифицирует эти случаи автор.

Возникает также сомнение в том, являются ли вообще рассматриваемые случаи переносным употреблением форм времени. Ведь при переносном употреблении всегда налицо элемент фигуральности, что, например, легко выявляется в случае с «настоящим историческим», но не улавливается, на наш взгляд, в случаях «модального переносного употребления». Автор этого вопроса в рецензируемой книге не касается.

² См. «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 88—90.

Случаями «переносного употребления», рассматриваемыми В. Станковым, не исчерпываются возможности взаимной замены форм времени изъявительного наклонения. Узус современного литературного языка допускает также употребление одного времени вместо другого и в контекстах, нейтральных в отношении выражения каких-либо стилистических или модальных значений. Так, в следующих примерах формами разных времен (в одном случае — формой плюсквамперфекта, а в другом — формой имперфекта) обозначаются так называемые «предпрошедшие действия»: 1. «Въздеха го в една отстранена стая, дето и друг път бе пошувал Бойчо» (стр. 150); 2. «Там преди три години пошуваше покойният Левски» (стр. 31). В обоих предложениях формы времени не содержат никакого модального оттенка в своем значении, хотя можно констатировать наличие «несоответствия между основным значением имперфекта, которое В. Станков определяет как «настоящее в прошедшем», и «контекстом» («преди три години»), недвусмысленно указывающим, что речь идет о действиях, относимых говорящим не к «настоящему в прошедшем», а к «предпрошедшему»³.

Большой интерес представляет VI глава, посвященная описанию значений будущего времени. В литературе о болгарских временах получила признание модальная трактовка значений форм будущего времени⁴, согласно которой эти формы всегда выражают некоторое модальное значение — возможность, вероятность, ожидание, предположение, и поэтому их не следует рассматривать в ряду форм изъявительного наклонения, а нужно выделять в особое наклонение. Хотя В. Станков на страницах рецензируемой книги не ведет дискуссии по этому вопросу (как, впрочем, и по другим спорным вопросам употребления болгарских времен, что обусловлено жанром книги), но анализ материала в этой главе ведется с учетом данной точки зрения. Не случайно, по-видимому, и столь пристальное внимание автора к модальным значениям болгарских времен вообще.

Обычно исследователи, придерживающиеся модальной трактовки значения форм будущего времени ссылаются на семантику вспомогательного глагола сложных форм будущего времени, в ка-

честве которых во многих языках выступают глаголы с опативным значением. Частица *ще* в формах будущего времени именно такого происхождения (*хотѣти*). В. Станков выступает против преувеличения роли частицы *ще* в выражении этими формами модальных оттенков. Он пишет, что «модальный элемент в значении будущего времени... обязан не столько происхождению и прежней семантике частицы *ще*, сколько характеру самого будущего времени» (стр. 141). Он обращает внимание при этом на следующие факты. Во-первых, присутствие вспомогательного глагола с опативным значением в формах будущего времени не обязательно (ср. например, русск. *буду читать* или болг. *няма да чета*, стр. 141—142). Во-вторых, в изолированном высказывании (например: *той ще чете*), характеризующемся спокойной интонацией, формы будущего времени ясно выражают определенное хронологическое отношение следования за моментом речи; вместе с тем, какой-либо модальный нюанс в значении этих форм времени с достаточной определенностью здесь не выявляется. В-третьих, одни и те же модальные оттенки в современном болгарском литературном языке могут выражаться не только формами будущего времени, но и формами других времен. В частности, В. Станков отмечает большое сходство между модальными значениями форм будущего и настоящего времени. Как те, так и другие могут выражать «два типа модальности: потенциальную готовность и повелительность» (стр. 142).

Автор приходит к выводу, что модальные оттенки в значении болгарских форм будущего времени являются «строго контекстуально обусловленными» (стр. 138), что главным в значении этих форм времени является не модальный, а темпоральный элемент и что поэтому неверно не относить их к изъявительному наклонению.

В X главе «Модальные категории болгарских глагольных времен» В. Станков анализирует такие модальные значения, которые «выражаются самими глагольными формами времени, а не обуславливаются контекстом» (стр. 156). Он говорит о трех категориях модальности: категории высказывания, основанного на личной осведомленности; категории высказывания, основанного на информации, полученной «из чужих рук» (пересказывание); категории нейтрального в этом отношении высказывания (стр. 176). Категории высказывания, основанного на личной осведомленности, как пишет автор, присуща только прошедшим временам, что, по его мнению, не случайно. «О личном восприятии есть смысл говорить только в связи с прошедшими действиями» (стр. 176).

Некоторые соображения относительно

³ См. также: И. К. Бунина. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970, стр. 110—112, где специально рассматриваются такого рода случаи и предлагается иная их интерпретация.

⁴ М. Янакиев. За грамемите, наричани в българската граматика «сегашно време» и «бъдеще време». Известия на Института из български език, кн. VIII, София, 1962.

основательности противопоставления группы прошедших времен (аориста, имперфекта, плюсквамперфекта и будущего в прошедшем) остальным изъявительным временам (перфекту, настоящему, будущему и будущему предварительному) мы уже высказали в упомянутой выше рецензии. Здесь добавим следующее.

Во-первых, неясно, почему есть смысл говорить о личном или неличном восприятии действия, связанного с прошлыми событиями. С нашей точки зрения, можно говорить лишь о статистически большей заинтересованности говорящих в выражении этого аспекта содержания сообщения в связи с действиями, принадлежащими прошлому, чем с действиями, принадлежащими настоящему или будущему. Заметим, что пересказывательные времена никакой ущербности в этом отношении не обнаруживают, что, впрочем, отмечает и сам автор: среди пересказывательных времен имеются аналоги всем непересказывательным временам, а не только прошедшим.

Во-вторых, есть некоторое несоответствие в логике рассуждений автора, когда речь идет о группе прошедших непересказывательных времен, с одной стороны, и группе остальных непересказывательных времен, с другой. Так, автор выводит нейтральность последней группы времен из того факта, что формами этих времен «мы можем выражать как действия, о которых мы лично осведомлены, так и действия, о которых мы получили сведения от другого лица (устным или письменным путем)» (стр. 160). Именно этот факт служит ему основанием для того, чтобы заключить, что формы этих времен «не содержат в своем значении указания на личное или неличное восприятие действия говорящим» (стр. 161). Для группы прошедших непересказывательных времен автор также констатирует возможность передавать с их помощью действия, «о совершении которых говорящий фактически может и не быть лично осведомлен» (стр. 156). Из этого утверждения, казалось бы, с очевидностью следует тот же вывод о нейтральности в отношении выражения признака

личной осведомленности и группы прошедших непересказывательных времен. Однако автор утверждает обратное. Он пишет: «В таких случаях с помощью употребления изъявительного аориста, имперфекта и других прошедших относительных времен, которые и здесь не утрачивают своей модальной специфики, говорящий представляет действия как лично им констатируемые, т. е. п р и д а е т (в обоих случаях разрядка автора.— И. Б.) им модальное значение личной осведомленности» (стр. 156—157). Иначе говоря, автор настаивает на маркированности форм этих времен по признаку личной осведомленности (стр. 196).

С этим выводом трудно согласиться. На наш взгляд, более правильным был бы вывод о нейтральности к выражению рассматриваемого модального признака форм всех времен изъявительного наклонения, включая и группу прошедших времен.

В этой же главе (правда, в самой общей форме) В. Станков вводит читателя в курс проблемы происхождения пересказывательных времен о болгарском языке, сообщает об имеющихся разногласиях по этому вопросу и присоединяется к тем исследователям, которые защищают тезис о возникновении пересказывательных времен под влиянием турецкого языка. Он белло останавливается на некоторых особенностях употребления пересказывательных и непересказывательных времен в различных жанрах письменности. Автор касается и такого важного вопроса, как употребление пересказывательных и непересказывательных времен при переводе с иностранных языков. Он отмечает возникающие при этом трудности и дает некоторые рекомендации, которых следует придерживаться при переводе иноязычных глагольных времен в художественном тексте.

Доступно написанная, глубокая, интересная книга В. Станкова несомненно привлечет внимание широкого круга славистов.

И. К. Бунина

R. G. A. DE BRAY. *Guide to the Slavonic Languages*. London—New York, 1969, XXVI—798 p.

Р. ДЕ БРЕЙ. *Руководство по изучению славянских языков*

Основная цель, поставленная автором рецензируемой книги, проф. Лондонского университета Реджинальдом Дж. де Бреем, заключается в том, чтобы ввести в изучение славянских языков читателя, далекого от компаративистики и традиционного славяноведения. Поскольку имеется в виду английский учащийся,

имеющий зачастую «практический склад ума» (стр. ХХI), то естественно, что основное внимание в книге обращено на данные современных литературных славянских языков, их грамматики, графики и орфографии. При этом, как отмечается во введении, автор ориентируется на довольно широкую английскую ауди-

торию, владеющую одним из славянских языков и пожелавшую расширить свои знания в этой области. Книга написана очень простым языком. В ней используется минимум лингвистической терминологии. Тем самым, как полагает автор, она способствует популяризации знаний о славянах и их языках и, следовательно, помимо учебных, преследует также и просветительские цели. Следует сразу же отметить глубокие прославянские симпатии автора, которые придают всей книге в целом и особенно некоторым ее главам яркую эмоциональную окраску.

Поставленные цели могли быть достигнуты разным рода путями. Р. де Брей выбрал сопоставительно-типологическое описание с элементами сравнительно-исторического комментария. При этом, однако, каждому, отдельно взятому славянскому языку был отведен особый раздел. Сопоставительность и сопоставимость этих описаний была достигнута благодаря тому, что каждое из них подчинялось некоторой схеме, своеобразной анкете. Содержание этой схемы-анкеты в более общем виде приводится на стр. XXII введения. Оно сводится к 1) краткой истории развития соответствующего литературного языка и некоторым замечаниям по литературе и культуре его носителей (это наименее регламентированная и наиболее эмоциональная часть программы); 2) орфографии и описательной фонетике; 3) перечислению характерных черт данного языка сопоставительно со старославянским, «общеславянским» и/или наиболее близкородственными по отношению к нему современными славянскими языками (автор сам считает эту часть наиболее важной для каждого раздела); 4) краткому обзору основных диалектов с точки зрения их отношения к литературному языку (наличие литературы на данном языке и использование его в культурной жизни общества рассматривается в качестве основных критериев разделения литературного языка и диалектов); 5) краткой морфологии; 6) специальному разделу (там, где это необходимо), посвященному порядку слов и энклитик; 7) текстам на данном языке без комментариев, транскрибирования и акцентуирования.

Эта схема, раскрытая в самых общих чертах, не вызывает серьезных возражений. Нужно сказать, что пункты, не представленные в явном виде, но имплицитно содержащиеся в описаниях, также не вызывают принципиальных возражений. На некоторых из этих пунктов мы остановимся особо. Каждый раздел имеет параграф, именуемый «Чередование и удлинение гласных» («Vowel gradation and vowel lengthening»). Содержание этих параграфов сводится к совершенно идентичным иллюстрациям из разных живых славянских языков к этим еще прасла-

вянским фонетическим процессам. Неспециалиста (т. е. основного читателя книги) оно может ввести в заблуждение относительно хронологии данных явлений, либо остаться для него совершенно непонятным. Например, какого рода «удлинение» наблюдается в таких парах слов, как болг. *говоря* — *отговарям*; серб.-хорв. *одговдрити* — *одговáрати*; русск. *умру* — *умирать*, укр. *умру* — *умíрати*; чеш. *umru* — *umíratí* и т. д.? Особенно непонятной должна показаться вторая группа примеров, в которой читатель, не имеющий специальной подготовки в области славянского сравнительно-исторического языкознания, обнаружит чередования нуля звука с *i*. Не давая пояснений к русскому и украинскому примерам, автор неожиданно в чешском разделе вводит без комментариев реконструкцию в скобках: *umru* (< *u-tyr*») (стр. 449). Однако эта введенная без предупреждения реконструкция вряд ли поможет читателю. Следует так же указать на слабость другого «сквозного» параграфа — «Сохранившиеся славянские особенности» («Slavonic characteristics preserved»). Р. де Брей рассматривает соотношение старославянского языка и живых славянских языков как аналогичное соотношению латинского и романских с точки зрения обучения этим языкам. Однако здесь методику нельзя отделить от реальной истории языков, поскольку латинский является зафиксированным в памятниках письменности праязыком романских языков, архаические черты которых могут быть благодаря ему восстановлены. Славянский же праязык, как известно, не имеет письменной фиксации, а старославянский является только одним из мертвых славянских языков. Эти неоспоримые факты не дают возможности использовать старославянский язык как эталон описания живых славянских языков, по крайней мере, в русле известных славяноведческих традиций. Остается не совсем понятным, с точки зрения какого эталона описания определяются «slavonic characteristics preserved»¹. Один пример.

¹ Неправ, однако, Х. Х. Бильфельдт, когда обвиняет Р. де Брея в смешении старославянских и собственно русских черт (См. «Zeitschrift für Slawistik», XV, 5, 1970, 731). В действительности в обоих рассмотренных параграфах старославянские снабжаются специальными пометами: «these are really Church Slavonic loan-words» (стр. 35) или «...loan-words from the church language...» (стр. 37). Что касается причастий на *-уц*, типа *несущий*, то, вопреки Х. Х. Бильфельдту, Р. де Брей их не относит к «spezifisch russischen Zügen», а упоминает в параграфе «Морфологические особенности» («Morphological characteristics») (стр. 38) без специальных помет.

В разделе, посвященном польскому языку, как и в других разделах, данный «сквозной» параграф начинается с описания метатезы плавных. И, разумеется, приходится сравнивать польский с лужицкими и противопоставлять чешскому и словацкому. Кстати, замечание автора о том, что «старые долги отражены в гласных альтернантах *o/ó*» (стр. 606) без объяснения генезиса «*rochylenia*» не достигает цели. С другой стороны, в учебных изданиях трактовка проблем типа генезиса «*rochylenia*», конечно, не целесообразна. В то время, как из рассматриваемого параграфа не ясно, о каких «сохранившихся славянских особенностях» идет речь при характеристике результатов метатезы плавных, в следующем параграфе «Черты, характерные для польского» («*Features characteristic of Polish*») речь идет действительно о сохранении праславянской черты — носовых гласных (стр. 609). Неясности в книге Р. де Брея мы относим главным образом за счет трудности сочетания сопоставительно-типологического описания и сравнительно-исторического комментирования.

Монографические описания отдельных славянских языков осуществлены с разной степенью полноты. Причины такого различия определены автором во введении (стр. XXII—XXIII). С ними не всегда можно согласиться, однако авторские права в этом отношении неоспоримы. К числу несомненных достоинств монографических описаний относится группировка характерных черт описываемого языка в соответствии со степенью его близости к близкородственным (например, для чешского: черты, характерные только для него; черты, характерные только для него и словацкого; черты, характерные для него, словацкого и польского и т. д.). Помимо обычных списков парадигм словоизменения приводятся весьма полные семантические микрословари наречий, предлогов и союзов и, таким образом, воссоздается грамматический каркас языка. При этом списки служебных слов разных славянских языков оказываются для читателя сопоставимыми.

Представляется целесообразным более подробное рассмотрение раздела, посвященного белорусскому языку, не только потому, что авторы этих строк представляют белорусское языкознание, но главным образом потому, что для англоязычного читателя это наименее известная область славистики. К тому же основная работа во втором издании книги Р. де Брея свелась к основательному пересмотру именно этого раздела (что отмечается и автором в предисловии ко второму изданию). Материал подраздела «Белорусская морфология» приведен в соответствии с нормативной академической «Граматыкай беларускай мовы», т. 1,

Марфалогія. Мінск, 1962 (полный состав парадигм склонения и спряжения, перечень структурных особенностей частой речи)². Наравне с параграфом, в котором определяются характерные черты белорусского языка, три других посвящены соответственно общим характерным чертам белорусского и русского, белорусского и украинского, белорусского и орфография также излагаются в сравнении с русской и украинской. В хрестоматийное приложение к разделу вошли образцы народного творчества и художественной литературы (среди последних такие широко известные произведения, как «А хто там ідзе» Янки Купалы и «Наш родны край» Якуба Коласа)³.

В вводном параграфе, содержащем краткую историческую справку о белорусском народе и его языке («*Note on the language and its history*»), автор, к сожалению, пользуется иногда устаревшими источниками, что приводит к неправильному освещению некоторых лингвистических и исторических фактов. Известно, что в основу современного белорусского литературного языка легли как юго-западные, так и северо-восточные белорусские говоры, а не только одни юго-западные, как утверждает автор (стр. 129). Вряд ли целесообразно было привлекать устаревшую гипотезу А. А. Шахматова о происхождении белорусов от племен, «первоначально живших значительно дальше на восток, в центральной России, и нашедших убежище в лесах и болотах Белоруссии под давлением пришельцев из Азии» (стр. 129), хотя бы потому, что подобных массовых миграций славян в историческую эпоху вообще не было.

В библиографическом указателе среди работ, посвященных современному белорусскому литературному языку, отсутствуют такие справочники последних лет, как «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (Мінск, 1959);

² Ср. также R. G. A. de B r a u. Grammatical Changes in Modern Literary Belyorussian. «The Journal of Belyorussian Studies», Vol. 1, № 3. London, 1967.

³ Следует заметить, что Р. де Брей не всегда достаточно внимателен к функционально-стилистическому подбору текстов. Одна характерная оплошность. На стр. 27, характеризую язык Пушкина, автор называет его создателем русского литературного языка, отражающего «живую русскую речь в противоположность церковнославянской» (стр. 27), а в качестве единственного образца пушкинской поэзии приводит «Пророк» (стр. 65) с характерной для него полной доминанцией церковнославянской языковой стилистики.

М. І. Гурскі, М. Г. Булахаў, М. Ц. Марчанка. Беларуская мова (Мінск, ч. I, 1964; ч. II, 1962); М. І. Гурскі. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў (Мінск, 1962); А. А. Крывіцкі. Наша родная мова (Мінск, 1967); L. Schneider. Język białoruski (Kraków, 1968).

Имеются некоторые досадные опечат-

ки. Так, искажена фамилия Д. Жилуновича (стр. 131).

Частные недостатки очень полезной книги Р. де Брея отнюдь не заслоняют больших достоинств. «Руководство по изучению славянских языков» вполне заслуживает переиздания.

А. С. Аксамитов, В. В. Мартынов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1971 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Айвазян В. А. Конвергентны ли социализм и капитализм? Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1971, № 7.

Печенев В. А. Социализм в системе международных отношений. «Вопросы философии», 1971, № 9.

Советов А. Актуальные вопросы развития и укрепления мировой системы социализма. Междунар. жизнь, 1971, № 9.

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Визит товарища Л. И. Брежнева в Югославию. «Правда», 1971, 23—25 сентября.

Индра А. Важная веха в укреплении социализма (О XIV съезде КПЧ). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971.

Коцев В. Славные традиции борьбы против оппортунизма, за интернационализм. К 80-летию Болгарской коммунистической партии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 8.

Палин В. Двадцать семь победных лет. Коммунист Вооруж. Сил, 1971, № 17.

Румл В. История КПЧ — ценнейший источник опыта. В кн. 50 лет Коммунистической партии Чехословакии. М., 1971.

Советско-югославское заявление. «Правда», 1971, 26 сентября.

Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1971, № 38.

Хнёупек Б. Съезд торжества социализма (о XIV съезде КПЧ). «Коммунист Украины», 1971, № 8.

Чернейко Г. А. Годор Живков (К 60-летию со дня рождения.) «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9.

Юрков С. Политика Пекина в отношении стран социализма. Междунар. жизнь, 1971, № 10.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Азаренко Л. А. Болгаро-советское экономическое сотрудничество на современном этапе (1960—1968 гг.). «История», вып. 4. Алма-Ата, 1970.

Атацязов О. Сотрудничество — основа прочности стран социализма. «Туркменистан коммунисти», Ашхабад, 1971, № 6.

Афанасьев Н. П. Развитие железнодорожного транспорта Чехословакии. Ж.-д. транспорт, М., 1971, № 7.

Валовой Д., Молчанова И. Экономическое развитие стран СЭВ в 1971 г. Эконом. газета, 1971, № 37.

Войтоловский Г. К., Черемных А. И. Научно-техническая и экономическая информация в рыбном хозяйстве Польской Народной Республики. «Мировое рыболовство», 1971, № 2.

Воронов О. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области судостроения. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений, вып. 6, 1971.

Друзякова Н. М. Объединения в Болгарии. Экономика и организация пром. производства. Новосибирск, 1971, № 1.

Евгениев Г. НРБ: совершенствование хозяйственного механизма. Эконом. газета, 1971, № 37.

Желев Д. Концентрация и специализация производства в Болгарии. «Промышленность Белоруссии», 1971, № 9.

Квеш В. Социалистическая экономическая интеграция и государственный план. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 8.

Климович Д. Социалистическая интеграция и управление. «Новое время», 1971, № 38.

Кормнов Ю. Международная специализация и плановый рынок стран СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 8.

Кузнецова Я. А. Подготовка кадров специалистов — необходимое условие научно-технической революции. На опыте Народной Республики Болгарии. Труды Ленингр. инж.-эконом. ин-та, вып. 78, 1971.

Мартон Я. Вертикальные связи продовольственного хозяйства Венгрии. Экономика сельск. хоз-ва, 1971, № 8.

Миккульский К. Экономика стран СЭВ: факторы роста и проблема эффективности. Мировая экономика и междунар. отношения, 1971, № 10.

Миросниченко К. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ и кредит МБЭС. «Деньги и кредит», 1971, № 9.

Морозов В. Сотрудничество стран СЭВ и суверенитет. «Новое время», 1971, № 36.

Орлов Н. А. Международное разделение труда (развитие специализации и кооперирования в машиностроении стран социалистического лагеря). В кн. Развитие концентрации и специализации в машиностроении. М., 1971.

Осьмова М. Концентрация промышленности в странах СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 8.

Паестка Ю. Совершенствование системы функционирования социалистической экономики в Польше. Экономика и организация пром. производства. Новосибирск, 1971, № 1.

Петрунников А. Исторические преобразования (об успехах НРБ в строительстве социалистической экономики и культуры). «Коммунист Белоруссии», 1971, № 8.

Русев Р. Г. СЭВ и экономическое развитие Болгарии. В кн. В. И. Ленин — вождь и учитель трудящихся всего мира. Минск, 1971.

Рыбалкин В., Черкасов Н. «Интерметалл» (о деятельности международного объединения стран СЭВ). Эконом. газета, 1971, № 36.

Сирота Н. Хозрасчетные производственные объединения в промышленности европейских социалистических стран. В кн. Организация и управление производством за рубежом. Алма-Ата, 1971.

Сорокин В. Г. Особенности организации управления и материального стимулирования на промышленных предприятиях социалистических стран Европы. В кн. Научные основы управления производством. М., 1971.

Степаненко В. И. Аграрно-промышленные комплексы в Народной Республике Болгарии. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1971, № 5.

Ширяев Н. Внешняя торговля СССР со странами СЭВ в девятой пятилетке. Междунар. жизнь, 1971, № 9.

3. Государственное строительство и право

Былгаранов Б. Отечественный фронт в системе социалистической демократии. «Проблемы мира и социализма», М., 1971, № 9.

Воденичаров А. Участие Димитровского Коммунистического Союза молодежи в государственном управлении Народной Республики Болгарии В кн. Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971.

Косарев А. П. Творческое применение ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства в условиях Болгарии. В кн. Проблема философской науки, вып. 2. М., 1971.

Радев Г. Георгий Димитров о народном фронте. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 8.

Социалистическая государственность и демократия. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 8.

Черноголовкин Н. В. Защита завоеваний социализма — кровное дело социалистического государства. Сов. государство и право, 1971, № 9.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Барбасов А. Литература по военной истории Болгарии (обзор советской литературы). Воен.-ист. журн., 1971, № 9.

Белякевич И. И. В. І. Ленін і питання незалежності Польщі в 1914—1917 рр. «Питання нової та новітньої історії», вип. II, 1970.

Бердзенишвили Н. А. О поездке по археологическим местам Румынии и Болгарии. В его кн. Вопросы истории Грузии, т. 5. Тбилиси, 1971.

Букович Д. Діяльність уніатської церкви на Закарпатті. В кн. Документи розповідають. Ужгород, 1971.

Воробей П. У., Пляшко Г. А. В. І. Ленін і деякі питання з історії слов'янських народів. «Питання нової та новітньої історії», вип. 2 1970.

Галустян Дж. О. Армяне на дипломатической службе в Речи Посполитой в XVII в. Ист.-филол. журн., Ереван, 1971, № 2.

Григоров Б. Знаменательное событие в жизни трудящихся Болгарии (к 80-летию Учредительного Бузулуджанского съезда социал-демократической партии Болгарии). «Коммунист Эстонии», 1971, № 8.

Гроссман Ю. М. Юридическое положение крестьян Русского и Белзского вое-

водств XVI — первой половины XVII в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Гуменюк Е. Н. Шляхетский фольварк как сельскохозяйственное предприятие в начале 1870-х годов в Галиции. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Данилов В. А. Иностранцы интернационалисты в Кургане в 1917—1921 гг. Уч. зап. Свердл. пед. ин-та, Тюмен. пед. ин-та, сб. 158, вып. 4, 1971.

Документы о Ленинских днях. (Западная Белоруссия, 1926—1933 гг.) Сов. архивы, 1971, № 4.

Инкин В. Ф. Двориче и сельские общины в селах волошского права галицкого Подгорья XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Каршковский П. И. Скифы на Дунае. Укр. ист. журн., 1971, № 9.

Карпачев А. М. Земское землевладение горожан в Белоруссии XVII—XVIII вв. (к вопросу о владении горожанами именными в Речи Посполитой). В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Козельский А. Г. Влияние боевого содружества воинов 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского на состояние их морального духа. Изв. Воронежского пед. ин-та, т. 101, вып. I, 1971.

Козловский П. Г. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Кравець В. Кому служила уніатська церква на Прикарпатті XVIII—1941 г. В кн. Документи розповідають. Ужгород, 1971.

Лаптева Л. П. Борьба ходов в Чехии против их закрепощения в XVII в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Лойверг М. А., Шлапенток В. Э. Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Макар Ю. У. Участь загонів Армії Людової у Варшавському повстанні 1944 р. «Питання нової та новітньої історії», вип. II, 1970.

Маркина В. А. Социальная структура деревни Правобережной Украины в XVIII — начале XIX в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Марьина В. В. О развитии форм социалистического кооперирования чехословацкой деревни. В кн. Ежегодник по

аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Мелешко В. И. Рыночные связи сельского хозяйства Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII в. (до воссоединения с Россией). В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Мельничук Я. С. Орудия земледелия в Прикарпатье в XVII—XVIII вв. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Мірзасев А. Становище і боротьба робітничого класу Болгарії напередодні першої Світової війни. «Питання нової та новітньої історії», вип. II, 1970.

Мурашко Г. П. Изменение социальной структуры чехословацкой деревни в период социалистической перестройки сельского хозяйства. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Николаевская З. С. К 80-летию Бузлуджанского съезда (вечер советско-болгарской дружбы в ИМЛ при ЦК КПСС). «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9.

Орехов Н. С. Борьба КПЗБ за социальное и национальное освобождение и воссоединение Западной Белоруссии с БССР. В кн. В единой семье братских народов. Материалы науч. сессии, посвящ. 30-летию воссоединения Зап. Белоруссии с БССР. 15 сентября 1969 г. Минск, 1971.

Перцигер И. Б. Из истории участия польских антифашистов в национально-революционной войне в Испании 1936—1939 гг. В кн. Проблемы испанской истории. М., 1971.

Похилович Д. А., Чугай В. Королевские леса Белоруссии и Литвы, во второй половине XVIII в. (производство, население). В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Радунчева А. Некоторые результаты исследования поселения Клиседжик (Северо-Восточная Болгария) в 1967 г. Краткие сообщения Ин-та археологии, № 127, 1971.

Созин И. В. К проблеме рабочих рук в магнатском хозяйстве Южной Польши во второй половине XVIII в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Терешко М. Н. Понятие исторического источника в современной польской методологии истории. Уч. зап. Томского ун-та, № 82. Проблемы социальных исследований, вып. I, 1971.

Фрейденберг М. М. Зависимое держание в окрестностях далматинского города XIII—XIV вв. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Халпахчян О. Х. К вопросу об армяно-сербских культурных связях.

Ист.-филол. журн., Ереван, 1971, № 2.

Черній А. І. Перетворення в народному господарстві Болгарії в перші роки соціалістичної революції (1944—1947 рр.). «Питання нової та новітньої історії», вип. II, 1970.

Чука І. Некоторые проблемы рабочего движения в работах Розы Люксембург (1900—1910 гг.). В кн. Научный коммунизм: проблемы и исследования, вып. 4. М., 1971.

Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. В кн. Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Шиш А. З. Крах католицької дії на західноукраїнських землях. Укр. іст. журн., 1971, № 9.

Якубский В. А. Податные реестры XVI в. и реконструкция зернового баланса фольварочной Польши. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971.

Ятлук К. П. Комсомол Західної України — організатор і керівник комуністичного руху дітей (1920—1932 рр.). Укр. іст. журн., 1971, № 9.

Ятлук К. П. Участь дітей і підлітків у революційній боротьбі трудящих на західноукраїнських землях (1917—1939 рр.) Рад. школа, 1971, № 9.

2. Культура и наука

Бажан М. Поет високих сягань і глибоких суперечностей. До 150-ої річниці від дня народження Ципріяна Норвіда. «Всесвіт», 1971, № 9.

Барта Д., Мюллер К. Чехословацко-советский симпозиум по философским вопросам научно-технической революции (Смоленцы, 1970 г.). «Вопросы философии», 1971, № 8.

Баумгарт Я. Преподавание библиотекведения студентам различных факультетов и лицензиатам в университетах народной Польши. В кн. Профессиональное образование библиотекарей, вып. 2. М., 1971.

Белые В. Пусть вырастет молодой лес (о фильме «Кліш» в постановке В. Чеха). «Искусство кино», 1971, № 8.

Гиневский Я. М. Высшее образование в ПНР: проблемы и перспективы (по страницам журнала «Жите школы вышшей»). Вестн. высш. школы, 1971, № 8.

Гинзбург Л. С. Йозеф Геншта (1795—1853). В кн. Исследования, статьи, очерки. М., 1971.

Гинзбург Л. С. Генрик Венявский в России. В кн. Исследования, статьи, очерки. М., 1971.

Гойко Л. В. Культурные связи Казахстана с Польской Народной Республикой (1950—1967 гг.) «История», вып. 4. Алма-Ата, 1970.

Гольберг М. До типології патріотичних мотивів у слов'янських літературах (на матеріалі літератур XIX в.).

Укр. літературознавство, вип. 8. Львів, 1971.

Жегин Н. София, театральные впечатления. «Театр», 1971, № 8.

Ирмлер Я. Профессиональное образование в единой библиотечной системе Словакии. В кн. Профессиональное образование библиотекарей, вып. 2. М., 1971.

Корній Л. До питання про українсько-польські музичні зв'язки XVI—XVII ст. (за матеріалами побутової, органної та лютневої музики). В кн. Українське музикознавство, вип. 6. Київ, 1971.

Купаков А. В. В. В. Маяковский в десятую годовщину Великого Октября (поездка поэта в 1927 г. в Польшу и ее значение в развитии советско-польских литературных связей). Уч. зап. Кур. пед. ин-та, т. 65, 1971.

Лазарев В. Н. Два новых памятника станковой живописи Палеологовской эпохи. В его кн. Византийская живопись. М., 1971.

Лазарев В. Н. Живопись XI—XII вв. в Македонии. В его кн. Византийская живопись. М., 1971.

Лозинський І. М. Ципріан Каміль Норвід. (до 150-річчя з дня народження). Укр. мова і лит. в школі, 1971, № 9.

Пашковський Л. Академік М. С. Державні радянсько-болгарські культурні зв'язки в 20-30-х роках. «Архів України», 1971, № 4.

Плаксин А. Я. Образ современника в романе Андрея Гуляшки «Семь дней нашей жизни». В кн. Вопросы истории литературы. Енисейск, 1971.

Прутцев Б. И. Писатель и революция (из творческого наследия Бруно Ясенского). Уч. зап. Кур. пед. ин-та, т. 65, 1971.

Прутцев Б. И. Разоблачение мира капитализма и пафос утверждения всевластия пролетариата в романе Бруно Ясенского «Я жгу Париж». Уч. зап. Кур. пед. ин-та, т. 65, 1971.

Пурш И. Чехословацкая кинематография накануне пятидесятилетия КПЧ. «Искусство кино», 1971, № 8.

Цонев И. Идеинная борьба в Болгарии вокруг романа «Мать» М. Горького. Вестн. Беларус. ун-та, Филология, журналистика, педагогика, психология, 1971, № 2.

Цонев М. Исследования по истории науки и техники в Болгарии. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 3—4. М., 1971.

Гезза Л. Генрик Сенкевич (к 125-летию со дня рождения). «Нистру», Кишинев, 1971, № 5.

Черненко М. Привычный и непривычный Вайда. «Искусство кино», 1971, № 8.

Чиковани М. Я. Грузинско-сербско-венгерские эпические встречи. В его кн. Вопросы греческой и грузинской мифологии. Тбилиси, 1971.

Шевчук В. И. Порівняльне вивчення слов'янських літератур (о всесоюзной конференции, проходившей 18—20 мая 1971 г. в Москве). Укр. літературознавство, вип. 8. Львів, 1971.

3. Языкознание

Стойков Ст. Новая первая палатализация в болгарском языке (изменение согласных [k'], [g'] в [č'], [č']). В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнедунайском. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Толстой Н. И. Из блокнота диалектолога. I. Странджанский предикатив *něma*. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Топоров В. Н. Об одном иранизме в славянском: **bazuriti*. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Трубачев О. Н. Две болгарские этимологии. *Самодива. Момчил*. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике (на материале славянских языков). В кн. Этимология. М., 1971.

Тугушева Р. Х. К истории развития торговой лексики в славянских языках (обозначения понятия «товар»). В кн. Вопросы филологии, ч. 2. Л., 1970.

Удлер Р. Самуил Борисович Бернштейн. «Лимба ши литература молдовеняск». Кишинев, 1971, № 1.

Усачев В. В. Названия рыбы *Coregonus albula* L. европейская ряпушка' в славянских языках. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Усикова Р. П. О залоговом значении причастия на *-n/-m* в македонском литературном языке. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Ходова К. И. Окказиональные смещения падежных форм в старославянском языке. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Холмоловцев Хр. Членные формы множественного числа на *-VfmV (mV)* существительных среднего рода типа *něle, момчѣ* в болгарских говорах. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Цейтлин Р. М. Значение приадъективной приставки *при-* в языке старославянских памятников. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Чешко Е. В. Заметки о среднеболгарском Златоусте. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Чумаков А. Ю. П. Замечания к географии и этимологии слов *рядно, ряднина*. В кн. Этимология. М., 1971.

Шерипов В. В. И. Григорович в Праге. В кн. Тартуский университет. Научная студенческая конференция, 26-я. 1971. Тарту, 1971.

Ширкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Шустер-Шевц Г. Из славянского этимологического словаря. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Эйдовска К. Связь деинутивных образований с именной основой в славянских языках. Сб. научн. студенческих работ Тарт. ун-та, 1971, вып. 3, 1971.

Эккерт Р. Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-ŷ*. В кн. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 4

З. Мичева. Балканский пакт и болгаро-югославские отношения (1933—1934 гг.); Д. Росев. Г. С. Раковский и внешняя политика болгарского национально-освободительного движения; Б. А. Цветкова. Изменения в османском феодализме на Балканах в XVI—XVIII вв.; И. Радков. Создание ТКЗХ в Русенской области (1944—1948 гг.); В. Божинев. Салоникская гимназия Кирилла и Мефодия в общественно-политической жизни болгарского населения (1880—1913 гг.); Й. Андреев. Народные веча в политической жизни Первого болгарского царства.

«Kwartalnik Historyczny», 1971, № 4

С. Эрлих. Парижская Коммуна и революционный опыт XX в.; Е. Здрада. Роль Ярослава Домбровского во время Парижской Коммуны; Г. Лябуда. Польские хроники в средневековье; А. Вежбицкий. Вокруг книги *Duch dziejów Polski* (Дух польской истории); Л. Гроссфельд. Германская миссия в Варшаве и ее отношение к польско-советской войне 1920 г.

«Przegląd Historyczny», 1971, № 3

Б. Зентара. Болеслав Высокий — скиталец, репатриант и неудачник; З. Зелинская. Механизм сеймиков

и радзивилловская клиентура в середине XVIII в.; З. Шонска. Сеймовый суд в период Постоянного совета. Судебный процесс барона Юлиуса; С. Ханковски й. Бежанский округ в период январского восстания; С. Ожел. Сражения под Гроховисками; Я. Радзеевски й. Политика коммунистической партии по национальному вопросу на Советской Украине (1920—1927).

«Z pola walki», 1971, № 1

И. Кобердова. Парижская Коммуна и начало польского рабочего движения; К. Вычаньская. Поляки в Парижской Коммуне; Я. Дзевульски й. О теоретико-экономических предпосылках «двадцатилетнего спора» Розы Люксембург и В. И. Ленина по национальному вопросу; А. Гловацки й. Роза Люксембург и западно-поморская организация СПП в период до первой мировой войны.

№ 2

Б. Радляк. Восстановление и деятельность СДКПиЛ в 1899—1901 гг.; Я. Радзеевски й. Идеологическое и организационное формирование коммунистического движения на Западной Украине в 1918—1923 гг.; Ю. Ковальски й. VII конгресс Коммунистического Интернационала и КПП; Г. Бензер. Образование Социалистической единой партии Германии; Ю. Хлебовчик. Процессы рождения наций в Центральной и Восточной Европе и стратегия и тактика рабочего движения.

«Slovanský přehled», 1971, № 5

М. Сутты. У истоков правительственного и бюрократического либерализма и реформизма в России после Крымской войны; Ф. Шром. К формированию социально-политической структуры советской деревни в годы НЭП; З. Сладек. В. И. Ленин и конференция в Генте.

«Československý časopis historický», 1971, № 5

З. Снитил. Коммунистическая партия Чехословакии и некоторые вопросы строительства социализма; К. Герман. Антисоветские интервенционные планы Великобритании и Франции и чехословацкие легионы в России весной 1918 г.; Л. Немешкал. Николай Адаунт Фойгт и первое чешское научное произведение по нумизматике; З. Шимечек. Торговля южной Чехии с Австрией во 2-ой половине XV и начале XVI в.; И. Кутхан. Звиковский бургграф Гирзо; О. Крживка. О происхождении полей и плотности посева в Хронике Гаека.

«Литературна мисъл», 1971, № 4

Верный ученик Благоева и Димитрова; Е. Константинова. В творческой лаборатории Георгия Караславова; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Димитром Димовым; И. Паси. О сущности смешного; Д. Ендлер. Короткие рассказы Ивана Вазова; С. Хаджикосев. Сюрреализм как форма позднебуржуазной эстетики и идеологии; И. Тодоров. К вопросу о критическом издании «Истории славяноболгарской»; Л. Стаматов. Асен Разцветников — от «Красного смеха» до «Нового пути»; П. Пиринска. Теодор Драйзер и Америка.

«Slovenská literatúra», 1971, № 3

Э. Касач. Словацкая литература антифашистского сопротивления; Начало социалистической литературы в Словакии; Ф. Мико. Путь к модели литературной коммуникации; К. Томаш. Приемы рассказчика Швантнера в новелле Атька; Н. Краусова. Советская семиология (семиотика) и ее влияние на современную литературную теорию; М. Шалингова-Иванова. Теория текста и теория стилистики.

№ 4

Д. Окали. Проблематика социалистической литературы и Владимир Клементис; А. Матушка. Значение Новомеского для формирования социалистической литературы; Э. Панова. К рецепции творчества М. Ю. Лермонтова в Словакии; Й. Гвищ. Развитие и теоретический вклад польской генологии; М. Придавкова-Минарикова. Из текстологии в Польше.

«Български език», 1971, № 1

Л. Андрейчин. За более полное изучение языка И. Богорова; Р. Русинов. К вопросу о типологии простого двусоставного (сообщительного) предложения в современном болгарском литературном языке; С. Георгиев. Собственные имена-прозвища; В. Константинова. Предлоги, выражающие пространственные отношения в современном болгарском литературном языке; Б. Симеонов. Происхождение названий сел западнее Софии (Сливнишко); Л. Андрейчин. Грамматические труды И. Богорова; Х. Пантелева. Лексикографические труды И. Богорова; В. Шейтанова. Синонимы в путевых записках Ивана Богорова; Б. Шклифов. Общность говора с Бешчица с костурским говором; В. Бешевлева. К вопросу о происхождении имени *гръх*; М. Иванова. К вопросу о транскрипции некоторых поль

ских имен на болгарском языке; И. Кынчев. Редкое греческое слово в языке П. Р. Славейкова; М. Виденов. Текст из г. Годеч.

«*Język Polski*», 1971, № 4

Б. Гавранек. 50 лет журнала «*Język Polski*»; Е. Островская. О современной поэзии в языковедческом плане; Б. Крея. О специфических словообразовательных конструкциях типа *złoty medalista*; Е. Бартиминский, Ч. Косыл. Формы дательного — местного падежа ед. ч. типа (*na*) *blasze*, (*na*) *blase* в говорах без мазурения в Любельском крае; М. Сулиш. *Polanin — Polak — Polska*; К. Коваликувна. Польские *dziki*, *dziwy* и *dziwoki* на общеславянском фоне; Б. Линдерт. О говоре Цехоцинека; Ю. Речек. Транскрипция греческих имен и слов;

Б. Родлавский. Является ли *w międzyzycie* коробящим германизмом?

«*Slavia*», 1971, № 3

Л. Ньюмэн. О реконструкции третьего «ята» в северных диалектах общеславянского языка; Г. Кржижков а. Система неопределенных местоимений в современных славянских языках; Ф. В. Мареш. К вопросу о славянском глагольном виде; А. С. Мильников. Вольтер и Чехия; З. Генник-Березовская. Драматическое творчество Леси Украинки в литературном контексте эпохи; Советское славяноведение на страницах журнала «*Slavia*» за 50 лет; Г. В. Шаллер. К вопросу о порядке слов в славянских языках; З. Недзеля. Послевоенные достижения польской богемистики в области литературоведения; Р. Пражак. По поводу ответа М. Вывияловой.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОЛОНИСТИКА В ГДАНСКЕ

В настоящем обзоре мы попытаемся обобщить достижения в области послевоенных исследований по полонистике, осуществленных усилиями гданьских филологов.

Начало гданьской полонистики было скромным и весьма трудным. Изучение польской филологии в Высшей педагогической школе¹ началось в 1947 г., когда был объявлен семинар по соответствующей проблематике. Только в 1950—1952 гг. появились кабинеты истории польской литературы и языка, которые в 1953 г. были преобразованы в кафедры.

Большие заслуги в организации изучения полонистики в освобожденном из-под немецкой оккупации Гданьске, а также в подготовке филологов для научно-исследовательской работы принадлежат разным университетским центрам страны, прежде всего познаньскому и торуньскому. Из Университета им. М. Коперника в Торуне приезжал на лекции в Гданьск проф. д-р Т. Маковецкий, историк литературы и искусства, а из Познаньского университета проф. д-р Р. Полляк, историк литературы, издатель и знаток маринистики. В 1957—1970 гг. работой кафедры истории литературы Высшей педагогической школы руководил проф. д-р А. Буковский, воспитанник Познаньского университета, постоянно связанный с Гданьском.

Гданьская Высшая педагогическая школа возникла как заведение типично профессиональное, готовящее учителей для нужд просвещения. Помимо педагогической работы это учебное заведение проводило в течение всего времени научные исследования в разных областях знания.

Гданьские исследования литературы в минувшие десятилетия были весьма обширны и разнообразны. Область исследуемых проблем включала как явления общепольские, так и региональные, проблематику как историко-литературного, так и теоретического характера.

Важное место в исследовании явлений общепольской литературной жизни зани-

мало изучение старопольской литературы, особенно периода Возрождения и Барокко². Научное руководство этими исследованиями осуществлял проф. д-р Б. Надольский из Торуня, связанный до недавнего времени с гданьской Высшей педагогической школой. Особенно основательными являются исследования по теории и истории польской публицистики XVI—XVII вв., политической литературы периода польского Возрождения, творчества Яна Кохановского, поэтики популярной любовной лирики XVII в., ренессансной фацеции, контрреформационной бытовой сатиры XVII в., а также стилей в польских риториках XVII в.

Докторские семинары, проводимые проф. д-ром Б. Надольским, концентрировались на литературе старопольской и эпохи Просвещения. К главным темам работ относились: публицистика, ораторство, популярная поэзия XVII в., писательское искусство, театр и драматургия, сатира, а также польско-русские литературные связи. В большей степени благодаря инициативе проф. Б. Надольского в Гданьске развернулось изучение риторики и истории ораторства. Здесь наиболее интересной является работа о красноречии деятелей Четырехлетнего сейма (1788—1792).

Исследования Просвещения ведутся доц. д-ром Э. Рабовичем и касаются преж-

² Назовем ряд опубликованных работ о старопольской литературе: B. N a d o l s k i. Jan Kochanowski. Życie i twórczość. Materiały (1960); е г о ж е. Wybór mów staropolskich (1961); E. K o t a r s k i. Publicystyka Jana Dymitra Solikowskiego (1970); е г о ж е. Odprawa posłów greckich Jana Kochanowskiego (1969); J. K o t a r s k a. Poetyka popularnej liryki miłosnej XVII wieku w Polsce (1970); е е ж е. Model popularnej liryki miłosnej w Polsce XVII wieku (в печати); Z. R u n d u c h. Nauka o stylach w retorykach polskich XVII wieku (1967); Z. N o w a k. Kонтрреформacyjna satyra obyczajowa w Polsce XVII wieku (1968); K. M e ż y Ń s k i. O mennonitach w Polsce (1961); е г о ж е. Z wędrówek polskich mennonitów pomorskich. Gmina w Berdiańsku nad Morzem Azowskim. «Rocznik Gdański», t. XXVII, 1970.

¹ Высшая педагогическая школа — учебное заведение, на основе которого (а также на основе Высшей экономической школы) вырос Гданьский университет, открытый 1 июля 1970 г.

де всего течения, существовавшего на стыке художественной официальной литературы и литературы народной, распространенной в листках, листовках, написанных на случай. На эту тему он готовит как библиографическую монографию, так и издание текстов политической поэзии Четырехлетнего сейма, а также антологию творчества некоторых поэтов *minogus gentium* (Ю. Белявский, А. Коссаковский, А. Миер и др.). Другим объектом его исследований является деятельность и творчество Станислава Трембецкого, которому он посвятил обширный филологический труд³.

Изучением романтизма руководила проф. д-р М. Янион, сотрудник Института литературных исследований Польской академии наук, которая в течение многих лет приезжает из Варшавы в Гданьск для проведения занятий⁴. Проблематика, ею разрабатываемая, отличается широтой. Разнообразны и темы докторских диссертаций, создаваемых под ее руководством. Они разрабатывают проблемы сугубо историко-литературного характера (например, польский «роман ужасов», образ Татр в романтической литературе), проблемы на стыке истории литературы и театрологии (постановки романтических драм на польских сценах после войны, романтический шекспиризм), проблемы из об-

ласти истории литературы и истории идей (романтический республиканизм, консервативная романтическая мысль), вопросы жанра и стиля (жанровая сцена в романтической повести), поэтическая проза Зыгмунта Красиньского, стилистические функции синтаксиса в романтической повести), наконец, проблемы романтической эстетики (концепции трагизма в польской романтической мысли, романтическая фантастика, романтические мифы), а также проблемы методологии литературных исследований (психологизм в польских литературных исследованиях). Романтическая проблематика исследуется также и вне вышеназванного докторского семинара. Так, доц. д-р К. Мейжинский продолжает исследования романтизма и художественного языка Мицкевича, виленской среды, из которой этот поэт вышел, деятельности Г. Э. Гродэка.

Исследования прозы XIX и XX вв. — это следующий круг научных интересов гданьских полонистов⁵. Отличительной чертой является здесь попытка связать проблемы историко-литературные с проблемами языка, стиля и теории литературы. Исследуются также некоторые проблемы литературного языка XIX в. (например, языковая характеристика персонажей в польском романе 1800—1831 гг., язык «Пана Тадеуша», проблемы литературного языка в сознании писателей периода реализма и натурализма), заслуги Людвика Штырмера и Юзефа Дзежковского в развитии форм повествовательной прозы середины XIX в., проблемы структуры повествования в тенденциозных произведениях Ожешко, прозе Антония Сыгетынського, Стефана Жеромского, концепция времени в романах Теодора Парницкого и т. п.

В плане изучения литературы Молодой Польши проводятся исследования эстетики и историософии рубежа XIX и XX вв., а также ориентализма в польской литературе⁶.

³ Среди множества публикаций о Провсвещении следует отметить следующие: E. R a b o w i c z. Stanisław Trembecki w świetle nowych źródeł (1965); ег о ж е. Polonica oświęceniowa w bibliotekach i archiwach ZSRR. «Archiwum Literackie», t. V. Wrocław, 1960; ег о ж е. Studia historyczne Stanisława Trembeckiego. Ibid. t. XIII. Wrocław, 1969; ег о ж е. Polskie rokoko literackie. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Prace historyczno-literackie», 1969, № 2; B. K r a k o w s k i. Oratorstwo polityczne Sejmu Czteroletniego (1969).

⁴ В качестве примера можно назвать следующие работы гданьских исследователей романтизма: M. J a n i o n. Zygmunt Krasiński — debiut i dojrzałość (1962); е е ж е. Romantyzm. Studia o ideach i stylu (1969); K. M e ż y ũ s k i. Adam Mickiewicz a Gotfryd Ernest Grodeck (1963); ег о ж е. K. C. Mrongowiusz jako kandydat na profesora gramatyki i języków słowiańskich w gimnazjum Krzemienieckim. «Rocznik Gdański», t. 21, 1962; ег о ж е. Studia historyczne Mickiewicza w Wilnie. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Prace historyczno-literackie», 1965, № 1; J. B a c h ó r z. O szkicach fizjologicznych w literaturze polskiej okresu międzypowstaniowego 1831—1863. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Prace historyczno-literackie», 1969, № 2; S. D ą b r o w s k i. W sprawie «ulotnego powiedzenia» Mickiewicza. «Pamiętnik Literacki», 1970, № 1.

⁵ См. на эту тему такие работы, как: H. C i e ś l a k o w a. Charakteryzacja językowa postaci w powieści polskiej w latach 1800—1831 (1969); K. C h r u ś c i ũ s k i. Józef Dzierzkowski. Pisarz i działacz polityczny okresu międzypowstaniowego 1831—1863 (1970); J. M i c h n o. Pozycja narratora w prozie Antoniego Sygietyńskiego (1967). См. также докторскую диссертацию Анны Мартушевской о рассказчике в тенденциозных повестях Ожешко и докторскую диссертацию Малгожаты Черминьской о времени в романах Теодора Парницкого.

⁶ Наиболее значительным является труд Я. Тучиньского: J. T u c z y ũ s k i. Schopenhauer a Młoda Polska (1969). Кроме того, он опубликовал ряд научных статей, среди них: Mickiewicz a mitologia indyjska, «Przegląd Orientalistyczny», 1968, № 4.

Проблематика романтической литературы исследуется в ряде работ, подготовленных и готовящихся на докторском семинаре проф. д-ра А. Буковского. Здесь затрагивается история направлений эпохи: препозитивизм, реализм, натурализм, позитивистская драматургия (Близинский), литература для юношества.

Другим руслом научных интересов гданьских историков литературы является региональная проблематика⁷. Исследована литературная и интеллектуальная жизнь Поморья XVI и XVII вв. Исследуется давняя и современная литература Вармии и Мазур, польская письменность и литературная жизнь Гданьского поморья в период минувшего полувека.

Все больший интерес гданьских филологов вызывают проблемы маринистики, так называемые «морские» традиции польской мысли, а также культура скандинавских стран⁸. Эта проблематика разрабатывается на докторском семинаре, руководимом проф. д-ром А. Буковским.

Гданьские филологи, особенно в последнее время, проявляют живой интерес к теории и методологии литературных ис-

следований⁹. Пафос методологического поиска дает о себе знать не только в работах общетеоретического характера, но и в конкретных историко-литературных исследованиях. К их числу можно отнести опыты стилистической интерпретации литературных направлений, осуществляемые доц. д-ром Е. Михно в применении к польскому натурализму. С этим направлением исследований связан также ряд работ о структуре рассказчика в романе. В центре внимания ученых оказались проблемы художественного времени, анализируемые на материале современной литературы, а также некоторые проблемы на стыке с социологией литературы — на материале малых эпических форм середины XIX в. Стали актуальными вопросы морфологического разграничения так называемых малых повествовательных форм, разновидностей публицистической прозы. Отрадно заметить, что деятельность теоретиков литературы обрела в настоящее время институциональные рамки в виде отделения теории литературы Института польской филологии Гданьского университета.

Теперь попытаемся рассмотреть результаты послевоенных исследований гданьских языковедов, группировавшихся прежде всего вокруг кафедры польского языка Высшей педагогической школы¹⁰. Их научные интересы, как и у историков литературы, распространяются на явления общепольские и региональные.

В центре исследований по общепольской проблематике доминировали проблемы, связанные с описательной грамматикой польского языка, польским слово-

⁷ См. B. N a d o l s k i. Ze studiów nad życiem literackim i kulturą umysłową na Pomorzu w XVI i XVII wieku (1969); A. B u k o w s k i. Regionalizm kaszubski (1950); е го ж е. Pomorze Gdańskie 1807—1850. Wybór źródeł (1958); е го ж е. Pomorze Gdańskie w powstaniu styczniowym (1964); е го ж е. Florian Cejnowa w gimnazjum Chojnickim (1831—1841). Studium z dziejów oświaty, konspiracji i folklorystyki pomorskiej. «Rocznik Gdański», t. XXVI. Gdańsk, 1968; е го ж е. «Gazeta Toruńska» (1867—1921). «Rocznik Toruński», t. 3. Toruń, 1969. (Проф. А. Буковский в настоящее время подготавливает к печати словарь писателей Поморья, Вармии и Мазур, а также второе издание «Кашубского регионализма»). Z. S i e l s k i. Teatr polski w Wolnym Mieście Gdańsku. 1920—1939 (1969). Сданы в печать статьи К. Хрустиньского о литературной жизни Гданьского побережья в 1945—1970 гг., а также о литературной и творческой жизни в Гдыне в 1920—1970 гг.

⁸ См. работы, касающиеся вопросов маринистики и польско-скандинавских культурных отношений: J. T u c z y Ń s k i. Od Gopla do Bałtyku (1966); E. K o t a r s k i. Antologie staropolskiej publicystyki morskiej; Z. Z i e s i e l s k i. Znajomość literatury polskiej w Skandynawii. «Twórczość», 1968, № 4. Несколько статей этого исследователя появилось в познавательном журнале «Nurt» (1968) о скандинавских половофилах. В печати книга З. Цесельского о польско-скандинавских культурных связях в XIX и XX вв.

⁹ Публикации из области теории и методологии исследований с участием гданьских полонистов: Liryka polska. Interpretacje. Krakow, 1966; Czytamy wiersze. Warszawa, 1970; J. M i c h n o. Pozycja narratora jako problem historyczno-literacki. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Prace historyczno-literackie», 1965, № 1; M. C h m i e l n i k o w s k a. Bibliograficzne wyznaczniki stylu w twórczości Augusta Wilkońskiego. Ibid.; M. C z e r m i ń s k a. Dwa modele czasu powieściowego (strumień świadomości inoveau roman). «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Prace historyczno-literackie», 1969, № 2; S. Dąbrowski. Na marginesie «Głównych problemów wiedzy o literaturze» Henryka Markiewicza. «Pamiętnik Literacki», 1966, z. 4; е го ж е. Metaepilegomena czyli Henrykowi Markiewiczowi dopowiedź. «Pamiętnik Literacki», 1968, z. 1. С. Домбровский подготовил к печати книгу «Teoria genologiczna Stefani Skwarzyńskiej (próba analizy i krytyki)».

¹⁰ См. H. G ó r n o w i c z. Osiągnięcia oraz postulaty badawcze w zakresie dialektologii i onomastyki na Pomorzu (1945—1965). «Rocznik Gdański», t. XXIV, 1965.

образованием, главным образом современным, культурой речи, а также с некоторыми аспектами исторической грамматики (доц. д-р Крея). Подготавливается докторская диссертация об отглагольных существительных.

Развиваются в широком масштабе исследования из области топонимики, касающиеся родовых названий местностей всего славянского мира (доц. д-р Гурнович). Ведутся исследования языка наиболее выдающихся польских писателей на фоне польского литературного языка первой половины XIX в. Работают в Гданьске и над проблемами математической лингвистики, особенно в целях машинного перевода¹¹.

Более всего развиты исследования, касающиеся языковых явлений северной Польши¹². Создана монография мальборкского диалекта. В течение некоторого времени — в рамках диалектологических исследований — изучался хелмишко-добжанский говор. Ученые также интересовались языком украинских переселенцев в Гданьском воеводстве. Помимо диалектологических исследований под руководством доц. Гурновича ведутся широкие работы в области ономастики северной Польши. Их целью — по примеру так называемой лейпцигской школы — является изучение обширной области

Гданьского поморья. Будет всесторонне обследована и описана местная топонимика всех повятов Гданьского воеводства, а в будущем и всего Поморья. Языковеды готовят также два словаря фамилий по Поморью: словаря кашубских фамилий и словаря фамилий некашубского Поморья.

Среди специалистов, занимающихся ономастикой, распространено мнение, что в Гданьске наряду с краковской и вроцлавско-опольской возникла третья польская школа ономастики, учитывающая достижения современной методологии. История польского языка на Гданьском поморье, Вармии и Мазурах — это следующий круг вопросов, разрабатываемых местными языковедами. Исследован язык жителя Гданьска Миколая Фолькмара¹³. Подготавливается докторская диссертация о польском языке на Вармии и Мазурах. Уже исследованы польские элементы личных имен в Гданьске до XVI в.

Коллектив гданьских ученых под руководством доц. У. Виньской проводит исследования в области методики преподавания польского языка и литературы¹⁴.

Научные исследования в области языкознания проводились и проводятся также и вне бывшей Высшей педагогической школы и нынешнего Гданьского университета¹⁵. Так, З. Броцкий и магистр Л. Роппель интересуются морской ономастикой, магистр К. Домбровский — топонимикой древнего Гданьска, магистр А. В. Драпелла — формированием морских понятий, д-р Б. Сыхта создал сло-

¹¹ См. В. Крея. *Oboczne formy zaimkowe typu jego (go i jeji) ji w języku polskim* (1962), *Słowótworstwo rzeczowników ekspresywnych w języku polskim* (1969); Н. Гó р н о в и с з. *Rodowe nazwy miejscowe Wielkopolski, Małopolski i Mazowsza* (1968), *Studia nad nazwami miejscowymi w języku polskim* (1968); В. М о г о ъ. *Język pierwszej epoki twórczości J. I. Kraszewskiego (1829—1839)*. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia polska. Prace językoznawcze», Gdańsk, 1967, № 3; е г о ж е. *Język drugiej epoki twórczości J. I. Kraszewskiego (1838—1859)*. Ibid., 1969, № 4; Л. В и е р з б о в с к и. *Informacje fleksyjne w automatycznej syntezie czasowników polskich*. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne. Filologia polska. Prace językoznawcze», 1969, № 4; е г о ж е. *Probleme der Flexionssynthese bei der automatischen Übersetzung*. «Biuletyn Fonograficzny», 1970, № 11. Л. Вежбовский является также автором учебника грамматики польского языка для лицеев.

¹² Вот перечень некоторых исследований гданьских языковедов в области языковых явлений северной Польши; Н. Гó р н о в и с з. *Dialekt malborski, t. I. Fonetyka, fleksja i składnia* (1967); Н. П у к - В у г а л с к а. *Gwara wsi Cieclocin w ziemi dobrzyńskiej*. «Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego», t. VIII, 1962; е е ж е. *Zawołania zwierząt domowych w ziemi chełmińsko-dobrzyńskiej*. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne», 1962, № 2.

¹³ Л. В и е р з б о в с к и, Ф. Ж е з и е р с к а, В. М у с з ы њ с к а, В. С и к о р с к и. *Język Mikołaja Volckmara*. «Gdańskie Zeszyty Humanistyczne», 1964, № 11.

¹⁴ Доц. У. Виньская опубликовала ряд научных статей и книгу (*Błędy językowe-stylistyczne uczniów szkół podstawowych województwa gdańskiego*, 1966). Р. Ефимова защитила в 1967 г. докторскую диссертацию (*Wybrane zagadnienia z dziejów języka polskiego w Gdańsku w XVII wieku na podstawie podręczników języka polskiego*).

¹⁵ См. З. Броцкий, J. Т. Хоłowі њ с к и. *Uwagi o słownictwie handlu morskiego (Na marginesie pracy W. Skibickiego «Angielsko-polska terminologia handlu morskiego»)*. Gdańsk, 1956; З. Броцкий. *Morze na oku. Historyjek z życia terminów morskich zbiorok drugi*. Gdynia, 1964; Л. Р о п п е л. *Przegląd-historyczny prac nad polskim słownictwem morskim w latach 1839—1939*. Gdańsk, 1955; А. В і д р а п е л л а. *Ster. Ze studiów nad kształtowaniem się pojęć morskich. Wiek XV—XX*. Gdańsk, 1955; е г о ж е. *Zegluga — nawigacja — nautyka. Ze studiów nad kształtowaniem się pojęć morskich, cz. I. Wiek XVI—XVIII*. Gdańsk, 1955.

варь кашубских говоров на фоне народной культуры (1967—1969), который считается фундаментальным трудом в области исследований говоров прибалтийской Польши.

Мы не претендовали на всестороннее освещение всех направлений в области гданьской полонистики. Намечены лишь

самые общие линии, дающие некоторое представление о жизни филологического Гданьска. Однако достаточно и беглого обзора, чтобы с полным правом назвать наш город крупным научным центром, внесшим ценный вклад в польскую филологию.

Казимеж Хрустиньский

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

В минувшем учебном году (1970—1971) югославистами Ленинградского университета были защищены три кандидатские диссертации.

На заседании лингвистической секции Ученого совета филологического факультета 15 октября 1970 г. состоялась защита диссертации Н. И. Сокаль на тему «Безличные предложения в современном сербохорватском языке».

Основное внимание автор диссертации уделил исследованию способов выражения структурного центра (сказуемого), выявлению структурных особенностей и классификации безличных предложений. Большое внимание в диссертации уделено также определению специфики выражения сказуемого в отдельных типах безличных конструкций, роли второстепенных членов предложения как факторов, обуславливающих безличность, описанию лексики, характерной для разных типов безличных конструкций, и выяснению степени употребительности этих конструкций в современном сербохорватском языке.

Автор приходит к выводу, что безличность предложения в сербохорватском языке может быть обусловлена лексико-морфологическим значением глагола, безличными грамматическими формами непереходных глаголов с элементом *се*, грамматической природой самой конструкции (это наблюдается в именных предложениях без вспомогательного глагола, в которых субстанция выражена формой косвенного падежа), а также контекстными и синтаксическими условиями.

На основании проведенного анализа материала Н. И. Сокаль выделяет три типа безличных конструкций в зависимости от минимума компонентов, необходимых для их оформления: однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные. К диссертации приложена схема основных типов безличных предложений в сербохорватском языке, которая показывает разнообразие в способах выражения их сказуемого и разновидность их состава, а также таблица количественного соотношения употребительности отдельных типов безличных предложений.

Высокую оценку научного исследования Н. И. Сокаль дали официальные оппоненты — д-р филол. наук проф. В. Л.

Георгиева (Ленинградский гос. педагогический институт им. Герцена) и канд. филол. наук доц. С. И. Груздева (Ленинградский университет). Положительный отзыв о диссертации дали доц. В. П. Гудков (Московский университет) и доц. З. Г. Розова (Львовский университет).

Кандидатская диссертация О. И. Трофимкиной «Сербохорватско-русский объяснительный словарь к произведениям С. М. Любичи», защита которой состоялась 11 марта 1971 г., посвящена проблемам межъязыковой лексикографии. Основную часть диссертации составляет словарь языка произведений С. М. Любичи — известного сербского писателя (1824—1878), занимающего важное место в истории формирования современного сербохорватского литературного языка. Ввиду большого объема словаря в диссертацию включен не весь словарь, а только часть его (около 25 авторских листов). В словаре дается толкование и общеупотребительных и окказиональных значений слов. Вторая часть диссертации — теоретическое обоснование принципов составления данного словаря и приемов лексикографической обработки материала, наблюдения над особенностями стиля и словоупотребления писателя, а также наблюдения над источниками его лексики. Особое внимание уделено здесь анализу лексики, связанной с народными обычаями и обрядами и группирующейся вокруг понятий и слов *брат*, *вера* и других слов общеславянского происхождения.

Составленный О. И. Трофимкиной словарь языка произведений С. М. Любичи — первый и единственный пока полный словарь языка сербского писателя. Этот словарь дает богатый материал для изучения языка и стиля самого С. М. Любичи и для изучения проблем образования и развития сербохорватского литературного языка. Он может облегчить создание областного словаря черногорских говоров и стать источником материала для других лексикографических исследований.

Официальные оппоненты д-р филол. наук проф. А. В. Федоров (Ленинградский университет), канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Н. И. Толстой

(Институт славяноведения и балканистики АН СССР), а также автор внешнего отзыва канд. филол. наук Е. А. Левашов (Словарный сектор Института языкознания АН СССР) дали высокую оценку диссертации. О научном значении исследования О. И. Трофимкиной говорится и в отзыве югославских ученых д-ра М. Пешикана и д-ра Д. Гортан-Премк (Институт сербохорватского языка Сербской АН), в котором, в частности, сказано: «Для сербохорватских лексикологов... может быть только полезным существование исследования, где непосредственно на сербохорватском материале демонстрируется метод и достижения зрелой и развитой лексикографической школы, которая занимает выдающееся место в международной лингвистике. С удовлетворением подчеркивая этот факт, мы рекомендуем рассматривать диссертацию О. И. Трофимкиной как серьезную и зрелую монографию, как прекрасный вклад в изучение языка и творчества Любичи, а также истории сербохорватского литературного языка и языковой культуры в целом и как удачный опыт межъязыковой описательной лексикографии».

6 мая 1971 г. состоялась защита кандидатской диссертации И. В. Арбузовой на тему «Ватрослав Ягич и русская славистическая наука (Из истории создания „Энциклопедии славянской филологии“»).

В диссертации И. В. Арбузовой исследуется история создания незавершенной «Энциклопедии славянской филологии» — одного из центральных международных славистических изданий конца XIX — начала XX в., объединившего большинство филологов-славистов того времени. В ней рассматривается, в частности, замысел «Энциклопедии славянской филологии» и постепенное его осуществление. Основное внимание автор уделяет освещению роли в подготовке и публикации этого издания самого Ватрослава Ягича — инициатора и вдохновителя «Энциклопедии». В исследовании используются преимущественно архивные материалы: документы Архива АН СССР, письма Ягича к русским ученым из ряда хранилищ Советского Союза и многочисленные (около трех тысяч) письма русских (отчасти и иностранных) ученых к Ягичу из его богатейшего архива, хранящегося в Национальной и Университетской библиотеке в Загребе. Взаимоотношения В. Ягича с русскими учеными-славистами и его место в русской науке до сих пор освещены еще относительно слабо, в то время как о его связях с польскими, чешскими, хорватскими, болгарскими, немецкими учеными издан ряд публикаций и монографий (работы Й. Хамма, М. Мурко, П. Скока, П. Орешкова, Г. Рёзеля, Г. Порта и др.). Между тем и сам В. Ягич не раз заявлял, что контакты с русскими учеными в его научной деятельности играли особенно важную роль. Велик был

вклад русских ученых и в издание «Энциклопедии».

В отзывах официальных оппонентов д-ра филол. наук проф. Н. А. Мещерского (Ленинградский университет) и канд. филол. наук А. И. Хватова (Институт русской литературы АН СССР) указывалось, что диссертационное исследование И. В. Арбузовой заполняет пробел в описании истории славянской филологии конца XIX — начала XX в. и вводит в научный обиход большое количество интересных архивных материалов. По мнению проф. Мещерского, оно заслуживает публикации в полном объеме.

Ученый совет филологического факультета Ленинградского университета единогласно присвоил Н. И. Сокалю, О. И. Трофимкиной и И. В. Арбузовой ученую степень кандидата филологических наук.

М. Л. Бершадская

● 14 июня 1971 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук старшим преподавателем факультета славянских филологий Софийского университета Р. Ц. Павловой на тему «Сопоставительное исследование конструкций с предлогами причинного и причинно-следственного значения в болгарском и русском языках». Р. Ц. Павлова проходила научную подготовку в заочной аспирантуре в Институте под руководством д-ра филолог. наук Е. В. Чешко.

В своей диссертации Р. Ц. Павлова поставила задачу «найти объективную процедуру установления предложных значений и семантической классификации каузальных предлогов».

Семантическая классификация предлогов причинного и причинно-следственного значений, предложенная Р. Ц. Павловой для болгарского и русского языков, покоится на единых строгих критериях. В определении этих критериев она опирается на основные положения работ по семантике Ю. Д. Апресяна и Д. С. Уорса. Разграничение значений внутри причинных конструкций основано на выделении специфического для данного предлога контекста, в котором другой предлог не может быть употреблен. Анализ контекстов, имеющих трансформы с разными предлогами, дает возможность выделить и другие значения рассматриваемых конструкций с достаточной строгостью и объективностью. Правильность выделенных значений проверялась экспериментально путем широкого опроса носителей исследуемых языков. Сопоставление анализируемых конструкций проведено по единым дистрибутивным моделям. В согласии с требованиями избранного метода диссертант большое внимание уделяет изучению

функционирования предлогов в различных жанрах и стилях речи.

В качестве официальных оппонентов на защите выступили д-р филолог. наук И. И. Ревзин (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и канд. филолог. наук Е. А. Захаревич (Ленинградский университет), которые были едны в высокой оценке вклада Р. Ц. Павловой в разработку методики сопоставительного исследования и в область конкретных научных знаний о причинных и гречинно-следственных конструкциях в сопоставляемых языках.

И. И. Ревзин обратил внимание на то, что «выработка единой стандартной формы описания, в которой факты двух языков систематизировались по единым критериям», является актуальной задачей современной типологии близкородственных языков, и опыт Р. Ц. Павловой в этом отношении представляет большой интерес. И. И. Ревзину представляется теоретически оправданным положение диссертанта о необходимости последовательного учета при дистрибутивном анализе семантики не только класса слов, зависимых от причинного предлога (что имело место и в предшествующих работах), но и классов управляющих слов и прежде всего глаголов. Творческой удачей считает И. И. Ревзин и плодотворное применение диссертантом принципа совместности Ю. Д. Апресяна к проблеме предложных словосочетаний.

По мнению Е. А. Захаревич теоретические обобщения Р. Ц. Павловой «могут быть использованы и другими исследователями при дальнейшей разработке проблем сопоставительного изучения языков».

Оба оппонента отметили богатство материала, глубину конкретного анализа, умелое и «щедрое» использование статистических данных, уместность и наглядность таблиц и схем. Критические замечания оппонентов касались второстепенных вопросов и, как выразился И. И. Ревзин, носили «намеренно дискуссионный характер».

Структурно-типологическое исследование Р. Ц. Павловой, имеющее не только теоретическое, но и большое практическое значение (для преподавания языков и для перевода), было по достоинству оценено Ученым советом, единодушно проголосовавшим за присуждение ей ученой степени кандидата филологических наук.

И. К. Бунина

● 9 июня 1971 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук преподавателем Курского педагогического института Е. Н. Андриюшиным на тему «Димитр

Благоев и Великая Октябрьская социалистическая революция».

В представленной работе исследуется развитие взглядов Д. Благоева по вопросам теории социалистической революции под влиянием опыта Октябрьской революции и идей В. И. Ленина.

Официальные оппоненты профессор, д-р ист. наук И. С. Галкин и профессор, д-р ист. наук Г. И. Чернявский отметили этот новый аспект изучения диссертантом теоретической и практической деятельности Д. Благоева, поскольку и в болгарской и в советской историографии оценка позиций Д. Благоева давалась главным образом с точки зрения влияния на него тех или иных идей, без должного учета опыта Октябрьской революции и практики революционной борьбы болгарского рабочего класса.

Е. Н. Андриюшин убедительно доказал решающее значение Октябрьской революции и революционной борьбы болгарского пролетариата для усвоения Д. Благоевым ряда важнейших положений ленинизма, понимания необходимости пересмотра старых теоретических установок тесняков и принятия ими ленинской теории социалистической революции, учета этого опыта и ленинского учения в практической деятельности руководимой им Болгарской коммунистической партии.

Ученый совет единогласно присудил Е. Н. Андриюшину ученую степень кандидата исторических наук.

И. Потапова

● 14 июня 1971 г. состоялась защита кандидатской диссертации А. Н. Тельгариним на тему «Советско-чехословацкие отношения после второй мировой войны (1945—1949 гг.)». В представленном труде исследованы борьба политических сил Чехословакии по вопросам внешней политики, развитие советско-чехословацких отношений после победы народно-демократической революции, тесное политическое, экономическое и культурное сотрудничество СССР и ЧСР.

Такое комплексное рассмотрение проблемы и определяет научную значимость работы. Помимо опубликованных источников и литературы автор широко использовал материалы советских и чехословацких архивов. Многие документы введены в научный оборот впервые.

Официальные оппоненты д-р ист. наук А. И. Недорезов и канд. ист. наук Я. Б. Шмераль дали положительную оценку работе, отметив актуальность избранной автором темы.

Ученый совет Института единогласно высказался за присуждение А. Н. Тельгарину ученой степени кандидата исторических наук.

Р. Смирнова

● 8 октября 1971 г. на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук доцентом истфака МГУ В. Г. Карасевым на тему «Живоин Жуёвич (публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в.)».

Представленная к защите работа явилась итогом многолетних исследований В. Г. Карасева в области русско-сербских общественных связей второй половины XIX в. Им были выявлены и подвергнуты научному анализу до сих пор не известные 83 произведения сербского публициста Живоина Жуёвича, опубликованные им в русской демократической печати 60-х годов XIX в., что позволило радикально пересмотреть существовавшие до сих пор представления об идейном облике сербского публициста, охарактеризовать его вклад в развитие русско-сербских общественных связей, определить его место в общественном движении Сербии.

Официальными оппонентами д-ром ист. наук проф. С. И. Сидельниковым, д-ром ист. наук проф. Ю. А. Писаревым и д-ром ист. наук проф. П. А. Зайончковским были отмечены новизна постановки вопроса и свежесть материала, большое исследовательское мастерство диссертанта. С. И. Сидельников отметил как одно из главных достоинств диссертации В. Г. Карасева успешное решение им двух задач — выявление источников (произведений Ж. Жуёвича, опубликованных им в России) и анализ их содержания, самостоятельность автора в решении сложных общетеоретических, источниковедческих и историографических задач. Ю. А. Писарев особенно отметил мастерство диссертанта при доказательстве им авторства Жуёвича, расшифровке псевдонимов. Диссертация В. Г. Карасева, подчеркнул П. А. Зайончковский, дает возможность проследить влияние, которое оказывала на славянскую молодежь, приезжавшую учиться в Россию, русская демократическая общественная мысль.

Ученый совет исторического факультета МГУ единодушно присудил В. Г. Карасеву ученую степень доктора исторических наук.

В. В. Зеленин

● 13 декабря 1971 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Ю. И. Смирновым на тему «Славянские эпические традиции (проблемы эволюции)».

Диссертационная работа Ю. И. Смирнова является результатом долголетнего и всестороннего анализа и систематизации славянских эпических песен. В работе рассматривалось четыре круга вопросов с последовательным переходом от самой общей проблематики к вполне конкретному случаю: межславянская фольклорная общность и первоочередные задачи ее изучения; славянская эпическая общность и логика ее изменчивости; схождения между славянскими эпосами на уровне повествования и формулирование правил построения эволюционных цепочек; построение эволюционной цепочки одного из 93-х возможных случаев, отмеченных в списке схождений.

Эволюционные цепочки представляют собой более надежную основу для последующих исследований любого порядка, нежели статичный подход, стремление привязать эпическую песню к одной точке исторического времени. Только реализовав представления об изменчивости эпоса, можно затем приступать к попыткам хронологизации песен, отжиму поздних элементов, увязыванию полученного результата с результатами смежных наук.

В выступлениях официальных оппонентов д-ра ист. наук В. Е. Гусева (Ленинград), канд. филол. наук В. М. Гацака, в отзывах, присланных д-ром филол. наук Б. Н. Путиловым (Ленинград) и д-ром филол. наук Л. Б. Барогом (Уфа), а также в выступлении д-ра искусствоведения И. Ф. Балзы была дана высокая оценка представленной диссертации, которая является существенным вкладом в изучение важнейшей проблемы фольклористики — выявление межславянской фольклорной общности.

Ученый совет института единодушно присудил Ю. И. Смирнову ученую степень кандидата филологических наук.

Р. Юрьев

АКАДЕМИК ФЕРДО ЧУЛИНОВИЧ

15 сентября 1971 г. в Загребе скончался выдающийся югославский юрист, историк права и историк, действительный член Югославянской академии наук и искусств и Сербской академии наук и искусств, почетный доктор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Фердо Чулинович.

Выходцу из трудового народа (Ф. Чулинович родился 17 мая 1897 г. в Карловаце в рабочей семье), человеку прогрессивного образа мыслей было очень трудно заниматься научной деятельностью в буржуазно-помещичьей Югославии, и полтора десятка лет после окончания юридического факультета Загребского университета (1925 г.) Ф. Чулинович провел в душных канцеляриях различных судебных инстанций. Занимая посты председателя окружного суда в Белой Церкви, Панчево и Госпиче, Ф. Чулинович, сочувствовавший борьбе народных масс против диктаторского режима, не раз спасал революционных борцов от судебных преследований.

Одновременно с работой в судебном ведомстве Фердо Чулинович начинает заниматься наукой, и уже в 1931 г. выходит его первый крупный научный труд — исследование о знаменитом сербском средневековом кодексе «Законнике» царя Стефана Душана. В 1934 г. он публикует работу о Статуте города Сења — средневековом юридическом памятнике одного из далматинских городов, а также выступает с докладом о «народном праве». В этом докладе и в вышедшей в 1938 г. книге «Народное право» ученый развивает мысль о несоответствии государственно-правовой системы королевской Югославии правосознанию народа, на обширном материале народных представлений о «правде и кривде» показывает его стремление к изменению общественного строя. Такие идеи не могли нравиться властям, и они отказались утвердить избрание Чулиновича профессором Загребского университета. Когда же в апреле 1941 г. хорватские фашисты-ушасты захватили власть в Хорватии, Фердо Чулинович был в тот же день уволен с поста председателя окружного суда в Госпиче. Вскоре он перешел на нелегальное положение, а в 1942 г. фашистский суд заочно приговорил его к смертной казни.

С 1943 г. Ф. Чулинович активно участвует в работе Антифашистского веча народного освобождения земли Хорватии (ЗАВНОХ) как его депутат, заведующий

Отделом правосудия, позднее как секретарь Законодательной комиссии и Комиссии по делам военных преступников, разрабатывает ряд юридических актов новой Югославии.

В июне 1945 г. Фердо Чулинович возглавил кафедру истории государства и права юридического факультета Загребского университета, в 1955 г. он был избран членом-корреспондентом Югославянской академии наук и искусств, а в 1962 г. ее действительным членом.

Последние два десятилетия своей жизни академик Чулинович посвятил исследованию важных исторических проблем, таких как антифеодальные выступления крестьян в Хорватии, революционная борьба трудящихся в югославянских землях Австро-Венгрии под влиянием Октябрьской революции (его книги «Крестьянские восстания в Хорватии» и «Отклики Октября в югославянских землях» были изданы в нашей стране в переводе на русский язык). Крупным вкладом в югославскую историографию является цикл книг Ф. Чулиновича, посвященный историческому развитию Югославии с момента ее образования в 1918 г. до создания Федеративной Народной Республики Югославии в 1945 г. (пять крупных монографических исследований, объединенных общей идеей). В них Ф. Чулиновичем введены в научный оборот многочисленные документы, дан анализ политического развития югославского буржуазно-монархического государства с момента его возникновения до его краха. Свыше 40 капитальных монографий и более 100 монографических исследований меньшего объема по широкому кругу юридических, историко-правовых и исторических вопросов — таково научное наследство академика Чулиновича.

Фердо Чулинович был горячим и искренним другом Советского Союза и много сделал для укрепления товарищеских контактов между советскими и югославскими историками. За большие заслуги в развитии общественных наук, в укреплении дружбы с учеными СССР академик Фердо Чулинович в 1970 г. был провозглашен почетным доктором Московского университета.

В памяти всех, кто знал академика Фердо Чулиновича, он навсегда сохранится как крупный ученый, горячий патриот своей родины, большой друг советского народа, простой и обаятельный человек.

В. В. Зеленин, В. Г. Карасев

CONTENTS

<i>I. I. Kostiushko.</i> The Soviet-Polish Treaty from the 8-th of April, 1965. <i>A. I. Nedorezov.</i> Klement Gottwald and the victory of the Leninist principles in the activity of the Communist Party of Czechoslovakia. <i>V. S. Parsadanova.</i> The Soviet Union's help in the development of the guerilla movement in Poland (1944). <i>B. Floria.</i> Russia, Rzeczpospolita and the end of the Livonian war. <i>N. N. Ponomareva.</i> The plays of Dimitar Dimov's. <i>G. Ostrovsky.</i> The creative contacts of the artists from Transcarpathia with the plastic art of the Czech and the Slovak peoples. <i>I. I. Svirida.</i> Walenty Wańkowicz's early work. <i>P. S. Belyakova.</i> The problem of film adaptations of Bolesław Prus' work. <i>M. A. Mikhailov.</i> Depreverbialization and the semantics of prefixes	3
--	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>B. L. Fonkich.</i> The history of the Kiev glagolitic fragments	82
--	----

THE MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>A. I. Rogov.</i> The Polish descriptions of the XVII-th century Moscow	84
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>D. F. Poplyko.</i> V. N. Kondratyeva. The Russian diplomatic documents about the agrarian relations in Bosnia and Herzegovina (the 60—70-ies of the XIX-th century). <i>V. D. Koroliuk.</i> Ст. С. Шиклев. Екслибрис в България. <i>I. Miller.</i> Juliusz Bardach. Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współczesni. <i>Yu. Smirnov.</i> The songs of the Bulgarian antifascists. <i>I. K. Bunina.</i> В. Станков. Българските глаголни времена. <i>A. S. Aksamitov, V. V. Martynov.</i> R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic Languages	92
--	----

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the modern state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1971 (continued). The contents of foreign periodicals	104
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kazimierz Chruściński</i> (Poland). Polonistics in Gdańsk	111
<i>M. L. Bershadskaya, I. K. Bunina, I. Potapova, R. Smirnova, V. V. Zelenin, R. Juryev.</i> — The defense of dissertation theses	115
<i>V. V. Zelenin, V. G. Karasev.</i> Academic Ferdo Čulinović	119

Технический редактор *Е. В. Алексеева*

Сдано в набор 10/XII-1971 г. Т-03699	Подписано к печати 28/II-1972 г.	Тираж 1175 экз.
Зак. 3167	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 10,5
		Бум л. 3 ¹ / ₄ Уч.-изд. л. 12,0

2-я типогр. изд. «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»

Готовится к печати:

ВОПРОСЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ.

20 л. 1 р. 50 к.

Сборник содержит материалы IV общесоюзного симпозиума по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры славянских народов».

В статьях рассматриваются вопросы общетеоретического характера, посвященные странам Центральной и Восточной Европы, движущие силы национального возрождения, политика великих держав в отношении славянских народов, связи прогрессивных кругов народов России со славянами. Кроме того, в сборник включены работы, рассказывающие об истории культуры славянских стран.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 49; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.